

Существовать полнее –
это все больше объединяться.

П. Тейяр де Шарден

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

«Лингвистический ежегодник Сибири» – первый выпуск сборника научных публикаций, в котором нашли отражение некоторые аспекты лингвистической теории и практики сибирского региона.

На первое приглашение принять участие в ежегоднике, кроме Красноярска, откликнулись коллеги из Тюмени, Томска, Новосибирска, Читы. Но мы не оставляем надежды, что на страницах последующих выпусков найдут свое место результаты научных поисков представителей других городов Сибири. Может быть, наш ежегодник станет одной из возможностей в наше трудное время материальных невозможностей составить представление об основных направлениях научных поисков сибирских лингвистов, будет служить объединению научных сил, то есть – более полному существованию науки о языке.

Мы просим присылать материалы в разные разделы ежегодника: статьи, заметки, критика и библиография, жизнь ученых, хроника, информация, анонс.

Редакционная коллегия

КТО И КАК МОЖЕТ КОНТРОЛИРОВАТЬ СИТУАЦИЮ?

Совет на завтра Водолеям:
контролируйте ситуацию.
(Гороскоп. КГТРК. 27.02.99)

Почти всеобъемлющее реформирование, происходящее в России на протяжении последних лет, естественно порождает значительные изменения прежде всего на лексико-фразеологическом уровне русского языка. Они выражаются как в ресемантизации (реконнотации) или архаизации ранее известных слов и устойчивых словосочетаний, так и во введении новых в активное употребление. В сугубо семиотическом аспекте эти лексико-семантические процессы и их результаты могут рассматриваться в качестве замены одних элементов знаковой этносоциокультурной системы другими, что в конечном счете призвано, по-видимому, настроить сознание носителей русского (в данном случае) языка на беспрепятственное восприятие иных, чем ранее, аксиологических ориентиров и таким образом моделировать поведение членов этносоциума. К числу подобных устойчивых словосочетаний, широко распространенных и часто используемых в т.н. средствах массовой информации, можно отнести, например: *общечеловеческие ценности, общеевропейский дом, гуманитарная помощь, цивилизованные государства, мировое сообщество, миротворческие силы, гарант конституции, рыночная экономика, русскоязычное население, стабилизация экономики* и многие другие.

Эти фразеологизмы, выступая в совокупности с тематически сходными словами и словосочетаниями, а также рядом стилистически иных и генетически разнородных лексико-семантических единиц, образуют весьма интересную для лингвистов разновидность общественно закрепившегося словоупотребления. По признакам сходства функций и хронологической приуроченности она может быть соотнесена с тем социолектом, который обычно определяется специалистами как «новояз», и вполне укладывается в рамки дефиниции «постновояз».

Обширный материал для изучения состава и специфических черт постновояза дают тексты телевидения. Телевизионные передачи – в высшей степени эффективная форма рекламы товаров и пропаганды идей, способная воздействовать одновременно на многомиллионную аудиторию и склонять ее к принятию определенных решений

---

* © А.Д. Васильев, 1999

(самым прямым образом – при покупке ка кого-нибудь продукта или голосовании за политического деятеля; косвенным – повседневно влияя на сознание потребителя телепродукции и исподволь подготавливая его к совершению окончательного выбора).

Вербальные символы-мифогены – а именно таковы формы, сущность и предназначение компонентов постновояза, как и новояза, – обычно оказываются недолговечными, исторически быстротечно сменяя друг друга в зависимости от почти сиюминутной пропагандистской необходимости: *шоковая терапия, молодые реформаторы, примирение и согласие, красно-коричневые, русский фашизм, равноправное партнерство* и т.п.

Среди штампов, играющих заметную роль в процессе мифологизации окружающей действительности, к числу наиболее активных в телевизионном дискурсе принадлежат *ситуация под контролем, взять (брать) ситуацию под (чей-либо) контроль, контролировать ситуацию, выйти из-под контроля* и подобные.

В соответствии с оптимистическими оттенками, возникающими у сочетания *контролировать ситуацию* и подобных ему, в зависимости от контекстуального окружения, можно (конечно, довольно условно) сгруппировать наиболее типичные случаи его употребления.

К первой группе относятся высказывания, содержащие информацию о попытке действия, направленного на преодоление какого-либо негативного явления (стихийного бедствия, социального потрясения и т.п.). Так, о мерах китайских властей по ликвидации последствий наводнения, возникшего из-за прорыва дамбы, сообщается: «*Ситуация на Янцзы все более **выходит из-под контроля**, хотя борьба со стихией не прекращается*». [Новости. ОРТ. 08.08.98]. Жители одного из боливийских городов после разрушительного землетрясения громят уцелевшие магазины, а «*властям пока не удалось **взять ситуацию под контроль***» – хотя в город направлены войска [Новости. ОРТ. 30.01.99]. В России, «*как сказал вице-премьер Ю. Маслюков, **все должно быть под контролем***» [Вести. РТР. 04.03.99], – ср. констатацию министра финансов того же правительства М. Задорнова: «*Ситуацию под контролем удержать удалось... **Ситуация макроэкономическая под контролем***» [Вести. РТР. 12.03.99]. *Сотрудники МЧС считают, что им удастся удержать ситуацию под контролем*_[о паводке в Новосибирской области – Время. ОРТ. 20.04.99].

Другая группа может включить в себя прогнозы результатов потенциального *контроля* либо его отсутствия: «*Ситуация в стране может стать **неподконтрольной***» [Вести. РТР. 15.07.98]. «*В былые времена (при резком росте курса доллара) виновных бы уволили, а*

президент взял бы ситуацию под личный контроль» [Новости. ТВ-6. 12.01.99]. *«Чтобы избежать подобного (т.е. рэкета), надо обращаться в милицию, не дожидаясь, пока ситуация выйдет из-под контроля»* [Дежурная часть. РТР. 27.05.99]. Впрочем, даже при наличии контроля предположения о возможных его результатах трудно назвать оптимистическими: *«По словам министра (внутренних дел), ситуация на Северном Кавказе взята под контроль. Однако ни один из субъектов региона не застрахован от возникновения очага напряженности, нарушения стабильности»* [Время. ОРТ. 04.07.98]. *«Ситуацию (после финансового кризиса) может взять под контроль, и то без каких-либо гарантий, только какой-то тяжеловес»* [А. Лебедь. Новости. ОРТ. 24.08.98]. *«Глава (украинского) Центрального банка, хотя и говорит, что ситуация под контролем, прогнозировать развитие событий не берется»* [Вести. РТР. 31.08.98]. *«Если в России ситуация выйдет из-под контроля, то в Китае это обязательно аукнется»* [Новости. ОРТ. 25.2.99] и др. Ср. явно запоздалые констатации: *«Гарантировать заправку каждому мы не можем. Ситуация вышла из-под контроля»* [7x7. 7 канал. 13.06.99]. *«Теперь (!) распространение наркотических веществ среди молодежи (в Красноярске) приобрело характер эпидемии и вышло из-под контроля»* [Вестник «Союза дела и порядка». Афонтово. 26.06.99].

О возможности употребления контроля говорится и накануне событий, в значительной степени предсказуемых; например, по поводу слухов о возможной девальвации рубля: *«Центробанк уверяет, что ситуация под контролем»* [Новости. ТВ-6. 09.07.98] или при позднейшей оценке происшедшего: *«По словам Хасбулатова, он и его сторонники в сентябре-октябре 1993 г. контролировали ситуацию, оружие припасали только в психологических целях»* [Парламентский вестник. РТР. 06.09.98]. Ср. аналогичные по смыслу формулировки: *«Коммерческие банки... ощущают, что ситуация взята под контроль (Центробанком)»* [Вести. РТР. 18.09.98]. *«Ситуация (в Югославии) выходит из-под контроля дипломатов»* [Вести. РТР. 06.10.98]. *«Пытаясь взять ситуацию под контроль, латвийское правительство решило ограничить проституцию»* [Новости. ТВ-6. 01.02.99]. Подобным образом интерпретируются ранее сделанные высказывания, содержавшие утверждения о наличии контроля: например, суждение, порожденное фактом «зверского убийства» трех англичан и одного новозеландца в Чечне: *«Разговоры о том, что в республике все под контролем, больше не впечатляют...»* [Время. ОРТ. 14.12.98]. Ср. также тематически близкие: *«Главная задача похищения (генерала Шпигуна) – подорвать авторитет президента Масхадова, продемонстрировать, что он не может контролировать ситуа-*

цию» [Н. Сванидзе. Зеркало. РТР. 14.03.99] – и: «*В Кремле не верят в способность Масхадова контролировать ситуацию»* [Новости. Рен ТВ – 7 канал. 09.03.99].

Особо можно выделить также те случаи употребления сочетаний со словом *контроль*, в которых оно не обозначает какого-то активного действия или системы мер, но подразумевает наблюдение за ходом событий и их регистрацию. Например, генерал, командующий группой федеральных войск в Чечне, заявляет: «*Ситуация контролируется... То есть анализируются, сопоставляются данные, информация... Вот в каком смысле...*» [Время. ОРТ. 09.01.95]. Ср. подобную декларацию директора одного из лесхозов в Хабаровском крае, охваченном лесными пожарами; после сообщения о том, что очаги пожара пока не могут локализовать (т.е. ограничить определенным местом, не допускать их дальнейшего распространения), говорится: «*Ситуация практически (т.е. по существу) контролируется, но она очень тяжелая. ...Речь идет уже (!) не о борьбе с лесными пожарами (в крае), а о контроле за ситуацией»* [Новости. ОРТ. 15.08.98]. Ср.: «*(Президент) держит под постоянным контролем ситуацию вокруг Ирака»* [Доброе утро. ОРТ. 19.11.98 – через несколько дней начались американо-английские бомбардировки Ирака], или совет бывшего вице-премьера новому составу правительства в качестве первоочередных мер советует предпринять «*контроль за развитием ситуации»* [А. Чубайс. Вести. РТР. 26.08.98], а также несколько двусмысленное: «*Все громкие преступления берутся под личный контроль президентом нашей страны»* [Л. Шебаршин. Парламентский час. РТР. 29.11.98; по-видимому, имелось в виду, что берутся под контроль именно расследование и раскрытие преступлений]. Подобные оговорки уже не единичны: «*Именно УВДТ контролирует нелегальный вывоз металлов с комбината «Норильский никель»* [Новости. ТВК. 02.03.99].

Пожалуй, наиболее интересны даже с точки зрения обыденной логики высказывания о контроле ситуации, сопровождающие информацию об уже происшедших (и зачастую трагических) событиях. После скандала на борту украинского судна, находившегося в круизе, «*капитан «Тараса Шевченко» сказал, что все под контролем: на 573 пассажира приходится почти 300 членов экипажа»* [Время. ОРТ. 08.06.98]. В первые дни финансового кризиса мэр столицы заявляет: «*Призываю к спокойствию, мы контролируем ситуацию... Самое главное сейчас – понимание сложности ситуации»* [Ю. Лужков. Новости. НТВ. 28.08.98]. Ср. тематически связанное с этим: «*С прилавков Красноярска стали исчезать продукты. Городские власти заяви-*

ли, что *ситуация находится под контролем*» [Новости. ТВК. 08.09.98].

Убийство одного из депутатов Государственной Думы вызвало чрезвычайную активность милиции и других ведомств; «(по словам премьера) *несмотря на события последних дней (т.е. убийство Г. Старовойтовой и бурное публичное обсуждение его возможных причин), ситуация полностью контролируется*» [Новости. ОРТ. 24.11.98]; это же происшествие послужило импульсом к оживлению борьбы с преступностью, причем глава правительства заявил о необходимости «*физически уничтожать тех, кто убивает женщин и детей*», — последовал комментарий журналиста: «*Это значит, что ситуация вышла из-под контроля и ее нужно переломить*» [Вести. РТР, 28.11.98]. Иногда видеоряд вступает в полное противоречие с вербальным текстом сообщения; так, для фразы журналиста, ссылающегося на официальный источник: «*Президент полностью контролирует ситуацию на таджикско-афганской границе*», — визуальным фоном являются кадры видеохроники, запечатлевшие разрушенную накануне заставу; кроме того, здесь же говорится о захвате боевиками на этом участке границы двух заложников. — Останкино. 15.07.93].

Принятие соответствующими должностными лицами мер безопасности после какого-то инцидента также, очевидно, является составной частью *контроля ситуации*. Например, «*...московские власти после провала (части мостовой на Большой Дмитровке) заявляют, что ситуация под контролем. К месту провала съехались всевозможные комиссии*» [П. Гутник. 6 новостей недели. ТВ-6. 03.08.98]. После того, как в одном из спортивных залов г. Котласа во время соревнований обрушился балкон, что повлекло за собой человеческие жертвы, «*группы спасателей работали слаженно. Ситуация находится под контролем*» [Вести. РТР. 20.12.97]; ср.: «*...заместитель главы администрации района заявил, что он держит ситуацию под контролем*» [по поводу того, что несколько детей получили ожоги от золы, тлеющей на т.н. самовольной свалке одного из красноярских заводов; здесь же было сказано, что ранее руководству завода уже делались предупреждения. — Новости. Афонтово. 12.05.98]. После информации о взрывах в четырех административных зданиях в Ташкенте, в результате чего пятнадцать человек погибли и около ста пятидесяти были ранены, сообщается, что «*сейчас положение в городе полностью контролируется. В обычном режиме работают учреждения, предприятия*» [Вести. РТР. 17.02.99]. При рассказе о мерах, принятых после сильного пожара в Самаре, при котором погибло несколько десятков человек и полностью сгорело здание областного

управления внутренних дел, также не обошлось без слова *ситуация*: «... сделали из этого соответствующие выводы... и решили, что делать в этой *ситуации*» [министр по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу; корреспондент комментирует: «Почему-то выводы раньше не сделали, хотя случаи возгорания этого здания уже были». – Новости. ОРТ. 12.02.99]. Сравните что сказано о том же происшествии на-завтра после пожара: в Самарской области (которую, кстати, журналист тут же назвал «губернией») «ничего (т.е. громких преступлений) не произошло. *Ситуация остается под контролем*», что подтверждается словами одного из офицеров милиции: «Осложнение криминальной *ситуации* не наступило» [Вести. РТР. 12.2.99]. Очевидно, что слово *ситуация* в рассказах разных лиц об этом инциденте выступает с разными семантическими оттенками, обозначая 1) оценку состояния противопожарной безопасности *после* пожара, 2) меры по отношению к чиновникам, ответственным за нее, 3) степень поддержания правопорядка, ничем не отличающуюся от бывшей до пожара. Однако интенции высказываний довольно прозрачны и, хотя в первом из них словосочетания *ситуация под контролем* нет, ассоциации с ним, несомненно, имеются; одновременно констатирующая и ободряющая тональность послужила причиной почти иронической реплики корреспондента. Имплицитное присутствие уже привычного «*ситуация под контролем*» ощущается в позднейшем комментарии того же события: «Подразделения внутренних дел области оперативно *контролировали обстановку*, ... *несмотря на пожар*» [Время. ОРТ. 25.02.99].

Столь же любопытны случаи, когда речь идет о событиях, с трудом или вообще не поддающихся какому бы то ни было *контролю*, вроде изложения эпизода художественного фильма, главный герой которого «*проконтролировал прыжок с крыши*» другого персонажа – самоубийцы, т.е. прыгнул вместе с ним [Новости. ОРТ. 07.02.98]. Приблизительно таковы по степени реализации призывы «*взять кризис под контроль*» [А. Лебедь. Афонтово. 24.08.98] или изданное городской администрацией «*распоряжение руководителям образовательных учреждений; его суть – строго **контролировать ситуацию** и отменять занятия при низких температурах*» [поскольку в это время в Красноярске были сильные морозы, а отопительные системы работали неэффективно. – Утренний кофе с Афонтово. 26.01.99]. Ср. информацию о попытках тушения пожара на грозненском нефтеперерабатывающем заводе: «*Пожарные ничего не могут сделать: у них нет ни сил, ни средств. Если огонь перекинется на соседние здания, **ситуация окончательно (!) выйдет из-под контроля***» [Вести. РТР. 09.01.99].

Наконец, можно привести примеры, в которых упоминание о *контроле ситуации* играет, скорее всего, роль сигнала, оповещающего адресата-телезрителя о полной естественности положения вещей и, соответственно, об отсутствии оснований для беспокойства. Так, представитель органов внутренних дел, сообщив, что в крае нет «воров в законе», заключает: «**Мы контролируем ситуацию**» [хотя «в целом уровень преступности нельзя считать низким». – ИКС. КГТРК. 09.07.98]. Ср., впрочем, слегка ироническое вступление С. Доренко: «Неделя была ирреальной.., (но показала), что президент есть и что он **контролирует ситуацию**», после чего приводится фрагмент интервью О. Сысуева: «Он – активно действующий президент, который **держит под контролем все процессы**» [Время, ОРТ. 24.01.99]; а также «сказку», рассказанную одним из ведущих программы «Человек и закон»: «Правил один человек... Он в силу здоровья часто просто не мог **контролировать ситуацию**» [далее — пояснение, что имелся в виду Л.И. Брежнев. – ОРТ. 10.02.99]. Небезынтересно сопоставить разные точки зрения: «Очевидно, Ельцин сегодня уже никак **не контролирует ситуацию**» [Что случилось. Рен ТВ – 7 канал. 27.03.99] и: «Ельцин **держит под контролем доставку всех гуманитарных грузов в Югославию**» [Новости. Рен ТВ – 7 канал. 15.04.99]. «Замена Примакова на Степашина показала, что именно Ельцин **контролирует ситуацию в стране**» [Обозреватель. ТВ-6. 16.05.99].

Таким образом, семантика сочетаний *контролировать ситуацию, держать ситуацию под контролем* и подобных, обычно содержащих слово *контроль* и однокоренные ему, а также существительное *ситуация*, оказывается довольно нечеткой. Более того: во многих случаях она вступает в противоречие с фактическим содержанием излагаемого сообщения. При явном подразумевании управления ходом событий, предвидения происшествий, намерения предотвращать их и не допускать их последствий, или, по крайней мере, уменьшать их тяжесть – контексты сообщений, однако, противоречат этим интенциям говорящих, опровергая их.

Приведем лексикографические данные о наиболее типичных случаях сочетаемости существительного *контроль* в относительно еще недавнее время: *контроль* – ‘проверка, а также наблюдение с целью проверки’. «Строгий, сильный, слабый, особый, неослабный (книжн.), постоянный, усиленный, рабочий, партийный, народный... *контроль*. *Контроль кого-чего*: (о том, кто или что осуществляет контроль) ~ рабочих, родителей, старших, партии, государства...; *контроль чего*: (о том, над чем осуществляется контроль) ~ работы, продукции, качества... *Контроль за чем* ~ за качеством, за выполнени-

ем чего-л., за работой, за посещением чего-л. (занятий...), за производством, за потреблением... *Контроль над чем*: ~ над производством, над потреблением... *Контроль со стороны кого-чего*: ~ со стороны родителей, со стороны старших, со стороны директора, со стороны учителя, со стороны партийного комитета (*сокр.* парткома), со стороны администрации... Осуществление, задача – контроля. Организовать, наладить, осуществлять, ослабить... контроль. *Из-под контроля* (выйти ~ ...). *Под контроль* (взять что-л. ~ ...). *Под контролем* (держать что-л. ~, находиться ~, работать ~). Пример: «Контроль за качеством продукции на предприятии осуществляет специальный отдел». «Дети должны находиться под постоянным контролем взрослых» [Словарь сочетаемости слов].

Как видим, *контроль* в советский период был весьма многосторонним и разноаспектным. Существовала также специальная государственная организация – «Народный контроль – в СССР система органов, сочетающих гос. контроль с обществ. контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и орг-циях. Органы Н.к. контролируют выполнение гос. планов и заданий; ведут борьбу с нарушениями гос. дисциплины, проявлениями местничества, ведомств. подхода к делу, с бесхозяйственностью и бюрократизмом; способствуют совершенствованию работы гос. аппарата» [Советский энциклопедический словарь. С. 860].

Заметим, кстати, что существительное *ситуация* в последние годы, выступая во многих случаях для обозначения трагических, криминальных и т.п. негативно воспринимаемых и оцениваемых явлений (что иллюстрируется и приведенными выше цитатами из телепередач), обрело устойчивый шлейф соответствующих созначений. Это уже нашло отражение в лексикографии; например, в [Толковый словарь конца XX в.], где при толковании слова *ситуация* – ‘обстановка, положение’ приводится «максимально полный набор речений, в пределах которого можно обнаружить более тонкие, чем значение слова, смысловые переходы и сдвиги» [Там же. С. 29]: «Стрессовая с. Конфликтная с. Ценовая с. Взрывоопасная с. Непрочная экономическая с. в стране. Дестабилизировать социальную ситуацию. Усугубить экологическую ситуацию».

Однако до перестройки и реформ, несмотря на, казалось бы, всеохватывающий *контроль*, т.е. ‘проверку’, ‘наблюдение с целью проверки’, лексикография не отмечает сочетания *ситуация под контролем* – в том числе и как устойчивое. Хотя известны хронологически совпадающие *взять под контроль*, *выйти из-под контроля*, но примеры показывают, что речь тогда не шла о контроле ситуаций в сегодняшнем понимании этой почти магической формулы.

Этимологически слово *контроль* в русском языке М. Фасмер возводит «через нем. Kontrolle (XVIII в.) или непосредственно из франц. *contrôle* от * *contrerôle* – к *rôle* «список» [Этимологический словарь]. По мнению П.Я. Черных, в русском языке слова этой группы вошли в употребление в разное время в течение XVIII в.; раньше других, по-видимому, появилось слово *контролер* или, как его тогда писали, *контрлор*: «контрлор повинен смотрет(ь) правду в цене» (Указ Петра I от 13.12.1720 г.); остальные вошли в употребление несколько позже «из французского или голландского. Ср. франц. *contrôle* — из *contre-rôle* – «книга приходов и расходов, реестр, ведомость и пр., которые ведутся двумя лицами», в этом знач. с XIV в. [Историко-этимологический словарь].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» [В.И. Даль] *контроль* – ‘учет, поверка счетов, отчетности; присутственное место, занимающееся поверкою отчетов’; *контролировать что, кого* — ‘поверять, проверять’; «*контролироваться* — ‘быть поверяему’». «Толковый словарь русского языка (под ред. Д.Н. Ушакова) предлагает дефиниции: *контроль* (фр. *controle*) – 1) ‘наблюдение, надсмотр над чем-н. с целью проверки’; 2) ‘учреждение, контролирующее чью-н. деятельность’; 3) *собр.* ‘Лица, занимающиеся контролем, контролеры’; *контролировать* – ‘проверять, наблюдать за правильностью чьих-н. действий или прав держать контроль над кем-н.’

В «Словаре иностранных слов» *контроль* (фр. *contrôle*) – 1) ‘проверка, а также наблюдение с целью проверки’; 2) ‘те, кто занимается такой проверкой, контролеры’; здесь *контролировать* – ‘производить контроль, проверять’.

Согласно [Словарь русского языка], *контроль* – 1) ‘наблюдение с целью проверки; проверка’: «Контроль за качеством работы». «Контроль над производством». «Взять под контроль»; 2) ‘учреждение, проверяющее чью-либо деятельность’ 3) ‘контролеры’, а *контролировать* – ‘подвергать контролю’ (в знач. 1); проверять’. «Контролировать чью-л. работу».

В «Толковом словаре русского языка» [1996] *контроль* – 1) ‘проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора’; 2) ‘лица, занимающиеся этим делом, контролеры’; *контролировать* – ‘осуществлять контроль или надзор’.

В английском же языке семантическая структура многозначного слова *control* является разветвленной и, что представляется особенно важным, иерархия значений выстраивается лексикографами совершенно определенным образом. Существительное *a control* семантизируется как: 1) ‘управление, руководство’; 2) ‘власть’; 3) ‘надзор, контроль, проверка; дисциплина, сдерживающее влияние’; *to be in*

control, have control — ‘управлять, контролировать’; to be beyond (или out of control), – ‘выйти из-под влияния, из подчинения’...; 4) ‘регулировка’... Глагол to control объясняется как 1) ‘управлять, распоряжаться’; 2) ‘контролировать, регулировать, проверять; обуславливать, нормировать (потребление); 3) ‘сдерживать (чувства, слезы)’ [Англо-русский словарь]. Подобные толкования, аналогично характеризующие структуру значения английского control, содержатся и в других словарях: (a) control – [1] 1) ‘управление, руководство’; 2) ‘контроль, проверка, надзор, сдержанность, самообладание’; [2] 1) ‘регулировка, управление’; 2) ~ of epidemics – ‘борьба с эпидемическими заболеваниями’; [3] 1) *радио* – ‘регулировка, модуляция’; [4] *снец.* ‘рычаг управления; рычаги, ручки настройки’... [б] ‘пробный удар’ (*фехтование*)..., ~ wheel *ав.* ‘штурвал’ ~ lever *ав.* ‘рычаг управления’; (to) control – [1] ‘управлять, руководить’; [2] ‘контролировать; проверять’; [3] 1) ‘регулировать, контролировать’; 2) *радио* ‘настраивать’; [4] ‘сдерживать’; [5] ‘делать пробный удар’ (*фехтование*) [Большой англо-русский словарь]. Ср.: control – 1) ‘power or authority to direct, order or restrain’; be in control (of) – ‘be in command, in charge’; be/get out of control – ‘in a state where authority, etc. is lost’; have/get/keep control (over/of) – ‘have, get, keep authority, power, etc.’; lose control (of) – ‘be unable to manage or contain’; take control (of) – ‘take authority. «We must find someone to take control of the situation» (!); 2) ‘management, guidance’; 3) ‘means of regulating, restraining, keeping in order’; 4) ‘standard of comparison for results of an experiment’; 5) (usually pl) ‘means by which a machine etc. is operated or regulated’; vt – to control – 1) ‘have control of: to control expenditure / one’s temper’; 2) ‘regulate’ (prices, etc.) [Oxford’s Students Dictionary].

Таким образом, если в русском языке издавна привычными для его носителей являются существительное *контроль* (заимствованное, вероятно, из французского) со значением ‘проверка, наблюдение с целью проверки’ и производный от него глагол *контролировать* – ‘подвергать контролю, проверять’, то в английском языке control – прежде всего ‘управление, руководство’; ‘власть’ и т.п. По-видимому, приведенные нами примеры употребления сочетаний *контролировать ситуацию, взять ситуацию под контроль* и т.п. являются неполными (частичными) кальками английских выражений вроде to take control of the situation, подразумевающих именно власть над происходящим, способность полностью и безраздельно управлять событиями, направляя их по своему усмотрению.

Одной из причин внутренней противоречивости, смысловой невнятицы, бессодержательности сегодняшних высказываний, включающих сочетания *контролировать ситуацию, взять ситуацию под*

контроль, ситуация под контролем и подобные, очевидно является неразличение давнего и хорошо освоенного заимствования, с одной стороны, и современной неполной кальки, с другой. Такие устойчивые сочетания можно рассматривать и как один из многих штампов, вошедших в активное употребление не в последнюю очередь под влиянием синхронных переводов с английского. При использовании подобных выражений говорящий пытается имитировать слышанные им иноязычные образцы, вряд ли заботясь о смысловой точности высказывания, которое оказывается поэтому семантически неполноценным и коммуникативно малопригодным.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер. М., 1956.
2. Большой англо-русский словарь / Под общ. рук. И.Р. Гальперина, Э.М. Медниковой. 4-е изд., испр., с доп. Т. I-II. М., 1987.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1955.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд. М., 1996.
5. Словарь иностранных слов. М., 1979.
6. Словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1981 – 1984.
7. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М., 1983.
8. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1983.
9. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I-IV. М., 1935-1940.
10. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб., 1998.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1964-1973.
12. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I-II. М., 1993.
13. Hornby A.S. Oxford's Student's Dictionary of Current English. Special Edition for the USSR. М. – Oxford. 1984.

S U M M A R Y

The modern changes of Russian discourse are noticeable in television texts. Quite frequently the lexical innovations perform functions of mythogenes which are to influence the audience mentality. One of the examples of such a phenomena is today's calque to take control of the situation.

КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ ДЕЙСТВИЯ: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА

1. ПОНЯТИЕ КОНТРОЛИРУЕМОСТИ

В последнее время в отечественной лингвистике понятие действия связывается не только с определенной актантной структурой, но и с внутренними отношениями между первым актантом – субъектом – и процессом. Наиболее удачный из употребляемых в последнее время терминов – контроль, или контролируемость, обозначающий то, что субъект управляет процессом. Термин был введен в русскоязычный научный оборот Т.В. Булыгиной [1982], а затем был использован в работах В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной [1988], Г.И. Кустовой [1992], И.Б. Шатуновского [1996] и др.

Т.В. Булыгина выделила контролируемость/неконтролируемость как классифицирующее свойство процессов, наряду со статичностью/динамичностью распределяющее предикаты по основным семантическим (денотативным) классам. Бинарное деление на контролируемые/неконтролируемые положения дел в классификации Т.В. Булыгиной накладывается на разграничение, основанное на процессуальных признаках ситуаций, задавая параллельную серию подклассов: внутри «явлений» вычлениваются контролируемые «действия», в «процессах» выделяется «деятельность», контролируемые «события» называются «поступками» [Булыгина, 1982. С. 21]. Т.В. Булыгина в терминах контролируемости обсуждает приведенные разными лингвистами грамматические и семантические категории, которые разграничивают события процессуально однотипные, но различающиеся отношением субъекта и предиката: лексическое (*Ребенок стал играть*) и морфемное (*Румянец заиграл на щеках*) выражение начальности, продемонстрированное А.Х. Востоковым, ограничения на употребление в целевых конструкциях, показанные Т.Б. Алисовой и И.Н. Кручининой и т.п.

В исследованиях, развивающих представления Т.В. Булыгиной, встал вопрос о том, какую часть структуры события характеризует контролируемость. Очевидно, что контролируемость связана не только с процессом, но и с его субъектом. И.Б. Шатуновский [1996], отметив, что контролируемость в предложенной Т.В. Булыгиной и развитой В.А. Плунгяном и Е.В. Рахилиной, Г.И. Кустовой, Анной А. Зализняк формулировке характеризует не процесс, а субъект процесса,

---

* © И.Е. Ким, 1999

сделал существенное уточнение: для языковых единиц контролируемость должна означать не наличие/отсутствие контроля, а способность принимать это значение. «Если контролируемость – это свойство Р (ситуации), то наличие или отсутствие контроля, скорее, характеризует субъект» [Шатуновский, 1996. С. 192]. О.Н. Селиверстова аналогичные контролю понятия агентивности и определяемости также оценила как характеристики не предиката, а субъекта [Селиверстова, 1982], приписав последнему две независимые характеристики: агентивный/неагентивный и определяющий/неопределяющий. Тем не менее она обращает внимание на то, что это свойство выражается в предикате [1].

Однако контролируемость не есть характеристика только предиката или только субъекта. Введя понятие контролируемости события, Т.В. Булыгина тем самым поставила вопрос об **отношении** между актантом и предикатом, предметом/лицом и процессом, а точнее, о характере вовлеченности лица в процесс. Эта вовлеченность может быть поверхностной, когда лицо не проявляет воли и интеллектуальных усилий по отношению к процессу, и тогда можно говорить о природных или квазиприродных процессах, в которых «заинтересованные» причиняющие силы вынесены за пределы ситуации. Но вовлеченность может быть и внутренней, когда лицо, участвующее в ситуации, устанавливает связь между собой и процессом. В этом случае процесс проецируется во внутреннюю (психо-ментальную) сферу лица, и это проявляется в серии категорий, так или иначе связанных с контролируемостью. Отношение субъекта и действия оказывается двухаспектным: внешним и внутренним.

2. АНАЛОГИЧНЫЕ ПОНЯТИЯ

Встречаются и другие термины, характеризующие свойство субъекта управлять процессом.

Понятие контроля пришло на смену понятию активности субъекта (краткий обзор работ, в основном зарубежных, в которых обсуждается этот термин, см. в [Селиверстова, 1982. С. 109 – 110]).

Т.В. Булыгина в более ранней работе [1980] использует термин агентивность. О.Н. Селиверстова, анализируя понятие активности, также использует термин агентивность, но по отношению к субъекту, характеризуя его как прикладывающего усилия для совершения действия, но кроме того, она отличает от агентивного субъекта определяющего, то есть такого, чьи усилия приводят к результату [Селиверстова, 1982].

Т.В. Шмелева и Т.И. Стеклова описывают синтаксическую и семантическую категорию невольности осуществления действия, ко-

торая показывает, что субъект не имел намерения совершить действие [Стексова, Шмелева, 1994; Стексова, 1998].

Т.И. Стексова [1998] демонстрирует разнообразие конструктивных типов, выражающих невольность осуществления: кроме конструкции Inf Vf3s *Мне только что довелось быть в Нидерландах*, ею отмечены глаголы с инкорпорированной семантикой невольности типа *Проболтаться, Оступиться* и т.п., структуры с лексическими показателями невольности – *невольно, произвольно, нечаянно, случайно, ненароком*. Помимо этого, в монографии описаны случаи смещения в позицию субъекта партитивов – частей тела человека (*Ноги не держат*), имен событий (*Бешенство помутило рассудок*), а также появления мнимых субъектов – условных (*Черт попутал*) или неопределенных (*Что-то заставило его сдержаться*) сил.

Исследование Т.И. Стековой, кроме всего прочего, обращает внимание на важную проблему этнолингвистики и этнопсихологии: русский язык обладает развернутой системой средств для выражения отсутствия контроля действия со стороны того, кто его выполняет. Тем самым создается стандартизованная форма языкового выражения «ухода от ответственности», моделирующая и соответствующее поведение [2].

3. МОДЕЛЬ ДЕЙСТВИЯ

Как видно из обсуждения в п. 1, понятие контролируемости применяется для фиксации особого внутреннего отношения одного из актантов, субъекта, к процессу. Однако, если говорить об эксплицитных моделях действия, то оно оказывается слишком общим, недифференцированным.

Можно говорить о двух распространенных в лингвистике моделях действия. Первая – каузальная, в которой действие представляется как причинение, когда микрособытие, происходящее с агенсом, интерпретируется как причина микрособытия, происходящего с пациенсом/объектом (более сложная модель включает еще и другие микрособытия, например, происходящее с инструментом или с адресатом). Так интерпретирует Действие, например, А. Вежбицка, описывая инструментальное значение творительного падежа [Вежбицка, 1981]. В неявном виде эта же модель используется Ю.С. Степановым в его текстовой, или диатезной, теории падежей, когда он в качестве исходной структуры для предложения *Человек колет полено* предлагает *Человек колет* и *Полено трескается* [Степанов, 1988; Степанов, 1989. С. 131 и далее]. Вторая модель – пропозитивная, в которой действие рассматривается как целостное событие, центр которого образует предикат, окруженный актантной рамкой и сирконстантами

[Л. Теньер, Ч. Филлмор, В.Г. Гак, Т.В. Шмелева и др.]. В Действии в такой модели участвуют такие актанты, как агенс/агентив – активный исполнитель действия, пациенс или объект/объектив – лицо или предмет, изменяющиеся в результате действия, инструмент – предмет, опосредующий воздействие агенса на объект/пациенса и некоторые другие, в зависимости от конкретного характера действия. Обе модели обладают достоинствами и недостатками. Каузальная модель вскрывает причинно-следственную природу действия, однако разрывает несомненно наличествующую в сознании носителя языка связь «события» субъекта и «события» объекта/пациенса. Пропозитивная модель характеризует действие как целостность, но затемняет его причиняющую природу. С другой стороны, различие касается и фокуса исследовательского внимания: Каузальная модель исходит из учета процессуально-событийной стороны, а пропозитивная – из набора участников события. Кстати, каузальная модель каждому актанту пропозитивной модели приписывает отдельный, самостоятельный процесс.

Эксплицитную модель действия, объединяющую обе эти модели, можно представить как следующую структуру [3]:

1. **Интенция** – воля, желание, намерение, решение. Каждое из понятий, кроме последнего, отличается в каких-то деталях, однако в целом это то, что характеризует сознательное внутреннее устремление субъекта совершить действие. Решение, однако, предполагает сложную интеллектуальную, а в случае сложных социальных субъектов, и социальную деятельность, например, проведение собрания, издание закона или приказа и т.п. Ср. наличие и отсутствие воли, желания и намерения в представлении действий глаголами Ударить себя и Удариться.

2. **Действие как целостность.** Такое представление лежит в основе пропозитивной модели действия.

2.1. **Актантная структура:** субъект, объект, адресат, инструмент и т.п. Так, действие, обозначаемое глаголом Ударить, имеет следующую актантную структуру: агенс (лицо, наносящее удар), пациенс (лицо, испытывающее удар), партитив агенса (орган, наносящий удар или приводящий в движение инструмент) и/или инструмент (натурфакт или артефакт, вступающий в контакт с пациенсом), партитив пациенса (орган, испытывающий удар). Ср. *И, точно замахнувшись, словно на штрафной, Сережка (агенс) ударил его (пациенс) добела ободранным носком почти до праха доношенного отцовского ботинка (инструмент) – в лицо (партитив пациенса)* (А. Кабаков. Сочинитель).

2.2. **Процессно-аспектуальные характеристики** (внутреннее время действия): фазы, длительность, интенсивность, прерывистость, предел и т.п. Рассматриваются в двух традициях — в аспектологии в связи с категорией вида и его аналогов в других языках, а также в синтаксической семантике, в том направлении, которое рассматривает семантические типы предикатов [Семантические типы, 1982]. Так, действие, обозначаемое глаголом Ударить, характеризуется сверхкраткой длительностью, наличием фаз, различающихся положением дел [4], но их социальной нерелевантностью (вследствие сверхкраткости), наличием внутреннего предела, при достижении которого можно говорить об осуществлении действия и т.п.

2.3. **Результат** — состояние, возникшее вследствие действия (рассматривается в аспектологической традиции [5]). Результирующее состояние более точно следует называть положением дел, поскольку оно вовлекает в себя несколько параллельных состояний и отношений, из которых одно или более актуализировано. Например, результатом действия, обозначаемого глаголом Ударить, будет изменение состояния и агенса с его партитивом, пациенса с его партитивом. и инструмента. Кроме того, могут измениться и отношения между пациенсом и агенсом и т.п. Актуализированным же результатом будет изменение состояния пациенса и его партитива.

3. **Причинное отношение** между процессами: сильная / слабая каузация. Сильная каузация означает прикладывание усилия, специальные процессы, каузирующие конечное состояние лица, выступающего пациенсом, а слабая предполагает отсутствие специальных усилий, направленных на то, чтобы результирующее положение дел не произошло. В русском языке существуют специальные каузативные формы глаголов (так и называемые – каузатив: *белить, полнить; удлинить, облегчить*) для выражения сильной каузации качеств, противопоставляемые формально и семантически глаголам перехода в качество (инхоатив: *белеть, полнеть*) и проявления качества (экспозитив: *белеть/белеться*) [Семантические вопросы словообразования, 1991. С. 246 – 251]. Ср. во французском языке полуморфологические-полусинтаксические структуры со служебным *faire* (заставлять, сильная каузация, буквально – делать) и *laisser* (позволять, слабая каузация), например, *laisser tomber* ‘уронить = позволить упасть’. Особую роль в социальной сфере играют речевые каузативы – императивные речевые акты.

4. **Актанты** (для каждого актанта параметры определяются отдельно).

4.1. **Участие**: актант может быть эксплицирован в высказывании или текстовой структуре, обозначающей действие. Если он не

эксплицирован, то для него может наличествовать синтаксическая позиция, обязательная или факультативная.

4.2. Изменение: само изменение может и не произойти или не быть существенным. Но если оно наблюдается или не может не произойти, то оно может и не быть зафиксировано в языковом выражении. Ср. *Я его Ударил рукой* и *Я его Бил* (в однократном общефактическом значении) *рукой* с фиксацией каузации изменения объекта и *Я Сломал о него руку*, но не **Я Ломал о него руку* с очень малой вероятностью фиксации изменения состояния партитива.

4.3. Результирующее состояние. Всегда наличествует, но может не отличаться от исходного (в этом случае нет и изменения), а может отличаться, но не быть релевантным для социально приемлемой модели данного действия и поэтому не выражаться. Таковы по отношению к своему субъекту действия, результат которых сфокусирован на объекте, например, разрушение или созидание. Так, в фразе *Я построил дом* не отмечено, что я изменился, хотя одним из результатов этого события может явиться приобретение референтом субъекта строительного опыта.

5. Отношения между актантами рассматриваются для каждого возможного сочетания актантов. Языковому сознанию более доступны парные отношения, но встречаются и тернарные, например, пространственные для движения, ср.: *Немецкая армия в Курляндии была безнадежно Отрезана* (А. Шпеер. Воспоминания) Пространственно субъект действия в его результате располагается между объектом и неназванным третьим актантом.

5.1. Исходное отношение. Отношений реально может быть много, например, пространственные, социальные, сходство и т.п. Так, для многих физических действий актуальны пространственные отношения: Выстрелить можно вблизи и издалека, а вот для Удара расстояние должно быть значительно меньше. Для социальных действий актуальны социальные отношения, и многие действия такого рода предполагают операции именно с отношениями. Например, Объявить войну предполагает исходное отношение Мира, Жениться предполагает отсутствие матримониальных отношений и т.п.

5.2. Изменение отношения. Изменение отношения может быть ступенчатым, а может быть скачкообразным. Так, многие социальные отношения на уровне официальном, документальном, меняются дискретно (одномоментно) и дихотомически: например, жена и муж после процедуры Развода юридически перестают быть таковыми. Однако реальность оказывается континуальной: семья (брачные отношения) может несколько раз восстанавливаться и снова распадаться как до, так и после официального развода.

5.3. **Результирующее отношение**, аналогично исходному, может быть не одно и может быть сложным, неодномерным. Такие отношения часто возникают как результат комплексных, многоаспектных действий. Так, результатом Войны может стать изменение пространственных отношений (аннексирование победившей стороной территорий проигравшей стороны), политических отношений (появление или изменение разного рода договоров) и т.п.

6. **Место** существенно прежде всего для каузации движений.

6.1. **Исходное место** для разных актантов может быть разным. Так, глагол Догнать предполагает, что начальное местоположение субъекта и контрагента не совпадало.

6.2. **Изменение места.**

6.3. **Конечное место** также может быть разным для разных актантов. Например, глаголы Бросить, Вытолкнуть содержат в себе информацию о том, что местоположение объекта действия изменилось, а у субъекта осталось прежним, в то время как глаголы типа Привезти, Привести, Притащить, Приволочь фиксируют совместное перемещение субъекта-каузатора и объекта.

7. **Время** (внешнее время действия) в некоторых случаях инкорпорировано в семантику предиката, например, в словах Завтракать, Обедать и Ужинать фиксируется и время приема пищи.

7.1. **Начальное время.**

7.2. **Конечное время.**

4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОНТРОЛЯ

Реально описание действия, включающее все вышеназванные аспекты, в элементарных синтаксических построениях невозможно, но даже и в более развернутых, например, сложных предложениях или сверхфразовых единствах маловероятно. Существует отбор значимых, существенных, **актуализированных** аспектов. Каждый аспект может быть актуализирован на трех уровнях:

1) **Экспликация** — выраженность (актуализация говорящим). Т.В. Шмелева относит экспликацию к категориям модуса [Шмелева, 1994]. Экспликация имеет два уровня. На первом уровне речь идет о наличии синтаксической позиции для данного аспекта, то есть о потенции выражения. При этом позиция может быть обязательной, и тогда контекстуально обусловлено невыражение, а может быть факультативной, и в этом случае специальных условий требует выражение аспекта. Второй уровень — это наличие эксплицитного языкового выражения для данного аспекта, которое может быть лексическим, морфемным или грамматическим. Проблема обязательности/факультативности и связанный с ней вопрос о синтаксических ну-

лях более чем подробно обсуждался в лингвистической литературе [6].

2) **Тематизация** (включение в фокус внимания, актуализация внешним наблюдателем, не обязательно совпадающим с говорящим). Как было показано в [Ким, Осетрова, 1997], фокусирование есть добавочная, накладываемая на объектное положение дел ситуация, которую можно рассматривать как дополнительную денотативную ситуацию для любой пропозиции.

3) **Контроль** – актуализация данного аспекта субъектом действия, не обязательно совпадающим с наблюдателем и не обязательно совпадающим с говорящим, включение во внутреннюю сферу субъекта.

Как видим, общим для актуализации разного уровня является добавочный характер, наложенность актуализирующего события на объектную ситуацию, причем чем ближе субъект актуализации к обозначаемому действию, тем сильнее эта добавочная ситуация вторгается в объектную ситуацию. Поэтому контроль и контролируемость однозначно являются денотативной характеристикой языковых выражений.

Прежде чем подробно остановиться на особенностях, контроля, кратко охарактеризуем экспликацию и тематизацию. Как правило, эти параметры касаются немногих аспектов события.

В элементарных и даже развернутых описаниях действия не эксплицируются даже на уровне синтаксических позиций многие актанты, место и время, результирующие и текущие состояния и отношения. Возникает сложный отбор аспектов действия, требующих экспликации. Говорящий вынужден согласовывать три позиции: свои интересы, интересы слушающего и интересы социума, языкового коллектива, «утвердившего» стандарт языкового обозначения того или иного действия. Этот стандарт определяет типовые структуры: этнокультурную специфику лексической и грамматической семантики, синтаксическую сочетаемость предикатной лексики и соответствующие синтаксические позиции.

В фокусе внимания вообще оказывается один, от силы два элемента. Последнее и даже большее позволяет сделать русский язык, имеющий несколько разноуровневых средств тематизации: морфологические средства – падежи и залог глагола, а также лексические и синтаксические – частицы, вводные слова, эмфатические конструкции, порядок слов и интонацию: *Что касается телефона, то Иванова к нему позвал Петров*. В данном предложении тематизируются все три (!) актанта, но разными средствами: дестинатив – эмфатической

конструкцией, пациенс – порядком слов, агенс – Им. падежом и активной диатезой.

По отношению к структуре ситуации Ч. Филлмор ввел аналогичное фокусу понятие перспективы [Филлмор, 1981]. Общей причиной необходимости для тематизации является линейность речи, как устной, так и письменной. Поэтому филлморовскую перспективу можно представить как маршрут, пролагаемый по структуре ситуации: ее нельзя описывать (двигаться по структуре) начиная сразу с нескольких элементов. Надо выбрать один. Классическим стало описание Ч. Филлмором торговой ситуации и обозначающих ее лексем, таких, как Купить, Продать, Платить, Стоить.

Приведу другой пример – интерпретацию событий одного типа как движения и как действия с фокусированием разных его аспектов:

*Черные вороны по следам нашим **Идут**; напали верно...* (Л. Чарская. Грозная дружина. – Движение).

*Ты вряд ли имеешь понятие, сколько таких живых мертвецов **Топчут лик Геи*** (И. Ефремов. Таис Афинская. – Действие с фокусированием субъекта и изменения объекта/локатива).

*Лошадь вздрогнула и потянулась. Тессалиец вскочил на нее и понесся по равнине. Ровный стук копыт заставил знатоков одобрительно закивать, однако начальник тессалийской конницы возвратился недовольный. // – Тряская рысь! Смотри – передние копыта, хотя и круглее, но не больше задних. Бабки слишком крутые – скоро **Стопчет копыта** на каменистых дорогах Сирии...* (И. Ефремов. Таис Афинская. – Действие с фокусированием субъекта и изменения партитива).

Как было сказано выше, контроль представляет собой актуализацию аспектов события и в этой связи соотносится с экспликацией и тематизацией, отличаясь от них более «внутренним» субъектом актуализации. Однако, с другой стороны, контроль вступает в отношения с явлениями иного понятийного ряда.

Основным в этом ряду является понятие личной сферы, введенное Ю.Д. Апресяном [1986]. В личную сферу входит сам носитель личной сферы и все объекты, с которыми он устанавливает внутреннюю связь. По отношению к действию включение в личную сферу означает установление внутренней связи субъекта действия с тем или иным его аспектом. В этом смысле контроль не есть просто актуализация процесса, его фокусирование, это установление внутренней связи лица-субъекта с процессом. Однако контроль здесь важно отличать от другого типа внутренней связи субъекта с действием – причастности. Контроль предполагает то, что субъект является инициатором события, что он прикладывает усилия для его осуществления, что он

определяет результирующее состояние самого себя, объекта и инструмента. Морфологическим выразителем контроля в русском языке является именительный падеж в сочетании с действительным залогом глагола, ср. например, *Художник пишет картину* и *У художника нет настроения*. Но это общий случай, грамматическое маркирование контроля. Большую роль в выражении контроля над процессом со стороны субъекта играет лексика. Так, например, глаголы *Промануться*, *Оступиться*, *Вздоргнуть*, *Обмолвиться*, сочетающиеся с именительным падежом, лексически выражают отсутствие контроля – невольность осуществления события [Стексова, 1998].

Причастность же фиксирует то, что лицо-субъект не контролирует процесс, но ощущает внутреннюю связь с ним, его значимость для себя. Так, безличность, устранившая позицию для подлежащего, интерпретируется именно как отсутствие контроля [Вежбицкая, 1997], ср. *Он не работает* и *Ему не работается*, а также *Что-то опять в Париж захотелось*.

В принципе, можно с известной долей огрубления представить контроль как установление внутренней связи лица-субъекта и с самим процессом, и с его результатом, в то время как причастность интерпретируется как установление внутренней связи субъекта только с процессом. Так, *Я это сделал* можно оценивать как высказывание человека, определившего результат, а *Я к этому причастен* – как высказывание человека, участвовавшего в процессе, но не ответственного за результат [7].

В идеале контролироваться должны все аспекты события, то есть действие человека должно быть насквозь пронизано мыслью. Однако в реальности многое из того, что мы определяем как действие, не во всех аспектах контролируется субъектом.

Существует довольно большое количество терминов, которые характеризуют осознанность, контроль за разными аспектами действия, а также отсутствие контроля. Однако часто эти термины используются как синонимы или в перечислительном ряду. Это говорит о том, что данная группа терминов в лингвистическом узусе представляет собой слабо расчлененную структуру полевого типа. Для упорядочения ее я предлагаю соотнести разные термины с разными аспектами действия.

1. Интенция: Намеренность vs Невольность (=ненамеренность; Т.В. Шмелева, Т.И. Стексова). Намеренность характеризует контроль сознания над включением в ситуацию. Классический психоанализ давно уже отрефлектировал наличие скрытых (подсознательных) мотивов для совершения тех или иных «ненамеренных» или ошибочных действий: оговорок, описок и т.п. [8]. Это значит, что возможно

наличие неосознанной интенции. Язык, однако, не разграничивает подсознательные интенции и их отсутствие.

2. Действие как целостность: Агентивность vs неагентивность (Т.В. Булыгина, О.Н. Селиверстова). Как уже было сказано выше. О.Н. Селиверстова определяет агентивность как прикладывание субъектом усилий для воспроизводства или развития ситуации.

3. Процесс: Контроль (Т.В. Булыгина, Анна А. Зализняк, И.В. Кустова, И.Б. Шатуновский) vs Невольность осуществления (=непроизвольность; Т.В. Шмелева, Т.И. Стексова).

4. Причинное отношение: Стратегия (вне оппозиции; А.Л. Блинов).

5. Результирующее состояние: Определяемость (О.Н. Селиверстова), целенаправленность (Н.Д. Арутюнова).

Данное поаспектное распределение терминов, связанных с понятием контроля, является предварительным, кроме того, некоторые термины оказываются недифференцированными, охватывают несколько аспектов. Поэтому подробное описание с развернутым анализом понятий – сюжет для дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Следует заметить, что это характерная, конституирующая черта русской грамматики — отражение свойств субъекта в предикате (см. [Ким, 1999в]).
2. Подробную рецензию на исследование [Стеклова, 1998] см.: Ким, 1999б.
3. Параметры действия сопровождаются комментарием по мере необходимости.
4. В данном случае использование термина **положение дел** не вполне соотносится с лингвистической традицией, в которой он является родовым по отношению к понятиям события, состояния, процесса и т.п. [Булыгина, 1982]. Под положением дел в данном случае понимается комплексная характеристика состояния мира, одномоментный, синхронный срез на оси времени. В таком понимании действие можно представить как фильм, представленный серией кадров – положений дел.
5. Категория результативности тесно связана со значением перфектности, и ей посвящена обширная литература, как в русистике [Трубинский, 1984; Маслов, 1987; Князев, 1989 и др.], так и в лингвистической типологии [ср., например, Типология результативных конструкций, 1983], и в других частнолингвистических традициях [например, результативность рассматривается в языках банту, ср.: Аксенова, 1997].

6. Этой проблеме посвящались даже представительные научные конференции, см., например, [Проблемы семантики предложения, 1986].
7. Более подробно см.: Ким, 1999а.
8. См. работы [Фрейд, 1989; Фрейд, 1991. С. 7 – 48.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова И.С. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М.: Наука, 1997.
2. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 14 – 30.
3. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
4. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7 – 85.
5. Вежбицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10.
6. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Рус. словари, 1997. С. 33 – 88.
7. Ким И.Е. Контроль и причастность в сфере человека и их отражение в языке // Проблемы исторического языкознания и ментальности: Сб. науч. статей / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1999а. Вып. 3: Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. С. 68 – 82.
8. Ким И.Е. О «скрытых» языковых явлениях (Рец. на монографию Стексова Т.И. «Невольность осуществления» как скрытая семантическая категория и ее проявление. Новосибирск: Изд-во НРГУ, 1998. 81 с.) // ЯЛИК, 1999б. № 32. С. 14 – 15.
9. Ким И.Е. Русский этнограмматический тип // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999в. С. 141 – 153.
10. Ким И.Е., Осетрова Е.В. Категории когнитивной лингвистики и комплексная семантическая модель предложения // «Филология — Журналистика'97» / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1997. С. 12 – 19.
11. Князев Ю.П. Акциональность и статальность: Их соотношение в русских конструкциях с причастиями на -Н, -Т. München: Sagner, 1989.
12. Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка: Модели действия / Ин-т языкознания РАН. М.: Наука, 1992. С. 145 – 150.

13. Маслов Ю.С. Перфектность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1987. С. 195 – 209.
14. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Заметки о контроле // Речь: Восприятие и семантика. М., 1988. С. 40 – 48.
15. Проблемы семантики предложения: Выраженный и невыраженный смысл: Тез. докл. краевой науч. конф. Красноярск, 30.09.-2.10. 1986. Красноярск, 1986.
16. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86 – 157.
17. Стексова Т.И. 'Невольность осуществления' как скрытая семантическая категория и ее проявление. Новосибирск: Изд-во НПГУ, 1998.
18. Стексова Т.И., Шмелева Т.В. Высказывания с модальной семантикой невольного осуществления // Системный анализ значимых единиц языка: Смысловые типы предложений: Сб. науч. статей. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. Ч. 1. С. 53 – 61.
19. Типология результативных конструкций. М.: Наука, 1983.
20. Трубинский В.Н. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
21. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубеж. лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10.
22. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. С. 202 – 309.
23. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1991.
24. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
25. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. 2-е изд-е / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1994.

S U M M A R Y

The article is dedicated to the concept of action and its significant property called control. The subject of the proposition controls different aspects of the action: process, actants and their state, result. The control is a property neither of the predicate nor subject of the proposition, but it is a relation between subject and predicate.

О ТЕРМИНЕ *РЕЧЕВЕДЕНИЕ*

Термин речеведение стал входить в нашу филологическую практику исподволь: сначала в темах докладов на конференциях, потом в названиях самих конференций, совещаний [1]. Ввиду очевидности его морфемной структуры и потому понятности он практически не требовал объяснений, за него нет нужды агитировать. А по существу, его как будто ждала современная филология, испытывавшая потребность поворота к речи, что реализовалось в возвращении в научный и учебный оборот риторики, риторизации традиционных лингвистических курсов, повышении престижа занятий культурой речи и, наконец, формировании особых речеведческих дисциплин.

В этой ситуации вполне естественным стало появление концепции речеведения [2], обсуждение которой актуализировало терминологическую рефлексию, с отдельными результатами которой стоит, думается, познакомить читателей.

Термин *речеведение* построен по популярной в русском языке модели для наименования различных наук. По данным обратного словаря, в русском языке более 50 слов с компонентом *-ведение* [Обратный словарь, 1974]. Примеры употребления таких терминов находим в прошлом и актуальном настоящем. Например, в 1995 г. в издательстве «Русская книга» была переиздана опубликованная впервые в 1905 г. книга А. Ермолова «Народное **погодоведение**»; во вступительной статье репринта указано, что автору принадлежит среди прочих и книга «Русский туризм и **отчизноведение**». Современные гуманитарии тоже любят такие построения: модель используется для наименования области исследования текстов одного автора – **бахтиноведение, достоевсковедение** и др.; известный педагог В.В. Волина выпустила «книгу для родителей, учителей и малых детей» – «Занимательное **азбуковедение**» (М., 1994); на страницах новосибирского журнала «Дискурс» встречаем термины **граждановедение, человековедение** (1997, № 3 – 4.); саратовские филологи ввели в оборот термин **жанроведение** [3]; в Красноярске подготовлен проект лингвистического **градоведения** [Подберезкина, 1998]. Есть даже окказионализмы, построенные по этой модели, например, в записках М.Л. Гаспарова: «*«В переводе, кроме точности, должно быть еще что-то». Я занимаюсь точноведением, а чтотоведением занимаетесь вы*» [Гаспаров, 1996. С. 432].

---

* © Т.В. Шмелева, 1999

В лингвистике термин *речеведение* использовался спонтанно как отдельными лингвистами, так и «традиционно» в разных лингвистических школах независимо друг от друга. К нетрадиционным использованиям можно, например, отнести употребление этого термина К.В. Горшковой в докладе о проблемах обучения фонетике русского языка как неродного [Проблемы подготовки..., 1979].

Одна из наиболее ранних из известных мне традиций его употребления сложилась в рамках пермской школы функциональной стилистики. Видимо, впервые он был использован М.Н. Кожиной в 1966 г. [4] в качестве своеобразного синонима термина **функциональная стилистика**: *«Функциональная стилистика – это ... такая дисциплина, которая исследует не столько язык, сколько речь, и поэтому можно было бы ее назвать «речеведением». Это наука, которая рассматривает речь («речевой поток», в частности текст) не как материал для изучения системы языка, а, так сказать, «в себе и для себя», она исследует законы, характер, специфику, экстралингвистическую обусловленность именно функционирования средств языка в разновидностях речи»* [Кожина, 1966. С. 13-14].

Думается, что при таком толковании термин не может претендовать на собственное место в понятийном аппарате лингвистики, он используется как терминологический дублер основного наименования дисциплины. Однако за этим стоит весьма важный факт: речеведению как новой самостоятельной области филологических исследований ближе всех оказывается уже «действующая» функциональная стилистика с ее пафосом обращенности к речи и накопленным опытом знаний о функционировании языка и последствиях этого для его устройства, в частности стилевой дифференцированности языковых средств. Не исключено, что когда-то всё, что сейчас относится к функциональной стилистике, будет восприниматься как органичная часть речеведения.

Независимо от этой стилистической традиции достаточно давно говорят о речеведении среди германистов, воспринимая этот термин как кальку английского *speechology*. В качестве примера можно привести одну из коллективных монографий, подготовленных преподавателями кафедр иностранных языков [5]. В аннотации заявляется о том, что в монографии представлены некоторые аспекты **прикладного речеведения**, а во Введении (автор Л.В. Минаева) речь идет о **советском речеведении**, имеющем, по мнению автора, преимущества перед зарубежным структурализмом и японским речеведением, разрабатываемым в рамках теории языкового существования [6]. Как можно понять из критического обзора материалов XIV Международного конгресса лингвистов (1987 г.), составившего основное содержа-

ние вводной главы монографии, сторонники речеведения в этой версии понимают его как науку, изучающую речь как процесс коммуникации, осуществляемой в артикуляции, письме, чтении, аудировании, переводе, конспектировании... [7]. Учет всех этих сторон функционирования языка, по мнению авторов монографии, выгодно отличает их теоретические позиции от позиции западных структуралистов и позитивизма японских лингвистов, при этом они подчеркивают свою связь с традициями отечественного речеведения, называя имена В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, Р.А. Будагова.

Осмысляя термин *речеведение* в этой версии, хотелось освободиться от его полемичности, в которой явно слышатся отзвуки не столько научной дискуссии, сколько идеологической борьбы с непременным обращением к аргументам из сокровищницы марксизма-ленинизма, характерной для школы англистики О.С. Ахмановой. В понимании, которое здесь излагается, речеведение не отрицает языкознания, в том числе исследования устройства языка (языковой структуры!) в его мельчайших подробностях. Только вместе с языкознанием оно может «завершить здание» лингвистики, способной объяснить как устройство языка, так и принципы его использования.

Изучение опыта этой традиции, конечно же, важно и в собственно терминологическом отношении, как прецедент употребления термина, и содержательно, поскольку в ней реализуется подход к речи с позиций преподавания иностранного языка.

Пришли к этому термину и исследователи речи с позиций не собственно лингвистических, о чем свидетельствует, например, такой факт: одна из глав книги Р.К. Потаповой «Речь: коммуникация, информация, кибернетика» (М.: Радио и связь, 1997) называется «Речевая коммуникация как объект эволюционного подхода в речеведении».

Из всего изложенного можно сделать вывод о том, что термин *речеведение* заполняет лауну, существование которой ощущается в лингвистике со времен признания сосюрговской дихотомии «язык/речь»: вывод о бинарной структуре лингвистики подразумевает обязательное существование **лингвистики языка** и **лингвистики речи**, или, используя возможности русского терминообразования, **языковедения** (которое почему-то в последнее время уступает по популярности языкознанию) и **речеведения**. Последнее оказывается в ряду с такими обозначениями формирующейся области, как *теория речи* [8], *теория речевой коммуникации*, *теория речевого общения* [9]. Возможно, эти термины окажутся более успешными конкурентами *речеведению*, но важно подчеркнуть, что хотя мне представляется предпочтительным по целому ряду причин именно обсуждаемый

термин, есть и вполне отчетливое понимание того, что термины вторичны, первичен сам поворот к речи, включение ее в число лингвистически интересных объектов, а это, есть надежда, сулит нам много нового в понимании языковой жизни общества.

В заключение стоит отметить, что у термина *речеведение* есть омограф – термин *речеведение* с ударением на ДЕ. Его использовали В.В. Виноградов в уже упоминавшейся книге «О художественной прозе», где речь шла о принципах **устного и письменного речеведения**, а также **диалогическом речеведении** [Виноградов, 1980. С. 71, 78], и А.А. Холодович в его, к сожалению, не ставшей знаменитой статье «О типологии речи», где говорилось, в частности, об **индивидуальном речеведении** [10]. Ни тот, ни другой автор (принадлежащие к разным лингвистическим направлениям) не толкуют этот термин, однако из их текстов достаточно определенно можно понять, что речь идет о способе ведения речи, тем более что используется и такой двусловный вариант термина, см. напр., название статьи Ю.В. Рождественского «**О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок**» (Паремиологический сборник. М., 1978).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. напр., формулировки тем сообщений на лингвистическом совещании (Екатеринбург, 1994); научно-практическом семинаре «Речеведение в школьном и вузовском преподавании» (Новгород, 1996); конференциях «Школьное речеведение и образовательный стандарт» (Екатеринбург, 1997); «Речеведение в теоретическом и прикладном аспектах» (Новосибирск, 1998): Речеведение: от практики к теории; Актуальные проблемы современного речеведения; Проблемы школьного речеведения; Культурологический компонент в речеведческой подготовке студентов и т.п.
2. Концепция изложена в публикациях автора: Речеведение: теоретические и прикладные аспекты (Новгород, 1996); Речеведение: в поисках теории // *Stylistyka*. VI. Opole. 1997. S. 301-313; отдельные ее положения развивались также в работах: Речеведение в кругу филологических наук // *Филология на рубеже XX – XXI веков*. Пермь, 1996; *Языкознание и речеведение* // *Речеведение в теоретическом и прикладном аспектах*. Новосибирск, 1998; *Речеведение и риторика* // *Предмет риторики и проблемы ее преподавания*. М., 1998; *Язык и речь в университетском образовании* // *Вестн. МГУ*. Серия 9. Филология. 1999. № 2.
3. См. сборники: «Жанры речи» (Саратов, 1997; 1999). Термин жанроведение занял позицию практически не употребляемого у нас, но известного, например, в польском литературоведении термина **ге-**

- нология**; см.: Фарыно Е. Введение в литературоведение. Ч. 1. Katowice, 1978. С. 41; а также Салимовский В.А. Функционально-стилистическая традиция изучения жанров речи // *Жанры речи*. Саратов, 1999. С. 62.
4. См.: Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966; ее же: О речеведческом аспекте лингвистических исследований и речевой системности речевого стиля // *Исследования по стилистике*. Вып. 2. Пермь, 1970; *Речеведческий аспект изучения языка и текста // Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста*. Пермь, 1984 (в соавт. с Н.В. Данилевской, С.В. Дьяковой, Т.Б. Ивановой); *Речеведческий аспект теории языка // Stylistyka*. Уп. Opole. 1998. Эти сведения и соответствующие тексты были любезно предоставлены мне проф. М.Н. Кожинной, за что сердечно ее благодарю.
  5. *Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспекте* / Под ред. Л.В. Минаевой. М.: Изд-во МГУ, 1991. Выражаю благодарность Т.М. Григорьевой за предоставленные материалы этой книги.
  6. Характерен перевод названия одной из японских работ этого направления: *Ониси М. Введение в спичологию*. Фонетическое общество Японии. М., 1977.
  7. В этом определении автор Введения опирается на работу: Артемов В.А. О речеведении // *Функциональная просодия речи // Науч. труды МГПИИЯ им. М. Тореца*. 1982. Вып. 201.
  8. Пример такого терминопотребления находим у В.В. Виноградова, который в «Предисловии» к своей книге «О художественной прозе» (1929 год!) сообщает, что она включает «общее методологическое введение в теорию прозаической речи»: Виноградов В.В. *Избранные труды. О языке художественной прозы*. М., 1980. С. 56.
  9. Интересно отметить, что аналогичный терминологический ряд обрзовало наименование новой интегральной дисциплины – *культурология, культуроведение, теория культуры*. См., напр., *Культурология. Теория и история культуры: Учеб. пособие*. М., 1997; Прохоров Ю.Е. *Культуроведение и обучение межкультурному общению // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*. Варшава, 1998. С. 145-151.
  10. Это статья впервые опубликована в сборнике «Историко-филологические исследования. Сб. ст. к 75-летию акад. Н.И. Конрада», а затем воспроизведена в книге: Холодович А.А. *Проблемы грамматической теории*. Л., 1979.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
2. Гаспаров М.Л. Записи и записки // Новое литературное обозрение. 1996. № 31.
3. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. С. 13 – 14.
4. Обратный словарь русского языка. М., 1974.
5. Подберезкина Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998. С.22 – 30.
6. Проблемы подготовки и повышения квалификации преподавателей русского языка и литературы: Мат. междунар. симпозиума русистов. Люблин, 1979.

S U M M A R Y

This paper presents reflections about the term «speechology» which is considered here from the viewpoints of its origin, meaning and functioning.

P.S. Уже после того, как эти заметки были подготовлены, мне стали известны факты, без которых сделанный обзор оказывается неполным.

Московское издательство «Флинта» опубликовало в 1998 г. словарь – справочник «**Педагогическое речеведение**» (коллектив авторов, сост. А.А. Князьков под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской).

В аннотации нет объяснения того, что такое «речеведение», но указывается, что раскрываемые в словаре понятия относятся к известным читателю областям «педагогической риторики, теории текста, культуры педагогической речи и голоса». В Предисловии отмечается, что область речеведения – «культурно-речевой потенциал всех членов общества, культура демократического общения и взаимодействия». В качестве его «прародителей» называют *психолингвистику, риторику, семиотику*. Отдельной статьи «Речеведение» в словаре нет, он, видимо, всем своим содержанием должен раскрывать это заглавное понятие, тем более что, как подчёркнуто в Предисловии, это «новая, ещё только складывающаяся область знания».

В библиографии справочника обнаруживаем указание на статью из такого издания: **Филологический журнал: Лингвистика и речеведение**. Южно-Сахалинск, 1995. С. 177. К сожалению, познакомиться с ним не удалось.

В Абакане в 1998 г. опубликован сборник программ по риторике (от детского сада до вуза!) в издании под названием «**Речеведение. Учебно-методический комплекс**» (коллектив авторов под ред. И.В. Пекарской).

Таким образом, наблюдение о распространении термина *речеведение* подтверждается новыми фактами. Разумеется, нельзя думать о единстве его понимания, но это тот случай, когда «разномыслие науке не опасно» – важна общая направленность мысли и усилий филологов и педагогов.

Т.М. Григорьева*

«... И ЗАДУМЫВАЛСЯ НАД БЕСТОЛКОВОЙ АЗБУКОЙ НАШЕЙ»

Комиссией по народным училищам (в ней участвовали образованнейшие люди екатерининской эпохи) переводчику при Академии наук Вас. Прок. Светову было поручено составить такое руководство для преподавателей русского языка, которое считалось бы образцовым.

Поводом к созданию работы, предъявленной обществу как «Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей» (Спб., 1773), для В.П. Светова стала единственная, отмечавшаяся многими причина – колебания в русском правописании, которое «подвержено многим изъятиям, великим несогласиям, сомнениям и трудностям, так что каждый почти писатель или переводчик отличен чем-нибудь в правописании от другого», что происходит «или от незнания грамматических правил, или от своенравия и упрямства» [Светов, 1787. С. 7].

О причинах, вызвавших необходимость создания опыта правописания, сам автор сообщает в предисловии так:

Мое намерение состоит единственно в том, чтобы несогласующихся содружить, неосновательные и странные безобразия исправить или и совсем из письма истребить» и «положить правила на российской грамматике, на лучшем и рассудительном употреблении новороссийского языка основанные [Там же. С. 3].

То есть выход из создавшегося орфографического хаоса ему виделся в установлении разумных и неизменных правил, «чтобы опыт

---

* © Т.М. Григорьева, 1999

сей принес некоторую пользу обучающемуся по школам юношеству» [Там же. С. 6].

Орфографический труд В.П. Светова не представлял собой полного свода правил, но лишь «множество разных речений сомнительного и трудного правописания» с указанием причин, «для чего их так писать надлежит» [Там же. С. 4].

Работая над «Опытом», автор следовал теоретическим установкам «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, создавая «среднее между старинным и нынешним правописанием, которое от прежнего, в I половине XVIII в. в употреблении бывшего, знатную отмену имеет» [Там же]. И в определении правописания, следуя ломоносовской ориентации, он подчеркивает, что правописание не должно «отойти далече от чистого и обыкновенного выговора» и не чересчур выявлять «следы произвождения и сложения речений» [Там же]. Иными словами – он выбирает вслед за Ломоносовым компромисс между фонетическим и словопроизводственным началом. Кроме того, правописание российское в представлении автора имеет не только грамматические основания, но и лучшие примеры писателей.

В русской азбуке В.П. Светова 33 буквы. Его проломоносовская ориентация, однако, не лишает взгляд на правописание определенной самостоятельности. Вопреки Ломоносову, он видит необходимость в русской азбуке букв *Щ*, *ФИТА*, но выступает против лигатуры *io*, рекомендуя вместо нее писать всегда букву *E*.

Характеризуя российское правописание, В.П. Светов с упреком указывает на старинные документы русские, которые «ни по каким правилам, но по произволению каждого писца писаны». И сожалеет о том, что на языке российском нет еще «исправного и полного словаря, где бы можно было о правописании слов справляться» [Там же. С. 12].

Орфографический опыт В.П. Светова был высоко оценен последующей эпохой: он (наряду с грамматикой М.В. Ломоносова) был положен в основу правописания Академии российской, «блестительницы чистоты и правописания отечественного языка», а академик Я.К. Грот в его работе обнаружил «редкое для того времени понимание законов языка» [Грот, 1885. С. 231].

Отсутствие «единого кодекса орфографических требований» побуждало многих к раздумьям над его усовершенствованием. Собственные орфографические раздумья высказывались неоднократно, и одним из интересных опытов являются публикации В.С. Подшивалова и П.Л. Яковлева.

Известный в свое время писатель, долгое время служивший учителем российского стиля и логики в благородном пансионе при

Императорском Московском университете, Вас. Серг. Подшивалов выступил на заседании Общества любителей российской словесности против как букв *ЯТЬ* и *Э*, так и против других излишеств в русском правописании. При этом он «с основанием» предполагал, «что *ФИТА* как излишняя буква в нашем языке со временем так же уничтожится, как и греческие *ПСИ*, *КСИ*, *ИПСИЛОН* (= *ИЖИЦА* – Т.Г.), и «что буква *Ъ* у нас излишняя, то многими покушениями писать без нее доказано» [Подшивалов, 1816. С. 92, 93].

По его убеждению «по исключении сих маловажных или ничего не значащих букв осталось бы в нашей азбуке только 27 или много 28» [Там же. С. 95]. Обращаясь ко всем членам Общества любителей российской словесности, он уверенно заявлял, что «весьма желательно и полезно» было, если бы кто-нибудь из членов общества «принял на себя труд предложить дальнейшие замечания о грамматике нашей и слоге, если б кто философически вникнул в недостатки и излишества правил, составляющих теорию словесности нашей» – «поле сие не совсем еще очищено и возделано»; «еще многие бесплодные теории подавляют прекрасные цветы, которыми природа обогатила столь щедро российское слово» [Там же. С. 112].

«Усовершенствованная русская азбука, или средство облегчить изучение оной и способ сократить число русских букв, поясненные примерами» (Соч. К.А. Хабарова, отставного корректора) также содержит актуальные для своего времени орфографические раздумья. В ней предложены оригинальные, основанные на собственном опыте корректорской и типографской работы резонные суждения о русской орфографии – 1828 г.

«Всякий раз, набирая какую-нибудь книгу, – сообщает автор, – я думал об улучшении литературной азбуки: вместо отдыха после работы чертил формы букв или задумывался над бестолковой азбукой нашей. Сделавшись книгопродавцем и имея много свободного времени, я стал записывать свои мысли и предложения о литерах и азбуке – вышло небольшое сочинение...» [Яковлев, 1828. С. 2].

В русской азбуке К.А. Хабарова (вместо 35 уже достаточно прочно утвердившихся к тому времени) было предложено всего 27 знаков. По его проекту необходимо исключение букв *ѣ*, *ѣ* (вместо нее употреблять сочетание *СЧ*); *Ѣ* (ер) с заменой его знаком (') над буквой; *Ь* (ерь) с заменой его знаком (^) над согласной); букв *Э*, *ФИТА*, *ИЖИЦА*.

К устранению буквы *Ъ* он предлагает свои аргументы:

– Хоть из экономических видов согласитесь, милостивые государи! Считите на досуге, сколько сбережется времени, бумаги, свинцу, чернил без этого бесполезного *Ъ*. А что он в окончаниях слов со-

вершенно бесполезен, о том никто не спорит. Зачем держать тунеядца? [Там же. С. 39].

Его рассуждения о букве *ЯТЬ* сводятся к тому, что она, бесполезная, «как пронырливый лицемер или хлопотливый бездельник, сделалась не только нужною, но необходимой, полезной» и что «она одна может дать вам патент на звание грамотного и ученого человека – только узнайте наперед, где ее употреблять, ... а этого никто не знает...» [Там же. С. 39 – 40]. И будто мы обязаны писать *ФИТУ*, для того чтобы означить ею слово, пришедшее к нам из Греции, – продолжает автор. – Но если мы осмелимся написать *Фёдор*, *Федот*, *Фивы*? Какое зло произойдет от того?» А буква *ИЖИЦА*? Она уже «истреблена, ее не употребляют, но она все еще торчит в русской азбуке» [Там же. С. 45 – 46].

«К чему затруднять доступ к благотворному источнику изъяснять свои мысли посредством знаков? – вопрошает он в заключение. – Чем их менее – тем лучше; чем они проще – тем скорее они затверждаются!» [Там же. С. 41]. В этой же работе автор представляет несколько текстов разных жанров в предлагаемой им орфографии.

Русский язык вошел в XIX столетие, так и не имея «собрания, пекущегося» о русском правописании. Это со всей очевидностью по-прежнему выражалось в отсутствии орфографической упорядоченности в практике письма, что вполне отчетливо сознавалось самим временем.

По мнению Н.М. Карамзина, «в целом государстве едва ли найдется человек сто, которые совершенно знают правописание» [Карамзин, 1991. С. 67].

Журнал «Отечественные записки» 1839 года (Т. 5, N 9, раздел «Современная библиографическая хроника») в числе прочих книг, изданных в течение II половины августа и I половины сентября, представляет работу «Правила русского правописания» и выражает величайшее сожаление по поводу неупорядоченности русской орфографии: «Трудно найти что-нибудь неопределеннее русского правописания: это какой-то хаос, в который никто еще надлежащим образом не потрудился внести порядок и стройность системы. Начиная от правописания целых слов, где иногда одно слово пишется на несколько манер (отдельно, когда бы должно писаться слитно, и слитно, когда бы должно писаться отдельно) до писания букв, до несчастной буквы *ЯТЬ*..., даже до прописных и строчных букв» [С. 155].

Редакция журнала призывала общество «позаботиться о приведении русского правописания в строгую систему, основанную на свойствах языка, а не на том, что «мне так нравится» или «это так предписано в моей грамматике» [С. 156]. Давая отрицательную оцен-

ку рецензируемой работе, в которой излагалось «повторенное тысячу раз прежде», журнал выступал против орфографического диктаторства без достаточных научных оснований и выражал надежду на будущее решение орфографического вопроса «соединенными усилиями»: «пока грамматика нашего языка бродит во тьме, пока не выяснены у нас в подробностях и не приведены в систему правила языка, пока эта система не признана еще всеми (это можно ожидать только как плода соединенных усилий целого ученого общества, академии, а не частного лица), до тех пор всякий может поступать относительно правописания по собственному убеждению, разумеется, более или менее истинному, более или менее ложному, но всегда заслуживающему уважения как дело совести и как лишний голос в общем деле, которое решается не иначе, как большинством голосов» [157].

В рецензии на работу Кирилла М. Кадинского «Упрощение русской грамматики» В.Г. Белинский предложил не только исключение лишних букв, но и упорядочение отдельных правил: «головоломны многие правила, но произвол еще хуже» [Белинский, 1955. С. 333].

Известный русский публицист, историк, лингвист и поэт славянофильской ориентации К.С. Аксаков в 1846 г. указывал на те же недостатки русского правописания – неупорядоченность и неоправданное разнообразие:

– В орфографическом отношении у нас пишут различно, впрочем, и нельзя упрекать за это. Правописание наше до сих пор не установлено на твердых началах, и многие его правила приняты неизвестно почему... Наш язык подвергся с нами одной участи: он подпал под законы чуждой готовой грамматики, не вытекшей из его начал, а насильственно на него наложенной» [Аксаков, 1846. С. 299].

Теоретические рассуждения К.С. Аксакова сводятся к тому, что «письмо – вещь условная», а буква как «самое начертание отдельного звука», как начертание, принадлежащее к области письма, есть тоже условный знак. Правописание, «не будучи никак произношением..., *не может и должно* подражать и передавать произношение». В отличие от произношения, которое развивается свободно, «увлекаемое, управляемое случайностью», правописание должно «возводить слово к той определенности, к его твердым прочным началам (в звуке), к тем основным внутренним филологическим законам, которые лежат в нем и при произношении, выражая таким образом его организацию» [Там же. С. 300 – 301].

Издатель газеты «Ведомости С-Петербургской городской полиции» в 1852 году сообщал, что не только всякий журнал, но и каждый писатель придерживается *своего* правописания» [Фурманн, 1952].

В 1857 г. журнал «Экономический указатель» выступил с экономическими аргументами устранения буквы Ъ на конце слов: поскольку «отношение всех употребляемых букв к знаку Ъ равно 17, т.е. на всякие 17 букв причитается один Ъ, на всякие 17 страниц, писанных или печатных, причитается одна страница для знака Ъ, то твердый знак ежегодно стоит русскому народу *11 294 150 рублей*. Журнал, который отказался бы от употребления знака Ъ, сберег бы семнадцатую часть материальной своей стоимости» [Баньковский, 1857. С. 402].

Желанием упорядочить и установить единообразие в русском правописании продиктованы многие орфографические выступления и предложения XIX столетия, которые (при несомненном разнообразии) заключали в себе общие основания: излишество букв и несоответствие многих правил правописания живому состоянию языка. Появлялось множество проектов, авторы которых в меру своей образованности и опыта излагали предложения по упрощению.

Орфографическое движение XIX столетия, принявшее эстафету XVIII века, неуклонно продолжало развиваться в заданном русле – в полемике орфографических реформаторов и сторонников сохранения орфографической традиции.

Вопрос о русском правописании не оставил без внимания и В.И. Даль. В «Напутном слове» (пункт 5), представленном Обществу любителей российской словесности в Москве 21 апреля 1862 г., В.И. Даль сказал несколько слов «о правописи, принятой в словаре». Его правописные требования, реализованные частично в словаре, сводятся к следующему:

1. «Писать как можно ближе к общепринятому произношению, насколько это позволяют прочие, не менее важные правила, а самый обычай».

2. «Стараться сохранять без натяжки намеков на производство, чтобы нагляднее осмыслить слово». Говоря иными словами, соблюдать в письме морфологический принцип.

3. «Не сдваивать букв без прямой нужды (особенно это относится к буквам *Р* и *С*), то есть – где говор этого не требует настоятельно – писать: *вялений, соленость, алопатия, граматика, абат, корректура...* Но: *непременный, благосклонный* – требуют сдвоенных согласных».

4. «В слитных предлогах *воз, из, раз* буква может иногда заменяться буквой *С*».

5. «Букву *ЯТЬ*, в коей был некогда смысл и значение, как и в *ЮСЕ*, а ныне отживающую свой век, нельзя выкинуть по привычке к ней, но можно ее исподволь выжимать. Пишут *лшкарь* и *лекарь*,

лнчить и *лечить*, и я беру второе... Где нет настойчивого требования на *ЯТЬ*, там пишу *Е*».

б. «В чужих словах мы не должны принимать правописания иноземного, а должны писать слово, как оно произносится русским, не знающим чужих языков; и если слово переименовано в говоре на русский лад, то тем и лучше, тем легче оно может быть усвоено. Требование – знать и соблюдать в русском языке правописание испанское, итальянское, английское, немецкое, французское, турецкое – очевидно нелепо. Там и самые буквы произносятся иначе, и в таком виде слово не может войти в обиход».

В предисловии к третьему изданию, осуществленному под редакцией проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ, есть сообщение о том, что В.И. Даль в рукописи словаря «вовсе не употреблял букву *Ё* как знак гласного *О* после шипящих согласных». Эта орфографическая манера автора словаря (буква *О* после шипящих вместо *Ё*) реализована редактором.

Но не только в «Напутном слове». В словарных статьях самого словаря В.И. Даль тоже выражает свое отношение к тем буквам русской азбуки, которые «потеряли» звуковое «значение». Он тоже считает их лишними:

«*ФИТА* пишется без нужды в греческих словах вместо буквы *Ф*» [Даль, 1978. Т. 1. С. 683].

Букву *Ъ* В.И. Даль характеризует как твердый полугласный, а ныне – безгласный звук. Он уверен в необходимости его исключения: «как мы постепенно выкинули *Ъ* из середины слова, так точно он может быть откинут и в конце, а оставлен только перед согласным, в середине, где он нужен для произношения» [Даль, 1980. Т. 4. С. 513].

Буква *ЯТЬ* – двугласная. Нельзя сказать, чтобы «правописание через *ЯТЬ* и *Е* было у нас твердо установлено». Характеристика этой буквы определяется тем, что смысл и значение ее «до того утрачены, что правописание через нее стало шатко». В связи с этим он указывает, что для установления правила написания слов с этой буквой, в отличие от *Е*, «прибегали то к малорусскому языку, то к особому списку слов».

Отметив разные звуковые «значения» этой буквы, сформировавшиеся в языке к тому времени, автор словаря приходит к заключению, что «с помощью других славянских наречий можно было бы разобрать эту путаницу и установить правило. Или же остаться при одном *Е*» [Даль, 1979. Т. 2. С. 68].

В букве *і* отмечает ее употребление перед гласными и в слове *міръ* (в значении – *свет* и *люди*). На его взгляд, «сомнительно, чтобы

правильно было писать *Владиміръ* и вероятнее (предпочтительнее – Т.Г.) – *миръ*.

Как очевидно, представители русского культуры XVIII – XIX вв. отстаивали необходимость упорядочения русского правописания через упрощение, путем приведения в соответствие живой речи и застывшего во времени её письменного выражения. Но обозначенная временем и обсуждаемая в течение почти двух столетий задача была решена лишь реформой 1917 г., которая решительно устраняла то, что утратило в процессе движения свой смысл и значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К.С. Несколько слов о нашем правописании // Московская литература и ученый сборник. М., 1846. С. 297 – 321.
2. Баньковский И.И. Непродуктивность многописания // Экономический указатель. 1857. Вып. 18. С. 401 – 404.
3. Белинский В.Г. Упрощение русской азбуки. *Uproscenie ruskoj grammatichi*. Соч. К.М. Кадинского. СПб., 1842. // Белинский В.Г. Полн. Собр. соч. Т. IX.. М., 1955. С. 328 – 345.
4. Грот Я.К. [1773] Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне // Грот Я.К. Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд. с доп. и переменами. СПб., 1885.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значит. умнож. [1880]. Т. 1. А – З. М., 1978.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значит. умнож. [1881]. Т. 2. И – О. М., 1979.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значит. умнож. [1882]. Т. 4. Р – У. М., 1980.
8. Карамзин Н.М. [1811] Записки о древней и новой России. М., 1991.
9. Подшивалов В.С. Чтение и письмо // Труды об-ва любителей российской словесности при Имп. Московском ун-те. М., 1816. Ч. 5. С. 82 – 112.
- 10.[Светов В.П.] [1773] Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. Втор. тисн. СПб., 1787.
- 11.Фурманн. Простые беседы // Ведомости Санкт-петербургской городской полиции. 1852. № 213, 226.
- 12.[Яковлев П.Л.] Рукопись покойного Клементия Акимовича Хабарова, содержащая рассуждение о русской азбуке и биографию его, им самим писаную, с присовокуплением портрета и съемки с почерка сего знаменитого мужа. М., 1828.

S U M M A R Y

The basis of the paper is the quotation from the book of one of the authors of Russian orthography witnessing imprfectness of Russian spelling which is confirmed by the other participants of orthography discussions of the XVIII – XIX cent.

О.В. Борхвальдт*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ «ЗОЛОТО И ЗОЛОТЫЕ СПЛАВЫ» В АСПЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

Как известно, в работах по истории русских терминологий обычно рассматриваются отдельные специальные наименования, при этом не всегда подробно анализируются те отношения, в которые они вступают. Между тем, «нередки случаи, когда отношения оказываются чуть ли не важнее самих элементов» [Полевые структуры..., 1989. С. 34]. Выявление системных отношений делает описание любого сложного объекта более экономным, помогает увидеть динамику развития терминосистемы. Покажем это на примере наименований *золото* и *золотые сплавы*, сложившихся в русском языке к концу XIX в.

Характерным видом связи специальных наименований, образующих терминологическое микрополе «Золото и золотые сплавы», является пересечение, т.е. такая связь, при которой два или сразу несколько элементов имеют и общие, и различные семы. В таких отношениях, например, находятся специальные наименования, составляющие синонимический ряд *черное золото* – *золото в черной рубашке* – *золото в рубашке* – *грязное золото* – *ржавое золото* – *упорное золото*. Эти наименования объединяет общее значение «разновидность золота, которое покрыто тёмной пленкой окислов железа или марганца». Различаются же они семами «цвет» и «устойчивость к внешним воздействиям, к амальгамации». Сема «цвет» присутствует в структуре лексического значения специальных наименований *черное золото*, *грязное золото*, *ржавое золото*, *золото в черной рубашке* (в последнем случае появляется ещё одна сема – «покрытый чем-либо»). Дополнительная сема «устойчивость к внешним воздействиям, к амальгамации» отмечается лишь у термина «упорное золото». В отношениях пересечения находятся также терминосочетания типа *серебристое золото* – *медистое золото* – *теллуристое золото* и т.п. Имея в структуре лексического значения общую сему «золото с лига-

---

* © О.В. Борхвальдт, 1999

турой, т.е. примесями посторонних химических элементов», они различаются семами «конкретный вид примеси».

По справедливому утверждению Б.А. Плотникова, «одним из универсальных типов отношений между словами всех языков являются отношения включения, или импликации, которые, с одной стороны, отражают различные по степени обобщенности названия реальных и их классов в языке, т.е. родо-видовые, а с другой стороны, названия объектов и их частей, т.е. целого и части» [Плотников, 1983. С. 192].

Гиперо-гипонимическая связь – основная в ТМП «Золото и золотые сплавы». Термин-гипероним *золото* «благородный металл желтого цвета, обладающий большой гибкостью, ковкостью и тягучестью» связан с многочисленными видовыми наименованиями золота, которые, кроме гиперсемы, включают одну или более конкретных сем. Например, термины-гипонимы *кристаллическое золото, ветвистое золото, волосистое золото, зернистое золото, охлочатое золото, осьмигранное золото* и т.п. включают и сему «благородный металл желтого цвета», и дифференцирующую сему «форма золотин». Терминосочетания *коренное золото* и *россыпное золото*, кроме гиперсемы, включают дифференцирующую сему «вид месторождения». Эти термины находятся также в отношениях эквонимии, поскольку являются гипонимами одного уровня обобщения при общем гиперониме. Говоря о значении эквонимических связей в языке, М.В. Никитин заметил, что «они действуют в сечении словаря, поперечном гиперонимической иерархии, и совокупно с нею упорядочивают словарь как классификационную сеть» [Никитин, 1988. С. 94]. Интересно, что эквонимы *коренное золото* и *россыпное золото*, в свою очередь, вступают в гиперо-гипонимические отношения с другими видовыми наименованиями золота. Так, терминосочетание *коренное золото* является гиперонимом по отношению к некоторым наименованиям золота по особенностям его залегания (*жильное золото*), по расположению во вмещающих породах (*вкрапленное золото, налетелое золото, мелкоразбрызганное – мелкорассеянное золото*), по особенностям добычи (*ломовое золото, похкастенное золото*). Терминосочетание *россыпное золото* является гиперонимом по отношению к терминосочетаниям *корчажное золото, кустовое золото, зерновое золото, порошкообразное золото, вымывное золото, дражное золото* и т.д. Гипероним «золотой сплав» вступает в гипонимическое отношения с большой группой терминосочетаний, называющих разновидности природных и искусственных золотых сплавов. При этом гипонимы могут включать дифференцирующие семы «примеси» (*медное золото, серебристое золото, иодистое золото, хлорное золото* и т.д.)

или «цвет золотого сплава» (*красное золото, белое золото, коричневое золото, синее золото* и т.д.).

В отличие от гипонимии, основанной на сходствах – различиях денотатов, партитивность опирается на взаимодействия, зависимости денотатов друг от друга. Термины-партитивы передают понятие о «целом» и части «целого». В исследуемом нами терминологическом микрополе партитивные отношения не являются определяющими, однако, примеры таковых имеются. Вариативные специальные наименования *знаки золота (знаки) – знаковое золото* «частица золота массой менее 1 – 3 мг, имеющая большое значение в поисковой практике» вступают в партитивную связь с терминами *золото, самородное золото, коренное золото, россыпное золото*. Аналогично: *зерно золота – зернистое золото; кристалл золота – кристаллическое золото; пластинка золота – пластинчатое золото; золотая чешуйка – чешуйчатое золото*.

Весьма распространенным типом системных отношений в пределах ТМП «Золото и золотые сплавы» являются отношения синонимии. Как известно, в основе синонимии лежит денотативно-сигнификативная и сочетаемостная общность лексических единиц [Полевые структуры, 1989. С. 29]. Синонимическая связь предполагает наличие общего семантического ядра у двух или более лексических единиц, которые могут при этом отличаться оттенками значения. Таким образом, синонимы, во-первых, могут находиться в родовидовых отношениях, во-вторых, – в отношениях пересечения, что отчасти уже было отмечено выше. Особенно это относится к наименованиям, находящимся в разных терминологических группах. Входящие в синонимический ряд специальные наименования объединяет общая сема «ртутный раствор золота». Специальные словосочетания *обортученное золото, мешаное золото, умягченное золото*, кроме того, имеют дополнительные семы, придающие им оттенки значения. В отличие от других членов данного синонимико-вариативного ряда, специальные наименования *мешаное золото* и *умягченное золото* не обладают семой «твердый сплав золота», «полученный путём растворения в ртути с последующим охлаждением». Оба наименования зафиксированы в Словаре химическом 1810 – 1813 гг.: *Золото растворяется в ртути. Сия амальгама употребляется на извлечение золота из руд и на позолоту других металлов. Сие то называется умягченным золотом* (Сл. хим., 1810. 1. С. 47); *Три рода есть золочения в огне, а именно мешанным золотом, золотом просто в листках и с насечкою. Позолота мешанным золотом делается посредством золота, сортученного в известном содержании, то есть из одного унца ртути на одну драхму золота* (Сл. хим., 1812, 3. С. 165).

Синтаксические синонимы *амальгамирное (амальгамическое) золото* – *золотая амальгама* – *амальгама* (амалгама, амалгам) находятся в отношениях эквивалентности с исконно русскими наименованиями *обортученное золото* – *сортучка* – *сортуюк* – *нартучка*. Термин *амальгама* – греческого происхождения (от *άματος* – «мягкий» и *ήματος* «соединение»). В специальной литературе употреблялся в составе терминологических сочетаний *золотая (сюрьянная, серебряная, самородная серебряная, висмутовая, медная, платинная, свинцовая, оловянная, цинковая) амальгама* (Еремеев, 1835. С. 10). В значении ‘ртутный раствор золота и некоторых других металлов’ употребляется с XVIII в. в формах *амальгама, амалгама, амалгам: Амалгама называется смешение металлов с ртутью; и тако амалгама смешанное с ртутью золото есть* (Примеч. в Ведом., 1731. С. 152); *Амальгама, гр. реч. хим. У химиков же применяется за смешение металла, или полуметалла со ртутью для составления из обоих одного вещества, которое бывает наподобие теста, и употребляется для отделения золота и серебра от изгари; для золочения и серебряния разных металлов, кои покрыты будучи амальгамою золотою или серебряною, в огне по изпарении ртути, удерживают в скважинах своих золото и серебро* (Ян, 1. С. 114); *Амалгамъ. Слово химическое* (Слов. коммерч., 1787, 1. С. 62).

В XIX веке терминосочетания *золотая (золотосодержащая) амальгама* и *амальгама (золота)* активно используются в деловых документах золотопромышленных компаний, научных сочинениях и специальных словарях, что свидетельствует о прочном вхождении термина в употребление: *Способы добычи жильного золота состоят в толчении горной породы, в промывании и в перегонке амальгамы и в плавлении золота* (Сл. хим., 1810. С. 472); *Золотая амальгама – самородная амальгама золота со ртутью* (А. Фил., 1869. С. 1); *Для этого некоторое количество её забрасывается в сепаратор и собирает в нем все унесенные шарики золотосодержащей амальгамы* (А. Фил. (Полет.), 1869. С. 237); *Бухгалтер должен наблюдать за амальгамацией, выжимать и выпаривать амальгаму* (ГЖ, 1858, № 3. С. 411); *Goldamalgam – золотая амальгама* (Рейнбот, 1885. С. 166); *Золотая амальгама, собранная во время различных операций при обработке золотосодержащего кварца, сначала процеживается для отделения избытка ртути и потом перегоняется в ретортах* (Ф. 475. О. 1. Д. 26. Л. 19).

Наряду с терминами *золотая (золотосодержащая) амальгама, амальгама золота* с середины XIX века используются также термин *амальгамирное (амальгамическое) золото*, образованный по весьма продуктивной модели прил. + сущ. *золото: Амальгамическое золо-*

то, спущенное со ртутью (Даль, 1. С. 14); *Амальгамирное золото* (ГЖ, 1862, № 6. С. 617); *Вынутое после удаления ртути из реторты амальгамирное золото, имеющее вид губчатой массы, плавится точно так же, как и золотой песок, намытый из россыпей, в глиняных или графитовых горшках, и по расплавлении металл, собравшийся на дне, выливается в бруски – слитки, которые подвергаются пробе, точно определяющей в них количество золота, и затем отправляются по назначению* (Саб., 1880. С. 43). В это же время зафиксировано употребление образованного по аналогии словосочетания *золото обортученное*, в значении которого на первый план выходят семы «соединенное с ртутью, растворенное ртутью»: *Золото обортученное будет задерживаться и составлять амальгаму* (ГЖ, 1859, № 9. С. 484).

Заимствованному термину *амальгама* в русском языке XVIII столетия был найден русский эквивалент *сортучка*. Данное профессиональное наименование отличалось неустойчивостью формы. Известны также его варианты *нартучка, сортутка*: *Die Anquickung, нартучка, сортучка* (Ад., 1798, 1. С. 90); *Амальгама, мы, с. : ж. греч. Речение химич. Спуск металлов и полуметаллов посредством трения с известным количеством ртути, в коей распустясь, металлы невидимы и мягки наподобие теста бывают. Позолоту в огне посредством золотой амальгамы наводят. См. Сортучка* (САР¹, 1. С. 27); *Разстворение сие золота во ртути называется нартучкою золота, так как и самый разствор какого-нибудь металла во ртути нартучкою (amalgam) именуется* (Физ. Крафта, 1779, 1. С. 34); *Отделять золото и серебро из сортутки* (Канкрин, 1786. С. 224).

Колебания в использовании формы русского эквивалента к термину *амальгама* отмечаются и в научном языке XIX в. При этом модификация материальной формы на словообразовательном и грамматическом уровнях при тождестве семантики не нарушала единства специального слова. Например: *Амальгама. (Amalgam). Росс. Сортучка. Так называются соединения ртути с прочими металлами. Названы оныя сим именем потому, что ртуть имеет способность размягчать, и так сказать, разтворять сии металлы* (Сл. хим., 1810, 1. С. 38); *Амальгама золотая. Amalgam d'or. Сортутка золотая. Сия Амальгама весьма удобно производится в холоду; ртуть имеет наибольшее сродство к золоту, почему и служит на извлечение сего драгоценного металла из золотых песков или золотых руд, в коих оно разсеяно бывает* (Сл. хим., 1810, 1. С. 39); *(Goldamalgam) Золотая сортутка или амальгама* (Ер., 1837. С. 196); *Сортучка или амальгама (Amalgam, amalgam). Соединение металла со ртутью твердое или в жидком виде, когда находится в нем более ртути, нежели ме-*

талла. Из *сортучек* более замечательно к употреблению *сортучка золота* и *серебра*, которая получается через соединение одной части нагретой ртути (ГСС, 1842, 2. С. 237). (Вариант *нартучка* в текстах XIX в. нами не обнаружен.)

В одном из научно-популярных сочинений конца XIX в. зафиксирована также форма *сортуток*: *Оставшееся небольшое количество обогащенных песков промывается на ваишгердах ручным способом при слабом притоке воды, с прибавкою немного ртути. Полученный золотой сортуток выпаривают, чем и оканчивается вся операция добычи* (Чапл., 1899. С. 62).

В устной профессиональной речи работников золотых промыслов, очевидно, была наиболее частотна форма *сортучка*. В романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Золото» читаем: *При нем происходила доводка золота в полдень и вечером, и он отжимал на огне «сортучку», как называют на промыслах соединение ртути с золотом* (М.-С., 1892. С. 190). Именно это наименование вошло в терминологию современной золотопромышленности и ныне употребляется как стилистически нейтральное (См.: Справочник по горному делу, 1. С. 17 – 18). Используются в настоящее время и термины *золотая амальгама*, *амальгамирное золото* (См.: Геол. сл., 1973, 1. С. 36; Терм. сл.: Горное дело, 1981. С. 13).

Обратимся за примерами к терминологическим группам «Наименования золота по цвету», «Наименования золота по содержащимся примесям» (именно примеси придают золоту «цветной» вид): *хлорное золото – коричневое золото* («треххлористое золото коричневого цвета, полученное путём растворения золота в царской водке для использования в фотографии, золочении гальваническим путём, росписи на фарфоре и т.д.»); *медистое золото – красное золото* («золото с примесью меди, которая придаёт ему красный цвет»); *серебристое золото – белое золото* («золото с примесью 20 % серебра, придающего золоту белый цвет»). Причиной появления таких синонимов являются разные признаки денотата, положенные в основу номинации. Характерно то, что многие из синонимичных наименований золота употреблялись в условиях одного контекста. Например: *Сие, которое находится в рудах, где его никак распознать не можно, называется обруденелым золотом. Обруденелое или минерализованное золото бывает запутано другими минералами, и оными столь разделено, что ниже узнать, ниже царскою водкою отделить и разтворить можно* (Канкрин, 1785, 1. С. 258); *В алтайских рудниках жильное золото от 77 до 88 пробы. Следовательно, горное золото или жильное золото менее чисто, чем рассыпное* (Бгл., 1877. С. 30); *Золото рудное – то же, что и жильное* (Бгл., 1877. С. 30); *Посему зо-*

лото и серебро по местам своего нахождения называются: как добытые из руд рудным или жильным, а также горным или коренным (Тар.-Отр., 1856. С. 10).

В составе синонимических рядов можно выявить специальные наименования, находящиеся в диахронических отношениях. Обозначая одно и то же понятие, они различаются временем своего появления в языке. Как правило, различаются такие наименования еще и по языку-источнику или признаку, положенному в основу номинации. Один или сразу несколько диахронических синонимов к моменту образования такой синонимической пары или ряда находятся в пассивном запасе. Проиллюстрируем это положение, обратившись к наименованиям золота по пробности. Известно, что в России с XVIII в. по 1927 г. существовала золотниковая система обозначения пробы (на основе русского фунта, равного 409 г. и содержащего 96 золотников). Проба выражалась массой благородных металлов в 96 единицах сплава. Именно золото 96 пробы считалось чистым, а получение действительно химически чистого золота 100 пробы было в то время технологически невозможно. Однако в большинстве европейских и в некоторых азиатских государствах был в употреблении каратный вес. Английский *carat*, немецкий *Karat*, французский *carat*, испанский *qualate* был равен 1/24 массы золотого сплава. Высокопробное, «чистое» золото соответствовало 24 каратам. Термин *carat* (в некоторых источниках XVIII в. – крат) восходит к греческому *keration* «стручок рожкового дерева, семена которого служили мерой массы» [ГЭ, 2. С. 552]. По другим данным, – к арабскому *kirat* «зерно, служащее в Африке весовой единицею при взвешивании золота, а в Индии – для взвешивания алмазов» [Бр.-Ефр., 27. С. 462]; Термин *проба* – латинского происхождения (лат. *probo* – «испытываю, оцениваю благородный металл»). Русским языком заимствован из немецкого (Ср.: нем. *Probe*). В XVIII в. заимствованные термины *carat*, *каратированное золото*, *золото 12 (18, 22, 23, 24) карат (крат)* часто использовались в переводных сочинениях, нередко в одних контекстах с более привычными сочетаниями *пробное золото*, *золото 48, 72, 92, 96 пробы*.: ***Кроновое золото состоит из 18 каратов или двух третей золота и 6 каратов или трети серебра или меди с серебром, которое 72 пробы почитается, а называется оно рейнским золотом (Reininggold) или золотистым гульденом (Goldgulden) потому, что рейнская монета также гульденом называется*** (Вал., 1763. С. 688); ***Двадцатипробное (92 пробы) золото состоит из 23 каратов и нескольких, на примере 4,5 или 6, или от 7 до 11 гранов, а прочее либо серебро, либо медь. Такое золото называется венгерским, червонным, розенобловым или португалезерованным в рассуждениях разного сме-***

шения, а наилучших последний из оных сорт почитается (Вал., 1763. С. 687 – 688); Самое чистое золото называется **золото 24 крат**, а чем меньше в нем сей пробы крат, столько теряет оно цены своей (Сл. натур. ист., 1788, 1. С. 182).

К концу XVIII столетия сложились синонимические ряды: *Золото 24 карат (крат) – двадцатичетырехкаратовое золото – золото 96 пробы – чистое золото; Золото 23 карат (крат) – двадцатитрехкаратовое золото – венгерское золото – розеноблово золото – португалезерованное золото – золото 92 пробы – червонное золото; Золото 22 карат (крат) – двадцатидвухкаратовое золото – золото 88 пробы – полуимперальное золото; Золото 18 карат (крат) – кроновое золото – рейнское золото – золотистый гульден – золото 72 пробы; Золото 12 карат (крат) – двенадцатикратовое золото – биллон – золото 48 пробы; Роговое золото – золото 38 – 40 пробы – низкопробное золото – весьма низкопробное золото.*

В XIX столетии наименования, входящие в состав синонимических пар типа *золото 12 карат – золото 48 пробы, золото 22 карат – золото 88 пробы* и т.п., уже находились в диахронических отношениях. Поскольку каратный вес в России так и не был введен, термины *карат, каратное золото* и номены *золото 12, 18, 22, 23 карат* в терминологию русской золотопромышленности и ряда родственных отраслей не вошли и использовались лишь на правах экзотизмов. Нельзя не обратить внимания и на градуальные связи между отдельными наименованиями золота по пробности: *высокопробное золото – низкопробное золото – весьма низкопробное золото*. Семями «степень проявления признака», «больше», «меньше» различаются также термины *мелкое золото – мельчайшее золото – микроскопическое золото* и некоторые другие.

Особо следует отметить случаи, когда синонимы, входящие в состав ТМП «Золото и золотые сплавы», находились в стилистических отношениях. При этом они отличались между собой стилистической окраской, преимущественными сферами употребления и, как следствие, принадлежностью к различным стратификационным рядам специальной лексики. Нередко такие синонимы относились к разным генетическим пластам и характеризовались различной локальной отнесенностью. Стилистически разноплановыми синонимами в пределах рассматриваемого терминологического микрополя являются официальный термин *самородок* и профессионализм *жужелка*, который зафиксирован в уральских источниках конца XIX – начала XX вв.: *Просечка № 1: людей 3, лошадей 1, промыто песков 7, сложное содержание 35. Найдена 1 жужелка* (Ф. 59. О. 3. Д. 2231. Л. 14 об.). Профессиональное наименование *жужелка* генетически восхо-

дит к диалектному слову *жужелка* «пчела» и представляет собою результат семантической деривации (метафора по цвету).

Стилистическими синонимами являются термин *россыпное золото* и профессиональные жаргонизмы *крупка*, *пшеничка*, *пшеница*, которые в XIX в. использовались в разговорной речи енисейских старателей: ***Крупка*** – название золота у тех, кто им тайно торгует, зовут его также ***пшеницей*** или ***пшеничкой*** (Лат., 1869. С. 145). Стилистическими отношениями связаны также термин *похкастенное золото*, предтермин *золото*, полученное от чистки и профессионализм *чистка*; термин *прямое золото*, предтермин *золото*, полученное с головок и профессионализм *головка*; термин *третий сорт золотой руды* и его синоним-профессионализм *серединка*.

Ещё одно характерное явление в составе ТМП «Золото и золотые сплавы» – это отношения вариантности специальных наименований. Обладая семантическим тождеством, варианты различаются составом фонем, морфем, модификациями синтаксических конструкций, грамматическим значением, либо сразу несколькими языковыми чертами. Одну из самых многочисленных групп составляют словообразовательные варианты: *амальгамическое золото* – *амальгамирное золото*; *хлопучее золото* – *хлопушное золото*; *запаренное золото* – *запарное золото*; *зернистое золото* – *зерновое золото*; *кварцевое золото* – *кварцеватое золото*; *нартушка* – *сортучка* – *сортутка*; *налетное золото* – *налетное золото*; *промывное золото* – *вымывное золото* – *намывное золото* – *смывное золото* и т.д. К числу морфологических вариантов, различающихся категорией рода, отнесём: *сортучка* – *сортуток*; *самородка* – *самородок*. Явление синтаксической вариантности отметим в наименованиях таких разновидностей золота, как: *шлиховое (шлиховатое) золото* – *золотой шлик*; *золото в слитках* – *слиточное золото* – *золотой слиток* – *слиток золота*; *первое золото* – *золото первого разбора*; *второе золото* – *золото второго разбора* и др.

Специальные наименования, образующие ТМП «Золото и золотые сплавы», связаны не только отношениями включения, близости значений, но и отношениями противоположности. Как известно, в основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков. Антонимия представляет собой одну из важнейших лингвистических универсалий. По справедливому утверждению В.А. Татарина, она «наиболее близка к логико-философским категориям, исследующим логические отношения в языке» [Татарин, 1996. С. 195]. Подобно синонимии, этот вид отношений между лексическими единицами связывает в нашем созна-

нии одну и ту же сущность, рассматривая онтологически присущие ей противоположности. Нельзя не согласиться с утверждением, что «с семантической точки зрения антонимы характеризуются сходными однотипными значениями, предельно противопоставленными друг другу условно «положительным» и «отрицательным» компонентами по одному существенному дифференциальному признаку» [Новиков, 1984. С. 20]. Далек не все слова могут вступать в антонимические отношения. Этим свойством обладают лишь те из них, лексическое значение которых соотносится с признаками, свойствами, явлениями, способными расчленяться, противопоставляться нашим сознанием. Различают несколько видов антонимов. *Контрарные антонимы* выражают качественную противоположность, дают представление о постепенном изменении какого-либо признака, свойства. При контрарной антонимии возможно построение ступенчатых оппозиций. Например: *крупное золото – золото средней крупности – мелкое золото – мельчайшее золото – микроскопическое золото – невидимое золото; богатое золото – благонадёжное золото – промышленное золото – бедное золото – проблематическое золото*. В рассматриваемом нами ТМП к контрарным антонимам относятся также пары *крупнозернистое золото – мелкозернистое золото; низкопробное золото – высокопробное золото*. Здесь возможны дополнительные звенья «*золото средней зернистости*», «*золото средней пробности*». В экстралингвистическом плане такие антонимы сближаются с синонимами, поскольку градуируют одни и те же свойства объекта (в приведенных выше примерах – это размер золотин, содержание в породах, пробность).

От контрарных антонимов следует отличать *комплиментарные антонимы*, которые находятся между собою в отношениях дополнительности. Шкала противопоставления у таких антонимов представлена двумя членами, которые как бы дополняют друг друга, при этом отрицание одного даёт значение другого. Например: *золото* в (не) *свободном состоянии* = *золото в связанном виде* – *вкрапленное золото*; (не) *обнаженное золото* – (не) *видимое золото* = *скрытое золото*; (не) *чистое золото* = *лигатурное золото* (*лигатура, легированное золото*). Термин *золото в свободном состоянии* «самородное золото, не вкрапленное в другие горные породы» предполагает существование специального наименования *золото в связанном виде*, который имеет прямо противоположное значение – «самородное золото, вкрапленное в другие горные породы». В терминологии золотого промысла XIX в. это понятие передаётся также синонимичным термином *вкрапленное золото*. Термин *чистое золото* «золото, освобожденное от примесей с помощью специальных методов» предполагает существование тер-

мина в значении «золото с примесями посторонних химических элементов». Это значение имеет терминосочетание *лигатурное золото* (варианты: *лигатура*, *легированное золото*). Аналогично дела обстоят с синонимичными терминосочетаниями *обнаженное золото*, *видимое золото* «золото в виде относительно крупных частиц, включенных в другие породы и видимых простым глазом» и их антиподом – термином *скрытое (скрытное) золото* в значении «золото в виде мельчайших тонкодисперсных включений в другие породы, невидимое простым глазом». Отмечая эту особенность комплиментарных антонимов, В.А. Татаринов заметил следующее: «Комплиментарная противоположность строится на базе категории, которая в логике называется «относительным термином». Если относительный термин предполагает существование оппозитивного термина, то возникает комплиментарная оппозиция» [Татаринов, 1996. С. 197].

Ещё одним видом антонимических отношений в пределах ТМП «Золото и золотые сплавы» являются отношения контрадикторности. Контрадикторная оппозиция – это противопоставление специальных наименований, выражающих противоположную направленность свойств, признаков, состояний денотата. Например: *ручное золото* «золото, добытое без применения механизмов, вручную» – *механическое золото* «золото, добытое с помощью механизмов»; *общее золото* «золото, добытое сообща, артельно» – *частное золото* «золото, добытое старателем-одиночкой»; *безобразное золото* «золото с неопределенной формой золотин» – *ветвистое золото* «золото с ветвеобразной формой золотин». Аналогичные пары термин *безобразное золото* образует с наименованиями *волосистое*, *листоватое*, *охлопчатое*, *...золото*; *серебристое (сребросодержащее) золото* «содержащее в виде примеси 5 или более золотников серебра» – *несеребристое золото* (не содержащее серебро в виде примесей). Приставка *не-* в последнем случае лишь отрицает признак, обозначенный термином *серебристое золото*. *Несеребристое золото* вовсе не предполагает оппозиции «*серебристое*», поскольку может быть медистым, родистым, теллуристым и т.д. В качестве контрадикторных антонимов можно рассматривать также терминосочетания *коренное золото* – *россыпное золото*; *песчаное золото* – *металлическое золото* и т.п.

Материалы проведенного исследования позволяют утверждать, что терминологическая микрогруппа «Золото и золотые сплавы» с самого момента своего образования развивалась как система и остаётся таковой благодаря стабильности отношений, в которые вступали многочисленные специальные наименования, входящие в её состав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горная энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. Е.А. Козловский. М.: Сов. энциклопедия, 1984 – 1991. В 5 т.
2. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. 168 с.
3. Новиков Л.А. Русская антонимия и её лексикографическое описание: Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. С. 5 – 30.
4. Плотников Б.А. Лексикология // Общее языкознание / Под ред. А.Е. Супруна. Минск, 1983. С. 176 – 221.
5. Полевые структуры в системе языка / Отв. ред. З.Д. Попова. Воронеж, 1989.
6. Татаринов В.А. Теория терминоведения. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. М., 1996. С. 189 – 195.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона. СПб., 1894. Т. 12.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона. СПб., 1895. Т. 27.

ИСТОЧНИКИ

1. Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской Империи. М., 1998. 240 с.
2. Борхвальдт О.В. Наименования золота в русском языке XI – нач. XX вв.: Материалы для исторического словаря одной терминологической макрогруппы // Борхвальдт О.В. Русская терминография в историческом аспекте. Красноярск, 1998. С. 84 – 115.
3. Бгл., 1877 – Боголюбский И. Золото, его запасы и добыча в русской золотоносной формации. СПб., 1877.
4. Вал., 1763 – Валериус Иоганн. Минералогия или описание всякого рода руд. СПб., 1763.
5. Канкрин Франц. Первые основания искусства горных и соляных производств. Ч. 1: Рудословие. СПб., 1785.
6. Лат., 1869 – Латкин Н.В. Очерк северной и южной систем золотых промыслов Енисейского округа и описание американского способа промывки золота. СПб., 1869.
7. Сл. натур. ист., 1788 – Леклерк де Монлио Ш.А.Ж. Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов; с предидущим философическим разсуждением о способе вводить свой разум во учение истории естественной. Издание полезное для испытателей естества, физиков, аптекарей, купцов, художников и всех особ, провозжающих жизнь в деревне; переведено с французскаго языка с

пополнениями из лучших авторов и вещей нужных для России, Василием Левшиным. М.: Тип. Комп. Типографич., 1788. Ч. 1. А – М. XXXII. 321 с.

8. Тарасенко-Отрешков Н. О золоте и серебре; происхождении их; о количестве, добытом во всех известных странах света, с самой глубокой древности по 1855 год; ныне существующем их накоплении в главнейших государствах и взаимном отношении золота к серебру по их весу и ценности. СПб., 1856. Ч. 1. 447 с.

Е.В. Осетрова*

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ

В современной социолингвистике проблема языковой личности осознается как одна из наиболее значимых примерно с середины 1980-х гг. и актуализируется в 1987 г. с выходом в свет книги Ю.Н.Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов, 1987]. Ко второй половине 1990-х гг. эта проблема находит ряд конкретных решений в целом ряде работ; из известных можно назвать 26-й выпуск «Вопросов стилистики», который так и называется – «Язык и человек» [Вопросы стилистики, 1996], и фонохрестоматию М.В.Китайгородской и Н.Н. Розановой «Русский речевой портрет» [Китайгородская, Розанова, 1995]. О важности обозначенного направления говорит в ряде своих докладов Л.П. Крысин [1].

Перспективность создания речевого портрета личности видится в том, что он с большей или меньшей степенью объективности разрешил бы судить о речевых характеристиках социальной группы, к которой принадлежит человек. Одновременно с этим такой подход позволил бы выработать систему практических рекомендаций с тем, чтобы совершенствовать речевые навыки каждого конкретного члена общества.

Попытки создать речевой портрет личности правомерны в отношении к любой из известных сфер общения; не является исключением и политическая сфера. Так, в работе Ю.В. Ковалева «Как измерить речевую культуру политического оратора» языковую личность в политической сфере предлагается описывать и исследовать, используя метод шкалирования и некую 30-мерную матрицу [Ковалев, 1997].

---

* © Е.В. Осетрова, 1999

В данной работе представлена модель описания речевого портрета политика, в основании которой лежат 1) речевая, или коммуникативная, и 2) содержательная составляющие [2].

Содержательное основание – это информативная часть текстов, публикуемых политическим деятелем. Исследования, проделанные в 1993-1997гг. группой красноярских социологов и лингвистов, созданной при Представителе президента по Красноярскому краю, доказывают, что единицами, составляющими содержательную сторону речевого портрета политика являются следующие: концепты, или ключевые слова; модель настоящего; модель будущего; лозунги [Ключевые слова..., 1993; Политическое поведение..., 1994]. Первый, самый общий анализ данного аспекта заставляет предположить следующее: основные концепты (*власть, народ, реформы, благосостояние, экономика, (финансовый) кризис* и т.д.) и положительная оценка будущего (в перспективе которого – решение большинства проблем) оказываются относительно константными величинами в текстах лидеров различной политической направленности. Что касается реализации модели настоящего, то здесь заметны две тенденции. Первая состоит в том, что действующие политики представляют ее (модель настоящего) в целом позитивно. Их выступления отличаются оптимизмом и изобилуют фактами о достигнутых результатах и свершениях разного рода. Оппозиционеры же в абсолютном большинстве случаев выбирают критическую, негативную модальность при описании действительности; ср.: *сельскохозяйственные работы в крае не сорваны; гасится вопрос с заработной платой; остановлен спад производства; край занимает 3-е место в России по размеру инвестиций; и край «сел в калошу»; сельскохозяйственные предприятия развалены, промышленные предприятия не работают; растет безработица и нищета.*

Самым специфическим объектом из всех 4-х составляющих являются лозунги. Они «языковой анфас» политика, который стремится к тому, чтобы быть содержательно узнаваемым и отличным от любого из своих оппонентов. Особенно функция лозунга актуализируется в предвыборных кампаниях, где этот жанр оказывается одним из ведущих [Сегела, 1999. С.53-74]; ср: *Я буду руководить чиновниками, вы будете руководить мной. Верну долги обманутым вкладчикам* (Петр Романов); *Возродим промышленность – поднимем край!* (Юрий Сахарнов); *Кто за белых, кто за красных, а я за производство!* (Валерий Сергиенко); *Наш дом, наш край, наша судьба!* (Валерий Зубов); *Это наша земля!* (Александр Лебедь). Как видно, стремление к оригинальности не всегда увенчается успехом, и

некоторые из лозунгов содержательно чрезвычайно похожи один на другой.

Не умаляя значения содержательной стороны речевого портрета политика, следует сказать, что **коммуникативная** его составляющая приобретает едва ли не большее значение. Очень часто политика оценивают, имея в виду следующие категории: «умеет или не умеет говорить»; «читает по бумажке» или готов вступить в диалог (показатель коммуникативной самостоятельности); «врет или говорит правду»; агрессивный, властный или либеральный, «мягкий».

Далее предлагается система описания коммуникативной составляющей речевого портрета политика.

Известная модель речевой коммуникации «говорящий → слушающий» по отношению к политической сфере преобразуется в более сложную, двумерную: «политик П о п п о н е н т» и «политик П н а р о д». Политик обращается именно к этим двум адресатам. Причем народ оказывается в данной иерархии на первом месте и оценивается положительно. Оппонента же можно назвать «навязанным» адресатом. Отношение к нему если не отрицательно, то, по крайней мере, критично, поскольку тот соперник политика в борьбе за главного адресата – народ. Итак, для реконструкции речевого портрета публичного деятеля важно, какие образы двух обозначенных адресатов формируются в его текстах.

Не менее важной составляющей языковой личности политика будет и набор его собственных речевых характеристик. Рассмотрим каждую из них в отдельности.

Первая из них – **м о н о л о г и ч н о с т ь / д и а л о г и ч н о с т ь** как предпочтительный режим, который выбирает для себя политик в большинстве случаев. Аудиторией безусловно положительно оценивается ориентация на диалоговый режим общения. Здесь уместно вспомнить М.С. Горбачева, который, объявив демократическую перестройку, начал с создания ее коммуникативного символа – ситуации диалога во время поездок по стране и встреч с общественностью. Ту же речевую стратегию [3] затем неоднократно и успешно использовал Б.Н. Ельцин [Костиков, 1997]; даже в периоды болезни СМИ предпочитали показывать первого российского президента в обстановке диалога, руководствуясь принципом: человек говорит, тем более беседует, значит работает. Диалог – знак речевого действия и социальной активности.

Обращаясь к обстоятельствам предвыборной кампании следует отметить, что и здесь принцип диалогичности имеет важное, если не определяющее значение. Весной 1998 г. А.И. Лебедь демонстрировал направленность на диалог с избирателями как свою главную

коммуникативную стратегию. Он объехал почти все районы Красноярского края, где встречался и разговаривал с избирателями. Ситуация встречи была самой привычной для будущего губернатора в последние два месяца перед выборами [Малышков, 1999]. На то, что кандидаты на должность губернатора края участвовали во встречах с избирателями, делался постоянный акцент в информационных выпусках региональных телеканалов. Это же подтверждали развешанные по всему краевому центру объявления, подобные следующему: *10 апреля (пятница) в актовом зале коммерческого института в 11.20 состоится встреча с кандидатом в губернаторы Красноярского края Романовым Петром Васильевичем. Приглашаем всех. Оргкомитет.*

Насколько комфортно чувствовал себя тот или иной кандидат в роли собеседника – вопрос, требующий отдельного обсуждения. Встреча двух основных кандидатов, А.И. Лебеда и В.М. Зубова, во втором туре выборов в «Итогах» Е. Киселева продемонстрировала, что более подготовлен к этой роли был действующий тогда губернатор В.М. Зубов. Однако социальная практика подводит к выводу о том, что в публичной сфере важны не столько конкретные умения и навыки, сколько имидж умеющего говорить и слушать человека [4].

Подчиняясь фактору престижности диалога, в период предвыборных кампаний специалисты используют прием, который состоит в имитации диалога в письменных текстах программного содержания. Цель этого приема – продемонстрировать, что политик умеет говорить с народом на понятном ему языке, доступно излагая трудные для понимания идеи экономического и политического характера. Пример тому – две выпущенные в период предвыборной кампании брошюры. Одна из них называлась «32 вопроса губернатору Зубову», и в ней Валерий Михайлович отвечал на вопросы, якобы заданные ему жителями Красноярского края. Другая – «Знакомство с А.И. Лебедем» – воспроизводила пресс-конференцию А. Лебеда, прошедшую в Красноярске 2 марта 1998г. Показательно, что в последнем случае ответы А. Лебеда воспроизведены без каких-либо редакторских купюр, правки или приведения к нормативным образцам – в границах разговорного стиля.

Из четырех выделяемых в научной литературе типов речевых жанров [5] наиболее характерными для политической сферы следует признать информативные и оценочные. Действующие политики выступают преимущественно в информативном режиме: *Это сделано для жителей края под руководством Зубова...* (из предвыборного выступления В.М. Зубова). Претендующие на власть политики, не обладая ею реально,

предпочитают оценочные жанры с отрицательной модальностью. И Г.А. Явлинский, и Г.А. Зюганов, как бы ни различались их политические взгляды и программы, предпочитают критические тексты: разного рода обличения, разоблачения, обвинения, порицания; и т.п.

Квинтэссенцию отрицательной оценочности несут в себе «войны компроматов», или «информационные войны» (если пользоваться терминологией СМИ); см. примеры: *Пять лет мы падали в экономическую пропасть под управлением Зубова; Именно при Зубове край превратился в кровавую арену криминальных «разборок» и заказных убийств* (Краснояр. край. 9 апр. 1998).

Для речевого портрета публичного деятеля очень важной составляющей оказывается и то, в какой семантической роли представлен он в текстах, описывающих его деятельность. Самая предпочтительная для политика роль агенса, семантика которой – «лицо, активно осуществляющее какое-либо действие или участвующее в какой-либо ситуации»; см. пример: *Это сделано для жителей края под руководством Зубова*. Другой ролью, часто используемой в текстах, описывающих взаимоотношения партии с жесткой дисциплиной и ее кандидата, является роль перцептива, или объекта воздействия; см. пример: *Члены Партизанской сельской территориальной партийной организации одобрили решение краевой партийной организации о выдвижении кандидатом в губернаторы Петра Васильевича Романова* (Вместе с вами. 27 февр. 1998). Данное ролевое представление кандидата характерно не только для авторов с коммунистическими убеждениями. Депутата от партийного блока «Яблоко» В. Кирильца его соратники представляли таким же образом: *движение выдвинуло своего кандидата*. Третьей ролью, наиболее заметной в текстах периода предвыборных кампаний, становится роль коагенса, которая обозначает лицо, находящееся с другим, основным субъектом в отношениях совместного действия, кооперации. Причем коагеном каждый из кандидатов предпочитает видеть себя в кооперации с агенсом-народом: *Возродим промышленность – поднимем край!* (Ю.В. Сахарнов); *Мы вместе сможем наладить нашу жизнь в родном крае* (А.И. Лебедь).

Кроме уже перечисленных параметров речевого поведения, избиратель вольно или невольно обращает свое внимание на так называемые коммуникативные удачи и неудачи публичного деятеля. Они связаны с правилами речевого поведения, предписанными к выполнению любому члену данного национального языкового коллектива [Шмелева, 1983]. Часто эти правила нарушал в период своей предвыборной кампании А.И. Лебедь. Например, он не

всегда следовал правилу «не говори неприятностей собеседнику» и следующей из него рекомендации этикетного характера «соблюдай социальную дистанцию с незнакомым тебе человеком»: на одной из апрельских встреч с избирателями в Минусинске генерал, не сдержав эмоций, грубо бросил в лицо обличавшего его действия мужчины: *Ты... слушай сюда... слушай сюда* [Малышков, 1999].

Заметно нарушается в политике и другое правило – «говори правду, будь искренен и правдив».

Значимость концепта «п р а в д а» исключительно велика в русской языковой картине мира, в том числе и в форме требования, предъявляемого к публичному политику со стороны электората. Оно повсеместно подтверждается в текстах избирательных кампаний и присутствует в «наказах» кандидату в форме императива: *Ты, сынок, сделай все правильно. Честно сделай* (Краснояр. край. 9 апр. 1998), – или даже в форме самохарактеристики: *Я человек обманутый* (НТВ. Итоги. 19 апр. 1998). Как видно, отношение к правде оказывается актуальным при оценке личности политика: потенциальный избиратель не может «присоединиться» к мнению того, кому нет доверия, он не примет взгляды и не встанет на сторону неискреннего политика. Поэтому признание в утаивании истинных намерений или в обмане равноценно для последнего коммуникативному самоубийству. Чтобы избежать этого, он пользуется эвфемизмами. Пример такой коммуникативной тактики продемонстрировал А.И. Лебедь. Отвечая на вопрос, почему он участвует в предвыборной борьбе (весна 1998 г.), если еще в сентябре 1997 г. отрицал возможность участия в выборах губернатора Красноярского края, генерал ответил: *Я лукавил*.

Игнорирование вышеназванного правила, видимо, можно расценивать как одну из основных коммуникативных стратегий этого политика и, соответственно, как одну из черт его речевого портрета, заметную окружающим. Многие из людей, в разное время приближенных к нему, отмечали поразительную изменчивость и неустойчивость точки зрения генерала. Для более широкой публики это знание оформилось в некое мнение о генерале как о человеке, меняющем свои принципы, воззрения и идеи в зависимости от конкретной ситуации [Бархатов, 1998].

Осознавая значимость категорий «искренность», «правдивость» и «честность» для русского самосознания, а отсюда – их важное место на ценностной шкале национальной языковой картины мира, политические технологи используют соответствующие исторические цитаты в своей рекламе: *Не в силе Бог, но в Правде!* (Александр Невский) (Пригласительный билет на концерт, посвященный

Светлому Христову Воскресению под патронажем А.И. Лебеда. 20 апр. 1998). Многие партии и кандидаты уже в период предвыборной кампании в Государственную Думу осенью 1999 г. идеи своих лозунгов связали именно с соответствующими концептами; см. примеры: *Партия социал-демократов – честные люди; Верьте только делам* (блок «Отечество – вся Россия»); *Россия должна быть честной* (Блок «Единство»); *Правое дело, Новая сила. Голос России. Мы вместе. Мы – Союз правых сил; Наше сельское хозяйство самодостаточно. Для этого надо только людям на земле без всякого фарисейства и лицемерия развязать руки* (из выступления И. Рыбкина, Социалистическая партия России).

Возвращаясь к публичному поведению А.И. Лебеда, к списку коммуникативных неудач следует отнести и нарушение в его предвыборных текстах картины мира в координатах «свой – чужой». Кандидат в губернаторы осмысливался многими красноярцами как «чужак», «варяг», «пришлый». Одновременно с этим во многих экземплярах рекламной продукции он был искусственно помещен в региональное коммуникативное пространство и столь же искусственно отождествлен с жителями края, настойчиво и даже насильно именуясь «своим»; см. пример одного из лозунгов: *Это наша земля!* Соответственно, речевая реакция многих жителей края была раздражительной и непонимающей: *Наш нашелся!*

Специфика любой публичной коммуникативной сферы (деловой, светской, научной), особенно политической, состоит в том, что речевой портрет политика создается не только, а может быть, и не столько им самим. – Существуют некие внешние по отношению к политику субъекты, которые более или менее существенно **корректируют речевой портрет** политика, учитывая все названные ранее составляющие. Такими комментаторами являются 1) общество в лице его представителей, 2) СМИ в лице журналистов и прочих специалистов, 3) оппоненты политика. Назовем эти три точки зрения экспертными.

Речевой портрет политика, воспринимаемый через призму комментариев экспертов, претерпевает иногда столь значительные изменения, что ряд его деталей оказываются существенно искаженными. Продемонстрируем это на двух примерах.

1. Отношение к оппоненту, о котором говорилось выше, особенно эксплицитным становится в периоды обострения общественно-политической ситуации, в частности, в периоды предвыборных кампаний. Вот как высказывался А.И. Лебедь о своем главном оппоненте – действующем губернаторе В.М. Зубове: *Он мне ничего плохого не сделал, я хорошо к нему отношусь* (НТВ. Сегодня.

1 марта 1998). А вот как комментировали деятельность того же В.М. Зубова в печатных органах предвыборного штаба А.И. Лебеда: *Губернатору Зубову роль апостола не удалась... Первый бой – и вспомнить ровно нечего* (Вечер. курьер. 18 апр. 1998); *Зубов планирует продать Дом офицеров какой-то структуре. Интрига в том, успеет ли он это сделать до конца своих полномочий* (Краснояр. край. 9 апр. 1998); *А где-то далеко от нас сидит сытый – в неге и холе – чиновник, похожий на третьеразрядного купчишку, и что-то поет;* (Краснояр. край. 9 апр. 1998).

2. С противоположных позиций, как правило, разными субъектами политической коммуникации оценивается и уже обсуждавшаяся категория «искренность / неискренность». Сам политик (В.М. Зубов) утверждает о себе следующее: *Я говорю правду. Одновременно с этим СМИ могут иметь противоположную точку зрения: Программная ложь губернатора.... Хватит лжи! Никакой программы у Зубова нет!* (Краснояр. край. 9 апр. 1998). Наконец, потенциальные избиратели, высказывают на тот же предмет парадоксальные мнения; ср.: *Он [Зубов] говорит честно и ничего такого... не врет* (Афонтово. Новости. 11 апр. 1998) и *...Он [Зубов] не даст. Он уже обманывал* (ОРТ. Время. 19 апр. 1998).

Таким образом, можно говорить о том, что речевой портрет политика, с одной стороны, представляет определенную систему содержательных и коммуникативных составляющих, а с другой стороны, не предъясняется обществу непосредственно, но имеет вид приблизительной, не всегда точной копии благодаря усилиям СМИ, оппонентов и общественного мнения (см рис. после списка литературы).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прежде всего имеется в виду его выступление «Социальная дифференциация современного русского литературного языка: проблемы изучения» на Международном съезде русистов в Красноярске 1-4 октября 1997 г.
2. Материалами для наблюдений и иллюстраций послужили в основном тексты краевой кампании по выборам губернатора Красноярского края, проходившей в феврале – апреле 1998 г.
3. См. об этом понятии подробнее в [Иссерс, 1999]
4. Создать этот имидж А.И. Лебедю удалось намного успешнее.
5. В известных работах Т.В. Шмелевой говорится, в частности, об информативных, императивных, оценочных и этикетных жанрах.

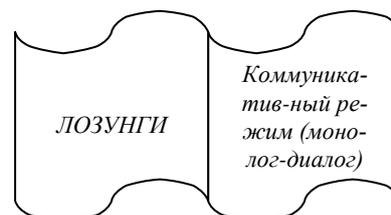
ЛИТЕРАТУРА

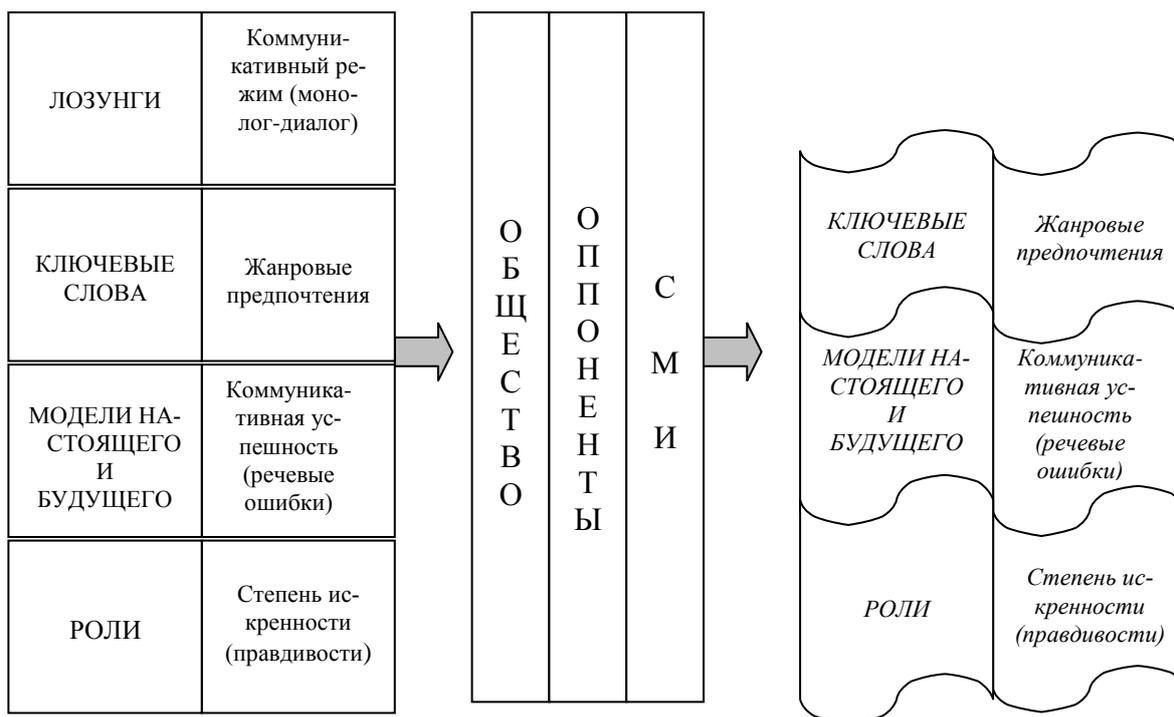
1. Бархатов А. Генерал Лебедь. М., 1998.
2. Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1996. Вып. 26: Язык и человек.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 1987.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные тактики и стратегии русской речи. Омск, 1999.
5. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.
6. Ключевые слова текущего момента: Материалы к спецкурсу / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1993.
7. Ковалев Ю.В. Как измерить речевую культуру политического оратора // Политический дискурс в России: Мат. работников совещания / Институт языкознания РАН. М., 1997.
8. Костиков В. Роман с президентом. М., 1997.
9. Малышков В.И. Сибирский вектор. М., 1999.
10. Политическое поведение и политические коммуникации: Психологические, социологические и филологические аспекты: Тез. и тексты докл. науч.-практ. конф. СПб – Красноярск – Иркутск, 25 июля – 3 авг. 1994г. Красноярск, 1994.
11. Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами: Восемь уроков для кандидата-победителя. М., 1999.
12. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Рус. язык за рубежом. 1983. №1.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ

ПРИЗМА
ЭКСПЕРТНЫХ
КОММЕНТАРИЕВ

КОПИЯ РЕЧЕВОГО
ПОРТРЕТА

SUMMARY

The paper the way how to describe the speech portrait» of politician is suggested. The main idea is that the portrait consist of two parts – the semantics one and the communication one. The basis of the observation is some texts of election campaigns which took place during the last two years in Russia and the Krasnoyarsk region.

А.Н. Сперанская*

О МОЛЧАНИИ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Фольклор исполняет в этносе определенные функции: генетическую, эстетическую, утилитарную, социальную. Генетическая функция, функция наследственной преемственности знаний о себе и окружающем мире, преемственности норм быта [Смирнов, 1994. С. 99], кажется нам наиболее актуальной при рассмотрении фольклора как источника знаний, которые передаются от одних другим.

Фольклорные знания, знания донаучные (сублогические, наивные) содержат «субъективные представления, окрашивают тезаурус скепсисом, юмором, иронией, часто нося амбивалентный характер» [Караулов, 1992. С. 12]. Фольклор описывает действительность образно, оценочно, передавая ее динамику. Одним из феноменов дейст-

* © А.Н. Сперанская, 1999

вительности можно назвать речевое поведение человека. Этот «объект» наименее конкретен, он касается «вторичных» человеческих отношений, то есть отношения строятся не по схеме «человек – описываемый феномен», а по схеме «человек–феномен–человек». О сложности описания речи человека можно судить по сложности семантического примитива этой системы человека, которую создает Ю.Д. Апресян [1].

Речевое поведение обсуждается почти в каждом фольклорном жанре. Даже в детском фольклоре. В текстах, собранных Е.В. Ржановской в 1927 – 1934 гг., встречаются «дразнилки-назывки» тех, кто много кричит, тех, кто суется к разговору, тех, кто любит передразнивать других и кто дает назывки [2].

В сказках популярен сюжет о дураке, говорившем невпопад, так как советы матери относились к уже состоявшейся речевой ситуации, а для вновь возникшей требовались новые слова (причем эти речевые действия ритуализированные, своеобразные речевые клише: «Таскать вам, не перетаскать» при сборе урожая, плакать на похоронах, плясать и петь на свадьбе и прочее). Или сказка «Блинная туча» о болтливой жене, муж которой нашел клад и, зная, что жена разболтает о находке (что неминуемо и происходит), внес элемент фантастики в реальность: посадил зайца в невод, разбросал судаков по овсу, развесил блины по деревьям. Заканчивается сказка «моралью»: «А у жены его после того язык покорооче стал: прежде чем слово сказать – подумает» [Диво-дивное, 1991. С. 38 – 42].

Другой популярный сюжет представлен в сказке «Заячий пастух». Барин нанял пастуха зайцев пасти, а платить за работу обещанную 1000 рублей жалко стало, вот он и отправил к пастуху сначала дочь, потом жену, а на третий день и сам пришел одногоединственного зайца купить, чтобы вечером был у пастуха недосчет зайцев. Но пастух зайцев не продавал, а отдавал за поступки («Не продам, а хочу, чтобы ты по моему слову сделал»): дочь его сто раз поцеловала, жена барина рубаху постирала, барин поцеловал у своей кобылы хвост. Когда эти хитрости не увенчались успехом, придумал барин еще одну, чтобы денег не платить – должен пастух полный мешок сказок насказать. Собрал барин гостей, сказал новый уговор. Пастух и начал правду сказывать, только недолго говорил, потому что эту правду никто не должен был знать. Сказка описывает такие речевые ситуации: «Что об этом скажут, если узнают? От сраму потом не скроешься...» – думает барышня. «Оглянулась барыня по сторонам и думает: «Кто увидит, кто осудит?..» – и согласилась». «Отдал барин поскорее тысячу рублей «Не то, – думает, – так осрамит, что и на люди нельзя будет показаться!» [Диво-дивное, 1991. С. 25-30]. Емкая ил-

люстрацию происходящего в сказке – слова Лизы: «Грех не беда, молва нехороша». В пословичном фонде содержатся тексты на ту же тему: *Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай; Чужой роток – не свой хлевок, не затворишь; От молвы не уйдешь* и др.

В волшебных сказках выступает как исходный закон, как точка отсчета закон «сказано – сделано»: «*Не успел вымолвить, как...*». Герою приходится выполнять даже те обещания, которые он не давал, если кто-то скажет царю, что такие слова были сказаны. Очевидно, это не только «закон жанра», это моделирование такой идеальной (нереальной, то есть волшебной) действительности, когда сказанное человек должен выполнить. В каком-то смысле волшебные сказки могут быть обучающей иллюстрацией тезиса об ответственности за произнесенные слова. В фольклоре этим темам – теме ответственности и теме соотношения слова и дела – посвящено много пословиц.

Пословицы – уникальный жанр фольклора, который, кажется, специально создан народом для исполнения генетической функции [3]. Пословицы компактны, рифмованы либо ритмически организованы, по значению они зачастую равны тексту.

Очень важно, что «пословичный фонд представляет собой не просто набор отдельных единиц и даже не просто систему единиц..., но и некоторое «пространство» в математическом смысле слова. Представляется, что на множестве пословиц задана не только «топология» (поскольку мы отличаем родственные, «близкие» друг другу пословицы от далеких), но и «метрика» (скорее «квазиметрика», поскольку мы различаем более или менее близкие пословицы, но не умеем измерять расстояние между ними). Рассматриваемое с такой точки зрения пространство пословиц оказывается, кроме того, «многомерным», поскольку пословицы могут быть близки друг другу в разных отношениях («измерениях»), по разным «параметрам» [Левин, 1998. С 484].

Рассмотрим группу пословиц о молчании. Молчание – неоднозначно оцениваемая фольклором характеристика речевого поведения говорящего. Уместность молчания зависит от конкретной ситуации. Даже такой, казалось бы, очевидный признак молчания, как обозначение согласия (данную характеристику мы находим в популярной пословице: *Молчание знак согласия*) в языковой практике не срабатывает. Пример из художественного текста показывает ошибку в понимании молчания:

« – А вы... а вы любите... любите... собачек?

Мышь промолчала. Алиса сочла ее молчание за согласие и с воодушевлением продолжала.»

Л. Кэрролл. Алиса в стране Чудес. Пер. Б. Заходера.

Молчание и данном случае вряд ли целесообразно расценивать как согласие. Молчание вызвано не подразумеваемой любовью Мыши к собакам, а непредсказуемостью в интерпретации данной темы Алисой, так как при неправильном речевом поведении эта тема может обернуться ущербом для собеседника, что и происходит в сказке: Алиса рассказывает, что ее песик умеет душить мышей.

Другое подтверждение того, что заключенный в пословице смысл не имеет силы «всеобщего закона»: *«Иностранец, привыкший считать, что «молчанье – знак согласия», часто ошибочно полагает, что убедил англичанина « в своей правоте. Умение терпеливо выслушать собеседника, не возражая ему, вовсе не значит в Британии разделять его мнение»* (В. Овчинников. Корни дуба). Приведенный пример взят из другой национальной действительности, но лингвопаремиологический эксперимент, проведенный А.В. Сперанским на основании разработанной автором анкеты, выявил следующее. Учителя Красноярского края (опрошено 420 человек) не соглашались со значением поговорки *Молчанье знак согласия*. Лишь 13% опрошенных педагогов согласны с утверждением, заключенном в этой поговорке [4].

И тем не менее данная пословица очень популярна в народе, ее часто цитируют, легко вспоминают. Очевидно, объясняется это и ритмической организацией текста пословицы, и удобным способом интерпретировать молчание собеседника. Заметим, что русский текст восходит, по всей вероятности, к латинскому *Молчание равносильно признанию* (*Siletium videtur confessio*) из Сенеки Старшего [Сомов, 1998. С.121]. Нам важно отметить, что в двух этих текстах молчание интерпретируется как действие. Слово – дело, но и молчание – поступок. В поговорке *Он и молчком ругнет* молчание тоже приравнено к речевому действию, это уже не выражение согласия, а ругань.

В целом все русские пословицы и поговорки о молчании можно разделить на положительно и отрицательно оценивающие молчание. В пословицах, отрицательно оценивающих молчание, отмечается, что молчание противоречит природе общения – произнесению текстов. Молчание в таких паремиях рисуется как альтернатива слову, причем в пользу последнего. Поэтому молчание собеседников служит объектом ироничной оценки: *Играть в молчанку* [5]; *Перемалчиваться взапуски*; *Сошлись кой о чем помолчать*; *Немая беседушка*.

Негативная оценка молчания может быть вызвана неуместным молчанием одного из собеседников: *Замолчал, как воды в рот набрал*; *Молчит, как стена (пень, мертвый, неживой)*. Поэтому Говорящему рекомендуется избегать неуместного молчания в обыденном общении. В фольклоре есть тексты, описывающие ситуацию допроса, где

молчание необходимо: *Скажешь, многих свяжешь* или *Чужой тайны не поверяй*. Но, с другой стороны, молчанию в бытовой сфере общения есть «оправдание» или разрешение на молчание в виде запрета воздействовать на молчащего человека: *На молчок не разевай роток*.

Как неуместное расценивается молчание, позволяющее беседе иссякнуть без видимых причин: *Не молчи, когда нужно говорить*.

Негативная оценка молчанию выносится на фоне такой характеристики слова, как воздействие на людей: *Молчанием город не возьмешь*. Кроме того, молчание, то есть замалчивание идей, мнений, интересов (прежде всего своих собственных): *Молчбою прав не будешь*. Молчание мешает людям договориться выполнить совместные действия: *Молчать, так и дела не скончат*.

Пословицы подвергают сомнению «ответную» функцию молчания в беседе: *Тихое молчание нечем* (или – *ничему*) *не ответ*; *Крепкое молчание ни в чем не ответ*. То же находим в художественном тексте: «Милле со вздохом произнес: «*Не знаю, что и делать. Придумайте что-нибудь, ребята*». Ответом ему было мрачное молчание, – *разумеется, если молчание можно считать ответом.*» (М. Твен. Жив он или умер?). Хотя молчание бывает разное, поэтому одно можно расценить как ответ, а другое нельзя: *Доброе молчание – чем не ответ?*

Самая существенная характеристика молчания заключается в том, что оно не является признаком ума: *Долго не говорит – ум коптит, а вымолвит – слушать нечего*. То есть в народном сознании молчание сопрягается с группой «Многословие», связывающей многословие с пустословием, и не противопоставлено многословию. Хотя, конечно, *Чем провраться, лучше молча почесаться*.

Завершает эту группу паремий констатация того, что трудно правильно соотносить в своем речевом поведении молчание и говорливость: *Говорить беда, молчать другая*.

Положительная оценка молчания представлена в очень распространенной пословице *Слово серебро, молчание – золото*. Менее известные варианты этого изречения: *Молчок сто рублей*; *Молчание золотое словечко*. Кроме ценности молчания в этих паремиях содержится мысль о молчании как действии, слово – поступок, но и смолчать – поступок. В статье Д.Н. Медриш приводит пример из «Сказки о рыбаке и рыбке». В первую встречу «удивился старик, испугался», потому что рыбка **заговорила** человеческим голосом. Во время последней встречи «Ничего не сказала рыбка», то есть промолчала, и это действие, как и предыдущие, повлекло за собой определенные события [Медриш, 1992].

Позитивная оценка молчания основывается на противопоставлении молчания глупости *Молчи, коли Бог разуму не дал! Молчи, ко-*

гда Бог убил. Поэтому молчание поощряется, как не произнесение бессодержательных текстов. Причем важен момент осознанности такого молчания. Если говорящий осознает, что ему нечего сказать, то его молчание оценивается положительно: *Не стыдно молчать, коли нечего сказать; Говорит хорошо, а замолчит – еще лучше.*

Молчание позволяет говорящему избежать причинения ущерба собеседнику или себе: *И глух, и нем – греха не вем; Молчанкой никого не обидишь; Кто молчит, не грешит; Без хлопот – зажать лучше рот; Молча отмолчишься как в саду отсидишься.* Лингвострановедческий словарь так толкует поговорку *Слово – серебро, молчание – золото*: «Лучше промолчать, чем сказать, а потом жалеть о том, что сказал; лучше промолчать, чем сказать необдуманно» [Фелицына, Прохоров, 1979]. То есть молчание противопоставлено непродуманному слову. В «Словаре употребительных английских пословиц» приводятся такие синонимичные ей поговорки: *Лучше недоговорить, чем переговорить; Язык до добра не доводит; Язык мой – враг мой.*

Молчание предпочтительнее некоторых видов словесного оформления высказывания – брани, ворчания, пустых разговоров и пр.: *На что переживать, лучше смолчать; Чем завираться, лучше молча почесаться; Болтливому молчание в тягость; Доброе молчание лучше худого ворчания; Умный молчит, когда дурак ворчит; Не все ворчать, надо и помолчать Лучше отмолчаться, чем огрызаться; Не стыдно молчать, когда нечего сказать.*

Собственная ценность молчания заключается в том, что в некоторых ситуациях молчание – единственно верный способ речевого поведения: *В добрый час молвить, в худой промолчать; Кстати промолчать, что большое слово сказать; Умей вовремя сказать, вовремя смолчать; Умей сказать, умей смолчать.* Уместное молчание поощряется: *И за молчанье гостинцы дают.*

Уместно молчащий в разговоре человек зарабатывает положительную репутацию: *Кто молчит, тот двух научит.* Однако сохранение ее зависит от стабильности данного речевого поведения. Молчаливость в одних ситуациях и болтливость в других не сохраняют за Говорящим положительной репутации: *В людях молчком, дома – на всю деревню слышать; Был голк, да замолк.*

Сложность интерпретации пословиц и экспликации правил речевого поведения из них заключается в двух моментах. 1. Одна и та же пословица может использоваться носителем с разной модальностью, например, служить оправданием (обычно себя) и осуждением других. Пословица *Молчок: разбил батька горшок; а мать хоть два, да никто не зна(ет)!* может быть в одном случае синонимична утверждению «у них все шито-крыто, ничего не узнаешь», либо в другой

ситуации отражать рекомендацию внутрисемейных отношений «сор из избы не выноси».

2. Одна пословица относится к разным речевым ситуациям. Так, из пословицы *Долго молчали, да звонко заговорили* непонятно значение части «звонко заговорили». Если эта часть включает в себе осуждение, неодобрение речевого поведения, то «долгое молчание» будет на этом фоне благом, поощряемым речевым поведением. Синонимом ей будет *Долго не говорит – ум копит, а скажет – и слушать нечего*. Если же «звонко заговорить» значит сказать нечто хорошее, важное для собеседника, то молчание оценивается нейтрально, это не рекомендация («молчи, а потом заговори»), это констатация чьего-то речевого поведения, чья-то индивидуальная характеристика («он молчал, а потом заговорил»). Наиболее близким синонимом будет *Кто молчит, тот двух научит*.

При всей сложности из пословиц можно эксплицировать правила ведения речи. Реконструированные из группы пословиц, посвященных молчанию, **Правила молчания** будут выглядеть так:

1. Правила уместности молчания.
  - 1.1. Избегай неуместного молчания.
  - 1.2. Не молчи, когда от тебя ждут высказываний.
  - 1.3. Не молчи, если хочешь о чем-либо договориться.
2. Правила использования молчания.
  - 2.1. Не используй молчание в качестве ответа.
  - 2.2. Молчи, если боишься причинить ущерб себе или Слушающему.
  - 2.3. Не произноси необдуманных высказываний, молчи.
  - 2.4. Молчи, если нечего сказать.
  - 2.5. Молчи вместо пустых разговоров, вранья, ворчанья и препирательств.
  - 2.6. Умей вовремя смолчать, то есть сдержать свою речь.
  - 2.7. Будь стабилен в проявлении молчания: если молчишь, то придерживайся этого везде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ю.Д. Апресян реконструирует «образ человека» в языковой картине мира, выделяя восемь основных систем, из которых складывается человек:
  - 1) Физическое восприятие – семантический примитив ‘воспринимать’
  - 2) Физиологическое состояние – ‘ощущать’
  - 3) Физиологические реакции – семантического примитива нет (‘реагировать’ не подходит)

- 4) Физические действия и деятельность – ‘делать’
- 5) Желания – ‘хотеть’
- 6) Мышление – ‘знать’ и ‘считать’
- 7) Эмоции – ‘чувствовать’
- 8) Речь – ‘говорить (кому-то, что Р)» [Апресян, 1995].

2. Приведем некоторые тексты с сохранением авторских знаков:

Дразнилки-назывки в разных случаях

Тех, кто много кричит:

Затеши полено, / Клай меж колено,
Порыкивай/ да покрикивай!

Высмеивают тех, у кого выскакивает слюна (пена) изо рта при разговоре:

Пена-сена, / Продай сена,
Купи плат, / Будешь свят.

Тех, кто суется к разговору других:

Сатана-пёргала, / За веревку дергала.
Впереди не суйся, / Сзади не пихайся,
В середину не касайся, / Вслед не давайся.

[Из коллекции детского фольклора Е.В. Ржановской, 1994: 94-95]

3. Ю.В. Рождественский следующим образом распределяет смыслы культурно значимых текстов по видам [Рождественский, 1997. С. 531 – 532]

Классификация общих мест	Пословицы, поговорки, басни, сказки	Мифология, мифы	былички былины	Приметы, гадания	игровые тексты, приговорки	Обрядовые тексты
Отношения родства и соседства	+	+	+	—	—	+
Качества личности	+	+	+	—	—	—
Методы познания	+	+	—	+	—	—
Умения человека	+	+	—	+	—	—
Подготовка к поступкам	+	—	+	+	+	+

Предмет по- ступка	+	—	+	+	+	—
Оценка по- ступка	+	—	—	—	+	—
Жизнь и смерть	+	+	+	+	+	+

4. Приведем часть таблицы результатов опроса учителей, ту часть, которая посвящена молчанию:

	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Молчание – знак согласия	13%	73%	14%
Молчанием город не возьмешь	50%	19%	31%
Слово – серебро, молчание – золото	53%	25%	22%
Говорить – беда, молчать – дру- гая	55%	20%	25%

5. Паремия восходит к одноименной игре, в которой первый заговоривший платит пеню [Даль, 1989. С. 344]

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: опыт системного описания // Вопр. языкознания. 1995. № 1. С. 37 – 67.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1984.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. М., 1989. С.343 – 344.
4. Диво-дивное. Русские народные сказки. Омск. 1991.
5. Из коллекции детского фольклора Е.В. Ржановской // Рус. речь. 1994. № 6. С. 91 – 98.
6. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопр. языкознания. 1992. № 6. С. 5 – 18.
7. Левин Ю.И. Провербальное пространство // Левин Ю.И. Избр. работы. М., 1998. С. 483 – 503.
8. Медриш Д.Н. Речь и молчание в сказках Пушкина // Рус. речь. 1992. №5. С. 98 – 102.
9. Рождественский Ю.В. Теория риторики, М., 1997.
10. Словарь употребительных английских пословиц. М., 1988.
11. Смирнов Ю.И. Язык, фольклор и культура // Язык – культура – этнос. М.: Наука, 1994. С.99 – 104.

12. Сомов В. По-латыни между просим. Словарь латинских выражений. М., 1992.
13. Фелицына В.П., Прохоров Ю.В. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1979.

S U M M A R Y

«Silence» is a significant unit in the communicative behaviour of the Russians. In folklore «silence» is an action.

The author analyses 53 proverbs and makes a conclusion that people's consciousness appreciates «silence» both positively and negatively according to the concrete speech situation.

С.В. Пономарева*

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ 2-ГО ИЗДАНИЯ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ

Первое издание «Толкового словаря живого великорусского языка» выходило с большими перерывами, так что, по свидетельству современников, в то время, как «появились последние книжки, первых уже не было в продаже», и полный словарь стал библиографической редкостью [Указатель, 1878. С. 569]. Кроме того, выпуски сопровождались многочисленными комментариями, которые содержали замечания и дополнения, поэтому В.И. Даль, еще до окончания выхода первого издания словаря, приступил к корректировке материала для второго, однако из-за болезни эта работа так и не была полностью завершена.

Право второго издания словаря со всеми изменениями и правками после смерти В. Даля приобрел книгоиздатель М.О. Вольф. В 1878 г. вышли первые выпуски 2-го издания, получавшие в «Указателе по делам печати» этого же года крайне негативную оценку. В рецензии сообщалось, что издание осуществляется «частным предпринимателем», бесконтрольно, на основании лишь «простого доверия покупателя к фирме, когда есть целые ряды разнообразных учебных учреждений, начиная от академии наук до разных местных филологических обществ» [Там же]. Словарь «неизвестно кем редактируется», под чьей ответственностью, и если «подчас вы остановитесь в тупике перед тем или иным объяснением слова, вам не к кому обратиться,

---

* © С.В. Пономарева, 1999

нет у вас лица, которое поручилось бы вам за *верную передачу работы автора* и его многолетних изучений» (выд. мной – С. П.) [Там же. С. 570].

Второе издание, «исправленное и значительно умноженное по рукописи автора», наряду с поправками, внесенными действительно самим В.И. Далем, содержит также и существенные изменения, ему не принадлежащие [См. подробнее: Канкава, 1958; Цейтлин, 1958]. К числу таких изменений явно неавторского характера следует отнести орфографию этого издания, в ряде случаев принципиально отличную от той, которой следует В. Даль в первом издании и в своих рукописных материалах дополнений ко второму.

При подготовке второго издания, несмотря на резкую критику своей орфографии, он продолжает твердо держаться собственной «правописи», объясняя это в одном из писем к Гроту следующим образом: «...вношу все, что *могу принять по убеждению*» (выд. мной – С. П.) [Грот, 1873. С. 44].

На несоответствие орфографии отдельных слов во втором издании первому обратил внимание В. Канкава, однако предметом специального исследования различия орфографических систем двух изданий словаря не стали: «Изменение орфографии во втором издании, естественно, повлекло за собой некоторое перемещение слов в тексте, вызванное особенно соблюдением принципа правописания приставок *без-, воз-, из-, низ-, раз-, чрез-*» [Канкава, 1958. С. 316].

В результате сопоставительного анализа удалось выявить четыре основных позиции, орфография которых во втором издании расходится с орфографией первого.

Правописание приставок *без-* и *чрез-* перед глухими согласными

1-е издание

фонетический принцип

Беспалубный

Беспалый

Беспахотный

Беспорядок

бестаможенный

бестравный

бестолковый

бесхлопотный

бесхитростный

бесчестіе

бесцарствіе

2-е издание

словопроизводственный /
морфологический принцип

Беспалубный

Беспалый

Беспахотный

Беспорядок

Бестаможенный

Бестравный

Бестолковый

Бесхлопотный

Бесхитростный

Бесчестіе

чересплечный
чересполосный
чересполосица
черес^hдельникъ
чересчуръ

и т. д.

Безцарствіе
Черезплечный
Черезполосный
Черезполосица
Через^hдельникъ
Черезчуръ

и т. д.

Правописание приставок *без-, воз-, из-, раз-* перед *с*

1-е издание

фонетический, словопроизводственный
фонетический, словопроизводственный
(морфологический) принцип

Беслезный
Бесловный
Бесмачный
Бесмертный
Бесмысленный
Воставать
во(з)скрежетать
и(з)спесив^hть
и(з)сп^hла
и(з)стаиваться
и(з)стари
и(з)стребывать
и(з)стегивать
и(з)стеклить
и(з)стилатъ
и(з)стирывать
и(з)стонать
и(з)строгать
и(з)страдать
и(з)страчивать
и(з)стригать
рассказать
расслабнуть
расславить
расслащивать
рассматривать

2-е издание

словопроизводственный
(морфологический) принцип

Безслезный
Безсловный
Безсмачный
Безсмертный
Безсмысленный
Возставать
Возскрежетать
Изспевив^hть
Изсп^hла
Издаиваться
Издари
Изстребывать
Изстегивать
Изстеклить
Изстилатъ
Изстирывать
Изстонать
Изстрогать
Изстрадать
Изстрачивать
Изстригать
Разсказать
Разслабнуть
Разславить
Разслащивать
Разсматривать
Разсм^hшить

расмѣшить
раснащивать
расрочить
растроить
растояніе и т. д.

Разснащивать
Разрочить
Разстроить
Разстояніе
и т. д.

о или оо на стыке приставок во-, со- и корня, начинающегося с о

1-е издание

фонетический, словопроизводственный (морфологический) принцип

В словах *СООБЩИКЪ*, *СООБЩЕСТВО*

Ударение попадает на второе о, поэтому *произношение* настойчиво требует двойного о, в словах же *СООБЩАТЬ*, *СООБЩЕНЬЕ* – напротив [выд. мной – С. П.]

Соображать или сображать

Сообразить или собразить

Сообразный, собразный

Сообщать или сообщить

Сообщенье, сообщенье

Сообща, сообща

со(о)твѣтствовать

со(о)твѣтственный

со(о)тветить

во(о)бражать

во(о)браженіе

во(о)бразить

во(о)ружать

во(о)руженный

и т. д.

2-е издание

словопроизводственный (морфологический) принцип

Соображать

Сообразить

Сообразный

Сообщать

Сообщенье

Сообща

Соотвѣтствовать

Соотвѣтственный

Соответить

Воображать

Воображеніе

Вообразить

Вооружать

Вооруженный

и т. д.

н и нн в суффиксах отглагольных образований

1-е издание

Бесмысленый

бестаможеный

буйственый

2-е издание

Бесмысленный

Бестаможенный

Буйственный

дозволеный	Дозволенный
жатвеный	Жатвенный
житвеный	Житвенный
изготовленный	Изготовленный
настроеный	Настроенный
особеный	Особенный
поджареный	Поджаренный
подсушеный	Подсушенный
прижизненный	Прижизненный
прилаженный	Прилаженный

и т. д.

и т. д.

Изменение орфографии во втором издании коснулось только тех групп слов, правописание которых не было специально четко регламентировано самим Далем в «Напутном слове» к первому изданию словаря. В этом случае корректировка орфографии осуществлялась двумя способами: либо путем последовательной замены одного написания на другое, как, например, в группах *беспалубный*, *бестолковый*, *безлезный*, *рассматривать*, *жатвеный*, *срубленный*, где во втором издании уже *беспалубный*, *бестолковый*, *безлезный*, *рассматривать*, *жатвенный*, *срубленный*, либо путем исключения приводимого Далем варианта, как в группах *во(з)скрежетать*, *и(з)страдать*, *со(о)твѣтствовать*, где во втором издании приводятся безвариантные написания *возскрежетать*, *изстрадать*, *соотвѣтствовать*.

Как правило, исправление далевской «правописи» обычно было связано с изменением принципа орфографии: во втором издании достаточно отчетливо выражена тенденция переориентировать фонетические написания первого издания на морфологические: *бестравный* – *безтравный*, *бесмачный* – *безсмачный*, *воставать* – *возставать*, *рассматривать* – *разсматривать*, *чересполосица* – *черезполосица*, *сдѣланный* – *сдѣланный* и т.д.

Практически без изменения во втором издании сохраняется орфография таких групп слов, как *абать*, *каса* (одиначные / удвоенные согласные в иноязычных словах) и *апрель*, *лекарь* (e/h в корне слова), хотя их правописание вызвало в большинстве рецензий не меньше нареканий, чем написания *бестолковый*, *воставать*, *собразный* *рас-троить*. Причина, как кажется, заключается в том, что особенность орфографии этих двух групп слов В.И. Даль объяснил в предисловии к первому изданию, более того, стремление отказаться от удвоенных согласных в иноязычных словах стало своеобразной визитной карточкой «правописи» Даля.

Однако и здесь в единичных случаях не обошлось без определенной корректировки их правописания, правда, не такой радикальной, как в случае с написанием приставок *без-*, *чрез-* перед глухими согласными и *воз-*, *раз-* перед *с*. Некоторые из написаний В. Даля во втором издании получают новое орфографическое оформление: *аб(б)ать*; *каллиграфія* и пр. см. *калиграфія*; *аллегорія*, *аллегро*, *аллея* и пр. см. *ле-*; *л҃жарь*, *л҃жарка*, *л҃жарство*, *л҃жарь* и пр. см. *ле-*. Однако словарные статьи по-прежнему сопровождают написания первого издания.

Основная причина орфографических изменений второго издания связана, видимо, со стремлением сделать возможным использование словаря В.И. Даля в роли орфографического справочника, поэтому именно второе, а не первое издание словаря вошло в число источников целого ряда орфографических словарей, тем более, что «в 80-х гг. XIX века его орфография никем не отстаивалась и давно уже было узаконено гrotовское правописание» [Канкава, 1958. С. 316].

Необходимо отметить, что орфографические новшества второго издания не были оговорены ни в предисловии редактора, ни в соответствующих словарных статьях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1-е изд. М., 1863-1866.
1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М., 1880 – 1882.
2. Канкава М. В. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.
3. Указатель по делам печати. 1878. № 20.
4. Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

SUMMARY

This paper outlines the history and the essence of orthography situation in the middle of the XIX c. reflected in the second edition of Dal's dictionary.

**ПУШКИН В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ
Б. АХМАДУЛИНОЙ**

В лирике Б. Ахмадулиной продолжается поэтическая традиция обращения к Пушкину, сложившаяся в русской литературе XX века. Вслед за А. Ахматовой и М. Цветаевой Б. Ахмадулина «решительно зачисляет себя в прилежные пушкинские ученицы» [Винокурова, 1995. С. 40] и создает образ «своего» Пушкина различными средствами поэтического языка. Одним из таких средств, несомненно, выступает индивидуальная система номинаций объекта речи. Исходя из этого, в данной работе рассмотрим виды номинаций в широком лирическом контексте и определим их художественную значимость в стилистике Б. Ахмадулиной. (Материалом для исследования послужили поэтические тексты из сборников «Стихи», 1975; «Свеча», 1977; «Тайна», 1983; «Сад», 1987; «Друзей моих прекрасные черты...», 1999.)

I. Основным видом номинации для конкретного объекта (референта) в языке и речи выступает имя собственное. У Б. Ахмадулиной это имя – *Пушкин* – самое частотное в антропонимическом поле лирики (13 употреблений более чем в 25 стихотворениях). Как и у М. Цветаевой, «короткое, но весомое слово Пушкин» [Петросов, 1992. С. 15] не имеет онимических вариантов, так как выполняет, главным образом, функцию не конкретной, а понятийной референции – соотносит с определенным концептом, в котором аккумулируется энциклопедическая информация и субъективно-личностные представления лирического героя:

Проснулась я в слезах с Державиным в уме

.....

То ль *Пушкин* нас сводил, то ль сам он так шутил...?

(Я встала в шесть часов. Виднелась тьма во тьме)

Октябрь наступил. Стало *Пушкина* больше вокруг,

Верней, только он и остался в уме и в природе.

(Мы начали вместе: рабочие, я и зима)

Такое употребление возможно для социально известных имен, когда объем коннотативной и референциальной семантики имени у читателя достаточно велик. [Фонякова, 1990. С. 28]. (Далее в работе этим Пушкин будет использоваться как номинация с обобщенным референтом и как инвариант для других контекстуальных номинаций).

---

* © М.И. Храмцова, 1999

Кроме того, некоторые поэтические тексты моделируют ситуацию мысленного общения с Пушкиным и тем самым предопределяют появление онима в синтаксической позиции обращения:

Судя по хладу светил,
по багрецу перелеска,
Пушкин, октябрь наступил.
Сколько прохлады и блеска!

(Сад еще не облетел)

Еще спросить возможно: *Пушкин милый*,
зачем непостижимость пустоты
ужасною воображать могилой?
Не лучше ль думать: это там, где ты.

(Прогулка)

Имя, таким образом, становится компонентом коммуникативной метафоры. При этом звуковая сторона и внутренняя форма онима сознательно не актуализируются, так как для Б. Ахмадулиной в большей мере имя важно как функционально значимая единица, соотносящая с понятием (Ср. «Стихи к Пушкину» М. Цветаевой: Как из душа! как из пушки – / Пушкиным по соловьям / слова, соколам полета! / – Пушкин – в роли пулемета!)

II. При отсутствии имени собственного референцию в поэтическом тексте осуществляют дескриптивные выражения и перифразы, построенные на основе тропов. Дескрипции называют какую-либо известную читателю информацию об объекте речи: черты характера, особенности внешности, факты биографии.

Но нет, портрет живет в моем дому!
И звон стекла! И лепет туфель бальных!
И мрак свечей! И *правнук Ганнибалов*
к сему причастен – судя по всему.

(Приключение в антикварном магазине)

Смуглей великого арапа
восходит ночь...

(Дом)

В последнем примере дескриптивное сочетание выступает компонентом сравнительной конструкции, в основе которой признак, ставший определяющим для образа Пушкина – *смуглый*. (Ср. у А. Ахматовой: *Смуглый* отрок бродил по аллеям «В царском селе»; у М. Цветаевой: Вижу его на дороге и в гроте. / *Смуглую* руку у лба. «Встреча с Пушкиным»; Всех румяней и *смуглее* / До сих пор на свете сём – «Стихи к Пушкину»). Б. Ахмадулина продолжает эту поэтическую традицию:

...Я надеюсь, что гость мой поймет и зачтет,
как во мраке лица серебрился зрачок,
как был *рус африканец* и *смугл россиянин*.

(Зимняя замкнутость)

Итак, в большинстве своем номинации дескриптивного типа подчеркивают необычную внешность А.С. Пушкина, его происхождение. Именно эти индивидуальные признаки (африканец, арап, негр; смуглый, русский, курчавый), обладая наибольшей выделительной силой, отличают поэта от других известных исторических личностей и не требуют для идентификации дополнительно имени собственного.

В отличие от дескрипций семантика перифрастических выражений эксплицируется только в контексте. Для установления тождества объектов в таких случаях приводятся переосмысленные строки самого А.С. Пушкина, которые условно можно назвать цитатами:

Пойду, спущусь к Оке для первого поклона.
Любовь моей души, вдруг твой ослушник здесь
и смеет говорить: нет воли, нет покоя,
а счастье – точно есть. Это оно и есть.

(Кофейный чертик)

Над розами творится суд в тиши,
мороз кончины им сулит прогнозы.
Не твой ли ямб, *любовь моей души*,
шалит, в морозы окуная розы?

(Зима на юге. Далеко зашло)

Дважды таким образом идентифицированная перифраза, емко определяющая сущность понятия *Пушкин* для автора, становится полноправным эквивалентом имени в широком контексте творчества Б. Ахмадулиной.

Неожиданной метафорической номинацией выступает гидроним – Сороть – название реки, на которой, как известно, расположено село Михайловское:

И все же для вас я удобство обмана.
Я знак. Я намек на былое, на *Сороть*,
как будто сохранны Марина и Анна
и нерасторжимы словесность и совесть.

(Ночь перед выступлением)

Намек на Сороть – это ассоциативная связь с Пушкиным. Появление фамилии в ряду имен (Марина и Анна) прозвучало бы диссонансом, а личное имя Пушкина, как было отмечено выше, исключено из поэтического языка Б. Ахмадулиной.

III. Особый тип номинации Пушкина в текстах, где значимо отсутствует оним, представляют местоимения (личные, вопросительно-

относительные, неопределенные, указательные). Особенность заключается в том, что местоимения выполняют несвойственную им функцию первичной номинации, не связанную с поэтическим принципом безымянности. Семантическая неопределенность в данном случае не призвана создавать атмосферу таинственности, недосказанности, неназванности, как у А. Блока или А. Ахматовой [Шмелев, 1991. С. 129]. Наоборот, автор предполагает узнавание референта – местоимения последовательно онимизируются и приобретают статус контекстуального имени собственного. Читателю помогают успешно определить действительный объект речи в тексте различные лингвистические средства:

1. Лексемы, содержащие экстралингвистическую (фактуальную) информацию. Среди них выделяются имена собственные: *Кюхельбекер, Пушкин, Дельвиг, Даль, Анна Керн, Каролина Собаньская*; топонимические ориентиры: *Африка, Нил, Москва, Одесса, Тверской бульвар*, названия произведений: *«Цветок»*, персонажи произведений: *Гвидон*.

2. Лексемы, входящие в понятие ‘Пушкин’ на основании индивидуально-авторских ассоциаций: *дитя, мрак, пекло, любовь, лунный свет, свеча, осень, октябрь*.

Наряду с этим в концепт ‘Пушкин’ входит сема ‘веселое, радостное’, подтверждающая сложившееся представление: «Пушкин – веселый гений». Данное значение реализуется в таких группах слов: а) *шалить, играть, озорничать, смеяться*; б) *шалости, игры, улыбка, радость*; в) *веселый, бодрый, лукавый*; г) *весело, усмешливо*. Иногда лексемы этого семантического поля используются как определяющее средство идентификации объекта:

Сколь вошедшего облик был смел и пригож!

И влекла петербургская кожа калош

след – лукавый и резвый, как будто улыбка.

(Зимняя замкнутость)

Это же «след» мы встречаем у Б. Ахмадулиной в эссе «Мороз и солнце, день чудесный...»: «Поэтому жив и очевиден Пушкин в Михайловском. Любой, чья совесть не отягощена заведомым невежеством или дурными помыслами, встретит в парке узкий след его петербургских кожаных калош». [Ахмадулина, 1997. С. 128]. Непосредственная номинация референта именем собственным снимает необходимость в дополнительных определениях.

3. Условные цитаты (перифразированные строки А.С. Пушкина) и реминисценции.

Как правило, все приведенные средства идентификации используются не изолированно (в отличие от типов номинаций), а вы-

ступают в различных комбинациях. Например, в стихотворении «Вослед 27 дню февраля» возникают следующие строки:

Я б шла туда, куда глаза глядят,
когда б не *ты*, кого весна тревожит.
Все ты да *ты*, все шалости твои.

.....

День хочет быть – день скоро будет – есть
солнце-морозный, все точь-в-точь: чудесный

Номинация *ты* идентифицируется реминисценцией *Весна тревожит* ← «Весной я болен», лексическим маркером *шалости*, условными цитатами из Пушкина – *День... солнце-морозный... чудесный*.

В стихотворении с показательным названием «Игры и шалости» неопределенное местоимение (первичная номинация) становится определенным для лирического героя, а с помощью пушкинского слова и для читателя:

Мне кажется, со мной играет кто-то.
Мне кажется, я догадалась, кто,
когда опять усмешливо и тонко
мороз и солнце глянули в окно.

И даже, пожалуй, в единственном стихотворении именно о Пушкине в заглавие вынесена местоименная номинация – *Он* и *Она* (I часть), *Он* – *Ей* (II часть). При этом в роли идентификатора выступает весь поэтический текст как развернутый предикат к номинации:

Каков? – Таков: как в Африке, курчав
и рус, как здесь, где вы и я, где север.
Когда влюблен – опасен, зол в речах.
Когда весна – хмур, нездоров, рассеян.

Ужасен, если оскорблен. Ревнив.
Рожден в Москве. Истоки крови – родом
из чуждых пекл, где закипает Нил.
Пульс – бешеный. Куда там нильским водам! <...>

В некоторых случаях, наоборот, заглавие «подсказывает» читателю, о ком пойдет речь в тексте. «Шестой день июня»:

Вдруг я вспомнила – *Чей* занимается день,
и не знала: как быть, так мне весело стало.

.....

Он сегодня рожден и покуда дитя,
как все это недавно и как совершенно.

.....

Дале – *книгу открыть и отдать ей цветок*,
в ней и в небе о том перечитывать повесть,

*что румяной зарею покрылся восток,
и обдумывать эту чудесную новость.*

В стихотворении «Ночь на 6-е июня» после достаточно объемного цитатного материала в последней строке появляется номинация референта:

*Я сплю, но гений розы на окне
грустит о том, чей день рожденья ныне.*

Указательное местоимение *тот* семантизируется придаточной частью местоименно-соотностельной конструкции. Такой тип номинации, обладающий широкими возможностями для передачи любого понятия, — характерное номинативное средство в поэтике Б. Ахмадулиной:

*... Окрест крепчает –
октябрь, и это означает,
что тот, столь счастливо любивший
печаль и блеск осенних дней,
идет дорогою обычной
на жадный зов свечи моей.*

(Дачный роман)

*Мне повезло: никто не внял словам
того, чья слава множится и крепнет:
ни финн, ни бармен – гордый внук славян,
ну, а тунгусов не пускают в кемпинг.*

(Чудовищный и призрачный курорт)

Таким образом, местоименная номинация создает впечатление постоянного присутствия референта в сознании лирического героя, где номинация по имени избыточна. Вместе с тем запрет на имя связан с особым его «высоким» статусом и не употребляется всуе: Того оспорю неужели, чье имя губы утаят? Частое использование местоимения *ты* передает доверительность, теплоту чувств к объекту, а онимизация личных местоимений, кроме их выделения, подчеркивает безграничный пиитет Пушкина для автора.

Нужно отметить, что имя Пушкин связано в лирике Б. Ахмадулиной с именами известных его почитателей: М. Цветаевой и Б. Окуджавой. В семантическом поле Цветаевой номинация объекта называет памятник А.С. Пушкину на Тверском бульваре – то, что для М. Цветаевой было первым составляющим *ее* Пушкина.

*Влекла их толчея людская,
пред строгим Пушкиным сникая,
от Елисеева таская
кульки и свертки, все Тверская –
в молчании, во мгле, в огне.*

(Таруса)

В поэтических посланиях Б. Окуджаве – «Зимняя замкнутость», «Письмо Булату из Калифорнии» и «Шуточное послание к другу» – образ Пушкина «незримо» (местоименно) сопровождает конкретную референцию – Булат, как будто два образа сосуществуют в двух параллельных мирах для лирического героя.

А остальное – обойдется,
приложится, как ты сказал.
Вот зал, и вальс из окон льется.
Вот бал, а нас никто не звал.
А все ж войдем. Там, у колонны...
Как смугл и бледен... Сей любви
не перенести! То – Он. Да. Он ли?
Не надо знать и не гляди

(Шуточное послание к другу)

К уже названным средствам номинации в приведенном примере добавляется характерный локальный ориентир – *у колонны*, который переключается с пушкинским словом. (Ср.: «Евгений Онегин»: ...Между двух теток, у колонны, / не замечаема никем, / Татьяна смотрит и не видит...)

И последнее. Значительное количество цитат и реминисценций из произведений А.С. Пушкина в поэтике Б. Ахмадулиной при отсутствии номинации можно рассматривать как ассоциативную (имплицитную) номинацию Пушкина (подробнее см.: Храмова, 1999).

Таким образом, в систему номинаций для концепта *Пушкин* у Б. Ахмадулиной входят следующие элементы: 1) имя собственное *Пушкин*, которое обладает «широкими суггестивно-ассоциативными возможностями» [Михайлов, 1966. С. 55]; 2) разнообразные дескриптивные и перифрастические выражения, раскрывающие и определяющие понятие *Пушкин*; 3) местоимения как самодостаточный контекстуальный эквивалент имени собственному в сочетании с системой идентификаторов.

Совокупность всех номинативных представлений создает многомерный художественный образ Пушкина в стилистике Б. Ахмадулиной, поэзия которой постоянно внутренне обращена «к тому, что в нашем сознании может быть озаглавлено именем Пушкина» [Ахмадулина, 1979. С. 523].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулина Б. Слово, равное поступку // Ахмадулина Б. Сны о Грузии. Тбилиси: Мерани, 1979. С. 522 – 524.

2. Ахмадулина Б. Мороз и солнце, день чудесный... // Ахмадулина Б.А. Миг бытия. М.: Аграф, 1997. С. 127 – 129.
3. Винокурова И. Тема и вариации: Заметки о поэзии Б. Ахмадулиной // Вопр. лит. М., 1995. Вып. 4. С. 37 – 50.
4. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // НДВШ. Филологич. науки. М., 1966. № 2. С. 54 – 66.
5. Петросов К.Г. «Как я люблю имена и знамена...» Имена поэтов в художественном мире М. Цветаевой // Рус. речь. М., 1992. № 5. С. 14 – 19.
6. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990.
7. Храмова М.И. Пушкинские реминисценции в лирике Б. Ахмадулиной // Творчество Пушкина и Гоголя в историко-литературном контексте. Спб.: РГГМУ, 1999. С. 41 – 44.
8. Шмелев А.Д. Референциальные значения в поэтическом тексте // Поэтика и стилистика: 1988-1990. М.: Наука, 1991. Вып. 1. С. 124 – 134.

S U M M A R Y

The article studies the nominative units coming out as the most important means of creating the image of Pushkin in B. Achmadulina's Lyrics.

The main types of nominations, their specific features and their peculiarities of functioning in fiction are pointed out.

Т.И. Бытева*

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В описаниях перифразы во всех словарях, как толковых, так и терминологических, отсутствуют какие-либо сведения о **значении** перифразы. Само же словосочетание «значение перифразы» не употребляется в нормативно-справочной литературе.

В контексте научных статей оно иногда встречается, но без какого-либо толкования или анализа. В основном предполагаются два факта:

- 1) значение перифразы **адекватно** значению слова, которое она *замещает* [Балли, 1961. С. 126]. В словарях: перифраза является

---

* © Т.И. Бытева, 1999

описательной **передачей смысла** другого слова или выражения [Розенталь, Теленкова, 1985; Словарь рус. яз, 1987];

2) перифраза «богаче экспрессией и семантикой», чем замещаемое слово [Моложай, 1971. С. 16].

Но что представляет собой значение перифразы, или перифрастическое значение; является ли само словосочетание «перифрастическое значение» термином, то есть стоит ли за ним специальное понятие, и какова его предметная (референтная) отнесённость; каков механизм его порождения; как соотносится оно с лексическим значением; какова онтологическая специфика перифрастического значения – этот круг вопросов недостаточно освещён в литературе. Рассмотрению некоторых из них посвящена настоящая статья.

Существенным в аспекте интересующей нас проблемы представляется следующее наблюдение М.А. Бакиной: «Включение определения к генитивному компоненту перифразы, хотя и усиливает в этом компоненте «вещную», конкретно-предметную основу, однако существенного влияния на **значение перифразы** (здесь и далее выделено мною – Т.Б.) не имеет. Таковы, например, следующие перифразы: дети деревни *далёкой*, сын *вольного* луга (о крестьянине)...» [Бакина, 1986. С. 19]. И далее: «Расширение генитивной перифразы определением к номинативному её компоненту также не оказывает заметного влияния на **значение этой перифразы**. Например: набата *красный* звон, *грозное* пламя пожара, бури *стремительный* вал (о революции)...»

Наши наблюдения подтверждают константную семантическую факультативность любых определений к любому члену перифразы: перифразируемому, перифразирующему, предцизируемому. Полагаем, что это явление свидетельствует об «отдельности», семантической целостности и автономности перифразы как особой единицы языка. Сравните в этом отношении свободные сочетания, единицы речи, значение которых полностью зависит от значений входящих в них слов: белое солнце пустыни, булка чёрствого хлеба, пенные уступы Ниагарского водопада, холодное лето прошлого года и т.д.

В отличие от «суммарного» значения свободных сочетаний, перифрастическое значение образуется определёнными «семантически несущими» компонентами: перифразируемое слово + перифразирующее (опорный член перифрастического сочетания) + предцизируемый член. Любые определения к каждому из указанных компонентов лишь «орнаментируют» значение, но не конституируют его. Ср.: «белое золото» – свободное сочетание со свободным «суммарным» значением: золото «белого» цвета, то же «красное золото» – золото «красного» цвета. Но *белое золото* (хлопок), так же *чёрное золото* (нефть), *голу-*

бое золото (газ) и др. – сочетания с целостным **коррелятивным** значением, то есть перифрастическим: «хлопок как продукт высокой ценности», «нефть как продукт высокой ценности», «газ как продукт высокой ценности». Ср. также: «голубые береты» – свободное сочетание со свободным «суммарным» значением – береты голубого цвета, но *голубые береты* (десантники) – сочетание с целостным «образительным» значением метонимического типа, то есть перифрастическим: десантники, опознавательной частью обмундирования которых являются голубые береты.

Вне соотнесённости со словом-номинатом (эксплицитной или имплицитной) перифрастического сочетания (ПС) так же, как и перифрастического значения, не существует.

При этом ПС могут быть по-разному «орнаментированы»: «отважные *голубые береты*», «*голубые береты* Сибирского гарнизона», «долгожданное *белое золото*», «*белое золото* Узбекистана», «живой *нерв народного хозяйства*» (железнодорожный транспорт) и т.п.

Перифрастическое значение, таким образом, это значение, создаваемое в результате лексико-семантического взаимодействия **трёх компонентов**: слова-номината, опорного слова ПС, и предцизируемого слова. В основе этого лексико-семантического взаимодействия лежит коммуникативно обусловленная модификация смысла слова-номината. В случае тропеических перифраз мы имеем дело с двойной семантической модификацией компонентов перифразы, а именно: модификация смысла перифразируемого слова достигается посредством модифицированного значения перифразирующего.

Переносные экспрессивные значения перифразирующих слов представляют наибольший интерес с точки зрения особенностей перифрастического значения уже хотя бы потому, что составляют большинство, так как формируют все тропеические перифразы, гораздо более распространённые, чем дескриптивные [Бытева, 1999а].

Нам уже приходилось отмечать, что суперэкспрессивность тропеических перифраз создаётся словами, в прямом, «системном» значении обозначающими конкретные предметы и являющимися нейтральными [Бытева, 1999в]. Однако экспрессивный тонус таких слов в составе ПС часто бывает тем выше, чем «ниже» он в прямом значении этих слов. Например: *космический зонтик* (система противоракетных средств), *подземная кладовая* (месторождения полезных ископаемых), *воздушные ворота* (аэропорт), *четвероногие плотники* (бобры).

При этом следует подчеркнуть, что опорное слово в «метафорической» перифразе отнюдь не всегда выступает как языковая метафора, то есть в узуальном метафорическом значении. Даже слово «золо-

то» в перифразах не реализуется в каком-либо из своих системных переносных значений, оно приобретает перифрастическую метафоричность, несколько отличную от узуальной языковой. См. об этом подробнее [Бытева, 1999г].

На наш взгляд, подобное явление объясняется тем, что в значении таких слов среди эмпирических компонентов, отражающих «энциклопедические» свойства и признаки обозначаемых предметов, содержатся такие, которые мы назвали бы **экспрессивно перспективными**.

В литературе, посвященной исследованиям экспрессивной лексики, был сделан справедливый, на наш взгляд, «предварительный вывод о квалификативной сущности экспрессивных слов в противовес классификационной сущности нейтральных» [Матвеева, 1986. С. 10].

Кваликативная сущность экспрессивных единиц языка подтверждается и на материале перифраз. Известно, что в значениях экспрессивных слов объектом квалификации выступает денотативный компонент значения, основания квалификации могут быть различны и носить параметрический, ценностный, а также эстетический характер.

Переносные экспрессивные значения слов, нейтральных в своём основном значении, часто мотивируются не только реальными, «вещественными» семами предметно-логического типа, составляющими исходное значение, но и потенциальными, ассоциативными, не существенными для прямого значения, но осознаваемыми носителями языка как его эмпирическая база. Эта эмпирическая база может включать в себя признаки формы, свойства, функции обозначаемого и т.п. – всё то, что способно вызвать субъективное отношение и соответственно оценку (коннотацию), эмоциональную или прагматическую.

Представляется верным наблюдение Т.В. Матвеевой: «Эмпирический компонент формируется в словах, которые обозначают предметы и явления, хорошо освоенные человеком в практике его деятельности, а такое знание неизбежно выливается в отношение, оценку. Для целей сугубо информативного общения эти оценки избыточны и потому остаются потенциальными, но накопленные наблюдения составляют семантическую опору производных экспрессивных значений» [Матвеева, 1986. С. 37].

Таким образом, конкретные существительные с имплицитным экспрессивным потенциалом, который составляют квалификативные семы параметрического, прагматического, эстетического или смешанного типа, функционируют в языке, будучи способными реализовать этот потенциал путём метафоризации значения на основе какой-либо из указанных сем, «срабатывающих» в качестве мотивирующей.

Например: *свинцовые пчёлы* (пули) – мотивирующие потенциальные семы исходного значения слова *пчёлы*: «быстрые» (параметрическая), «жалящие» (прагматическая).

Эта предрасположенность слов конкретной семантики к реализации экспрессивно перспективных сем очень широко используется в явлении перифразы.

Будучи понятийными и периферийными (или ассоциативными) в составе прямых номинативных значений слов, квалификативные семы преобразуются в экспрессивные в составе переносных значений, становятся ядерными, способными отразить рематическую часть [1] значения ПС.

Функции квалификативной семы не исчерпываются её мотивирующей ролью для метафорического значения слова, выступающего в качестве перифразирующего. Эти же квалификативные семы разных типов у слов с конкретными значениями «срабатывают» и в качестве **резонатора** для лексического значения слова-номината в перифразе, точнее – для тех его компонентов, которые в результате такого резонанса усиливаются, акцентируются, что влечёт за собой новую актуализацию семантики данного слова-номината, её развёртывание, модификацию. Возникает явление, которое мы обозначили как явление **семантической форманты** [Бытева, 1999г].

Слова с конкретной семантикой, содержащие квалификативные семы, которые способны вызвать субъективное отношение и соответственно оценку, реализуют путём метафоризации свой экспрессивный потенциал в составе ПС в результате особого лексико-семантического взаимодействия, понимаемого нами как **образная валентность** [Бытева, 1999д]. Особенностью механизма образной валентности является то, что слово (ЛЗ) метафоризируется не абсолютно, оно не становится языковой метафорой, а относительно: в «условиях» третьего, предидируемого члена перифразы. См.: пули – это **не** пчёлы*, но это **свинцовые** пчёлы.

Как представляется, механизм образной валентности приводит в действие резонирующей способностью квалификативных, то есть экспрессивно перспективных сем.

Экспрессивный тон перифразирующего слова, выступающего в переносном значении, может быть настолько сильным, что он подавляет (гасит) даже категориально-лексические семы мотивирующего значения. См., например: *царь* о животном (*пушной царь* – соболь), о рыбе (*царь* – рыба – осётр), о растении (*царь тайги* – кедр) – подавлена сема «лицо»; то же – в словах *король*, *королева*: *королева полей* – кукуруза и др.; *белый тигр* – снежная лавина, *жёлтый дьявол* – золото – подавлена сема «одушевлённость» и т.п.

Можно выделить целые группы слов-экспрессивов, объединённых экспрессивно перспективными компонентами смысла, реальными или потенциальными, которые способны становиться мотивирующими в процессе перифрастической метафоризации этих слов или приобретения ими символического значения. Например:

- 1) сема «доминирование» – *король-королева, царь-царица, хозяин-хозяйка, патриарх, повелитель, император, исполин, звезда* и др. (*царь зверей, хозяин тайги, патриарх лесов* и др.);
- 2) сема «смертельность» – *чума, акула, тигр, убийца, саранча, гроза, пожар, кинжал, ад, яд, опиум* и др. (*чума XX века, тигр морей, саранча на мотоциклах, мировой пожар, зелёный ад* и др.);
- 3) сема «витальность» – *хлеб, молоко, эликсир, кислород, лёгкие, ключ (родник), рай* и др. (*хлеб пустыни, зелёное молоко, кислород публичности, черепаший рай, зелёные лёгкие планеты* и др.);
- 4) сема «ценность» – *золото, серебро, жемчужина, алмаз, валюта* и др. (*бесцветное золото, живое серебро, хлебная валюта, жидкая валюта, жемчужина у моря* и др.);
- 5) сема «эстетическая оценка» – *красавица-красавец, чудовище* и др. (*лесная красавица, корсиканское чудовище* и др.);
- 6) сема «порождение» – *мать-отец, родина, родник* и др. (*мать городов, отец истории, родина художников* и др.);
- 7) сема «родственность» («степень родства») – *брат, сестра, сын, дочь, пасынок, побратимы* и др. (*космические братья, сестра гласности, сын степей, дочь Евы, пасынки Америки, побратимы афганской земли* и др.);
- 8) сема «польза» – *аптека, санитар, доктор, огород* и др. (*зелёная аптека, аптечный огород, санитары моря* и др.);
- 9) сема «большой размер, масштаб, объём» – *море, океан, сельва, материк, век* и др. (*хлебное море, пятый океан, болезнь века, стройка века* и др.);
- 10) сема «напряжённость» – *пахота, страда, жатва* и др. (*сладкая жатва*).

В задачи нашего исследования не входит полное выявление и детальное описание номенклатуры параметрических, прагматических или эстетических сем на материале слов тех или иных групп нейтральной конкретной лексики – это должно быть предметом самостоятельного лингвистического изучения. Важно то, что экспрессивно перспективные компоненты значения одних слов способны становиться семантическими резонаторами значений других слов, способствуя модификации значения последних, приобретению ими актуальной семантической определённости в качестве компонента перифразы.

Трудно согласиться с мнением, высказанным в работе С.Я. Макаровой [Макарова, 1972. С. 52 – 53]: «...точный смысл большинство перифраз получают только в контексте. Так, выражение «стальные чудовища» в «Известиях» от 30 октября 1968 г. надо понимать как «танки». Вне контекста его можно осмыслить и как «тракторы», и как «комбайны». Поэтому иногда в разных речевых условиях одна и та же перифраза имеет разное смысловое наполнение (например, в «Известиях» от 21 ноября 1969 г. словосочетанием «золотые плоды» названо какао, а в той же газете от 22 ноября этого же года – лимоны)...»

Перифраза всегда имеет «точный смысл», если понимать под ним, как в данном случае, референтную отнесённость. И в первом случае «точный смысл» ПС *золотые плоды* – какао, так же, как во втором случае «точный смысл» ПС – лимоны. Но зависит этот точный смысл не от контекста и не от разных речевых условий, а от слово-номината, первого члена перифразы, специфическим свойством семантики которой является коррелятивность. Тот факт, что тематические компоненты обоих ПС идентичны (то и другое – плоды), обусловлен экстралингвистически так же, как и идентичность рематических компонентов (сходство цвета, а потому – *золотые*). Так что перед нами в подобных случаях отнюдь не «одна и та же перифраза», а явление **перифрастической омонимии**, то есть уподобление по означаемому. Ср. также: чёрное золото (нефть) – чёрное золото (уголь); чума XX века (СПИД) – чума XX века (наркомания); хлеб промышленности (уголь) – хлеб промышленности (цемент) и др.

Что же касается «смыслового наполнения», то не ПС наполняется смыслом, а, напротив, слово-номинат наполняется смыслом, «толкуется» перифрастическим сочетанием, что нам уже приходилось отмечать [Бытева, 1999в].

Ещё труднее согласиться с тем, что «конкретное значение перифрастические наименования приобретают в том случае, когда они фразеологизируются (см. *пятый океан* и др.) или конструируются с учётом неповторимых признаков обозначаемого предмета (винтокрылый аппарат, стальная пряжа, легендарная цитадель над Бугом)» [Макарова, 1972. С. 58].

Под «конкретным значением» в цитируемом тексте понимается, очевидно, то же, что и под «точным смыслом», а именно: референтная отнесённость. Но что следует считать фразеологизацией перифрастического сочетания? Если под фразеологизацией понимать не только обретение устойчивости (а именно так фразеологизация часто понимается [2]), то есть чисто внешний признак фразеологизма, и не частотность использования в речи – социолингвистический, но не системный лингвистический параметр, а, имея в виду прежде всего

содержательную сторону фразеологизма как значимой единицы языка, приобретение словосочетанием обобщённо-абстрактного значения, свойственного узуальному фразеологизму, то сочетания типа *пятый океан* не являются фразеологизмами с перифрастическим «прошлым». См. также: *второй хлеб* – картофель, *третий трудовой семестр* – летняя работа студентов, *четвёртая власть* – СМИ, *шестой континент* – Антарктида.

В подобных ПС отчётливо наблюдается **перифрастически обусловленное** значение рематических компонентов, в качестве которых здесь выступают порядковые числительные – имена с, казалось бы, самой стабильной семантикой указания на «порядок следования». В ПС они реализуют другое значение: «ещё один; такой же, как; подобный».

Та же **перифрастическая обусловленность** значения свойственна всем компонентам ПС, выступающим не в прямом значении.

Значение таких слов (опорных, перифразирующих) отнюдь не является конструктивно обусловленным, как это иногда представляют, то есть таким, «которое реализуется лишь в определённой конструкции – в сочетании с существительными в родительном падеже или с прилагательными» [Орлова, 1982. С. 83]. Ни конструкция с существительным в родительном падеже, ни конструкция с прилагательными не обеспечивает экспрессивно-переносное значение стержневых компонентов.

Так, значение «родоначальник, основоположник чего-либо» у слова *отец* не является конструктивно ограниченным, как утверждает автор указанной работы. См.: *отец русской химии* (А.М. Бутлеров), *отец истории* (Геродот) и под., но **отец русской девочки, отец моего друга** и т.п. – прямое значение слова *отец* в той же конструкции. То же: *королева полей* (кукуруза), *королева льда* (И. Роднина) – но **королева Франции; патриарх лесов** (кедр) – но **Патриарх** всея Руси.

Так же не является конструктивно обусловленным (в конструкции с именем прилагательным) значение «монополист в какой-либо области промышленности, торговли и т.п.» [Орлова. Там же]. Да, имеются ПС *нефтяной король, угольный король, пивной король* и под. с указанным значением, но есть и перифразы *пушной король* (соболь), *морской царь* (Нептун), *римский король* (Наполеон II, герцог Рейхштадский), а также свободные сочетания – «английская королева».

Таким образом, экспрессивно-переносные значения любых слов, выступающих в составе ПС в качестве рематических членов, являются не конструктивно, а **перифрастически обусловленными**. Механизм этой обусловленности очерчен нами выше. Особенность этого механизма позволяет выделить значения таких слов в **особый**

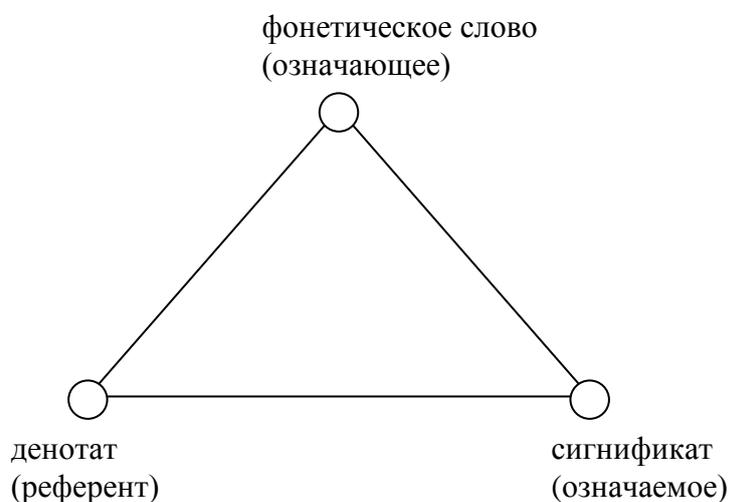
тип, отличный от конструктивно, синтаксически и фразеологически (то есть идиоматичных, типа «картошка в **мундире**») связанных значений.

Перифрастически обусловленное значение одного из компонентов ПС представляет собой один из типов лексического значения. Его следует отличать от **перифрастического значения**, или значения слова-номината как **члена перифразы**.

Отличие перифрастического значения слова-номината от его лексического значения лежит прежде всего в аспекте номинации. Перифрастическое значение, в отличие от лексического, является актуально номинативным, или коммуникативно релевантным, то есть представляет собой результат не вторичной номинации (если иметь в виду, что вторичная номинация – это «использование в акте номинации фонетического облика **уже существующей единицы** в качестве имени для нового обозначения» [ЛЭС, 1990. С. 336] [3], а актуальной.

При этом в сфере актуально номинативных, или коммуникативно релевантных, перифрастических значений выделяются прямые перифрастические значения и переносные перифрастические значения. К перифразам с прямым значением мы относим такие, которые состоят из слов с прямыми номинативными значениями, то есть дескриптивные [Бытева, 1999а], а к перифразам с переносным значением – такие, которые включают в свой состав слова с перифрастически обусловленным (переносным) значением, то есть тропеические [Бытева, 1999а].

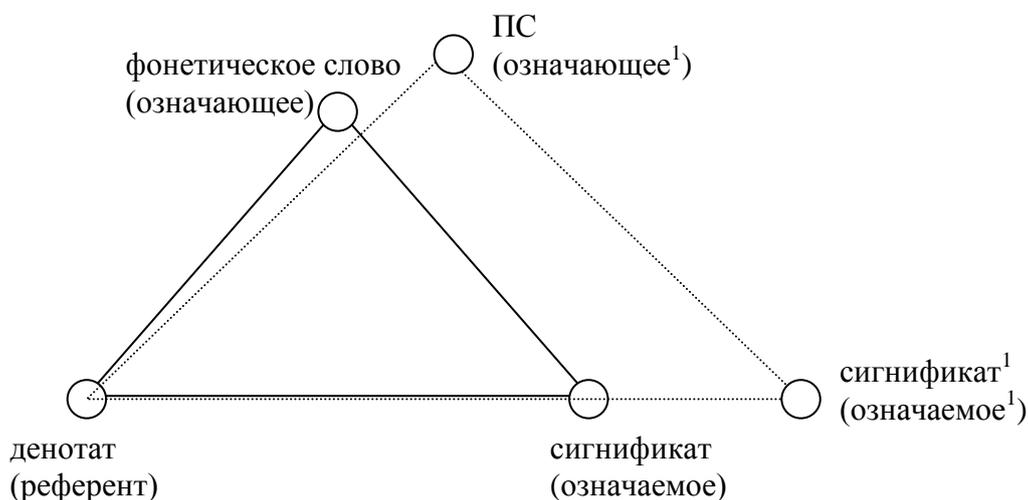
Общая же особенность перифрастической семантики, как представляется, имеет свою проекцию в известном «семантическом треугольнике»: денотат – означающее – означаемое. Если семантические зависимости изолированного слова в конкретном значении могут быть представлены канонической схемой:

то семантические зависимости в явлении перифразы трансформируют семантический треугольник следующим образом:

Как видим на последней схеме, линии «денотат – означающее» и «денотат – означающее¹» в явлении перифразы расходящиеся, и ПС, как единица более высокого уровня, находится в более высокой точке; линии «означающее – означаемое» и «означающее¹ – означаемое¹» параллельны, так как отношение между словом и его сигнификатом изоморфны отношению ПС и его сигнификата. Линия «денотат – означаемое» – частично общая у слова и ПС, дифференциальная часть линии (сигнификат – сигнификат¹) соответствует перифрастической специфике означаемого, актуальному смыслу актуальной номинации. Она соответствует тому семантическому зазору, который существует между лексическим значением слова-номината и его перифрастическим значением.

Следует принять во внимание, что проекция семантических за-

висимостей перифразы как особой единицы языка представлена не одним (вторым, прерывистым) семантическим треугольником, а обоими.

Представленное схематическое изображение, как кажется, помогает понять, что перифраза – не только языковое (то есть системное) явление, но и закономерно языковое явление. Это представляется очевидным на основании того факта, что в отношениях слова-номината и ПС реализуется уподобление по одному из трёх элементов «семантического треугольника», являющегося элементарной ячейкой семантической системы языка, а именно, по денотату.

Уподобление по другим элементам семантического треугольника порождает системные явления другого типа: по означающему – омонимию, по означаемому – синонимию.

Итак, на вопрос, есть ли словосочетание «перифрастическое значение» термин, то есть стоит ли за ним специальное понятие и ка-

кова его предметная отнесённость, можно ответить следующим образом.

- 1) Объектом термина «перифрастическое значение» является **преобразованный смысл** слова-номината, вербализованный в ПС. Понятие термина «перифрастическое значение» составляет совокупность существенных признаков (свойств) объекта, указывающих на его **внутриязыковую мотивированность**:
  - a) коррелятивность, обусловленная итерацией сем слова-номината в тематическом компоненте ПС;
  - b) тема-рематический характер семантических отношений опорного и предидицируемого членов ПС, обеспечивающий экспликацию актуального, коммуникативно релевантного, смысла;
  - c) экспрессивность разной степени, порождаемая рядом специфических причин.
- 2) Перифраза является **не передачей смысла**, хотя именно такое понимание широко представлено, например, в словарях, а **актуальным преобразованием смысла слова-номината**, и перифрастическое значение создаётся в результате лексико-семантического взаимодействия трёх компонентов: слова-номината, перифразирующего слова (опорного) и предидицируемого.
- 3) Перифрастическое значение – это преобразованное значение номината, результат семантической модификации; в случае тропеических перифраз – двойной семантической модификации разного качества:
  - a) семной модификации слова-номината под влиянием резонирующих сем перифразирующего слова и
  - b) семемной модификации слова, выступающего в качестве опорного компонента ПС и «проявляющего» в своей семантике экспрессивно перспективные семы исходного (мотивирующего) значения.
4. Перифрастическое значение следует отличать как от **перифрастически обусловленного значения**, которое присуще опорному компоненту и не сводимо ни к конструктивно обусловленному, ни к фразеологически связанному, ни к экспрессивно-синонимическому; так и вообще от лексического значения слова. Различия между ними лежат прежде всего в номинативном аспекте: лексическое значение может выступать как прямое номинативное (результат прямой номинации), производно-номинативное (результат не прямой номинации), производно-переносное (результат косвенной номинации); тогда как перифрастическое значение представляет собой результат коммуникативно релевантной, не вторичной, а актуальной номинации.

5. Перифрастическое значение есть та совокупность актуализированных в ПС признаков сигнификата, заключенного в слове номинате, которое делает ПС понятным и соотнесённым со значением слова-номината. Это **особый вид лингвистического значения**, специфика которого имеет свою проекцию в трансформированном «семантическом треугольнике» – элементарной ячейке семантической системы языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О тема-рематических отношениях компонентов перифразы см. [Бытева, 1999б].
2. «Более того, самые меткие перифрастические словосочетания постепенно становятся устойчивыми, пополняя фразеологию русского языка (чёрное золото – нефть, голубое топливо – газ, пятый океан – небо и др.)» [Макарова, 1972. С. 57].
3. Особенно очевидна несоотнесенность понятия «вторичная номинация» с явлением перифразы в ПС дескриптивного типа: *люди в белых халатах* (врачи), *город на Неве* (Санкт-Петербург), *винтокрылая машина* (вертолёт) и др. Таким образом, перифраза – результат не вторичной, а второй, то есть коммуникативно релевантной, актуальной номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакина М.А. Перифрастические и фразеологические сочетания в творчестве пролетарских поэтов / М.А.Бакина, Е.А.Некрасова. Эволюция поэтической речи XIX – XX вв. Перифраза. Сравнение. М.: Наука, 1986. С. 3 – 80.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
3. Бытева Т.И. О типах перифрастических выражений в русском языке. Часть I // Ежегодник Регионального лингвистического центра Приенисейской Сибири. Вып. 1. Красноярск, 1999а. (в печати)
4. Бытева Т.И. О типах перифрастических выражений в русском языке. Часть II // Ежегодник Регионального лингвистического центра Приенисейской Сибири. Вып. 1. Красноярск, 1999б. (в печати)
5. Бытева Т.И. Перифраза как экспрессивная единица языка: к особенностям семантики / Семантика и прагматика текста. Барнаул, 1999в. (в печати)
6. Бытева Т.И. Метафора в перифразе // Филология – Журналистика'98. Красноярск, 1999г. (в печати)
7. Бытева Т.И. Образность как особенность семантики перифразы // Гуманитарные науки: Вест. КрасГУ. Красноярск, 1999д. (в печати)

8. Макарова С.Я. Перифраза в современном русском литературном языке (на материале газет) / Содержание и методика преподавания русского языка в средней и высшей школе: Материалы XV науч.-метод. конференции Поволжья. Волгоград, 1972, с. 55 – 58.
9. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. 92 с.
10. Моложай Г.Н. Перифраза в белорусском литературном языке (структурно-семантическая и лексическая характеристика). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1971. 16 с.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984.
12. Орлова В.И. Субстантивные перифразы в современном русском языке // Русский яз. в шк. 1982. №3. С. 81 – 84.
13. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
14. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. Т. 3.
15. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия. 1990.

S U M M A R Y

The terms «periphrasis» and «periphrastic meaning», their origin, notions they describe, their correlation with the lexical meaning, their ontological features are described in the paper.

Е. Н. Соколова*

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «СЛОВА О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Самым ранним из оригинальных древнерусских текстов в хронологическом отношении является «Слово о законе и благодати» Илариона, выдающегося церковного и политического деятеля первой половины – середины XI века, впервые поставленного на киевскую митрополию не из Византии, а «собором епископов» в 1051 г. по велению великого князя киевского Ярослава Мудрого.

«Слово» – первый дошедший до нашего времени памятник древнерусского торжественного красноречия. Написанное между 1037 и 1050 годами, это произведение долгое время было источником и своеобразным эталоном для древнерусских писателей, о чем свидетельствует большое число дошедших до нас текстов, содержащих ци-

---

* © Е.Н. Соколова, 1999

таты из «Слова», в особенности из его заключительной части – Похвалы князю Владимиру. Н. К. Никольскому были известны 30 списков «Слова», которые он распределил по четырем редакциям. Списки эти в основном поздние – XV-XVI вв. [Никольский, 1906]. «Слово о законе и благодати» является образцом церковнославянского языка и свидетельствует о глубоких познаниях автора в области духовного ораторского искусства и истории церкви, об умении проповедника пользоваться всем стилистическим богатством византийской и славянской церковной литературы.

Тема «Слова» – прославление князя Владимира, при котором на Русь пришло христианство, возвеличивание христианской религии, благодаря которой усилилась мощь Киевского государства, установились его культурные связи с другими христианскими странами. Л.П. Якубинский писал: «В своем «Слове» Иларион, по характеру языка, продолжает традицию кирилло-мефодиевых переводов, то есть «классические» традиции старославянского языка... несмотря на свою греческую выучку, он пишет «чистым церковнославянским языком», прекрасно чувствуя его нормы.» [Якубинский, 1953. С. 95]. Однако в «Слове о законе и благодати», церковном древнерусском памятнике, наличествуют и восточнославянские элементы. Церковнославянский язык не являлся родным для переписчиков и создателей текстов в Киевском государстве, они часто вносили в сочинения элементы своего родного языка. Пользуясь большим авторитетом у грамотных людей Киевской Руси, «язык священного писания» был все же языком родственным, близким по структуре живой восточнославянской речи.

Язык «Слова» характеризуется словесной украшенностью и символичностью образов. Иларион строит свое «Слово» на противопоставлении христианства язычеству, приводя таким образом ряды понятий, соответствующих, по его мнению, этим двум религиям: благодать, истина, избавление, обновление, пакубытие, нетлнние, въскршение, благовѣрие – мракъ идольскыи, бѣсслужание, леть идольская, идольскыи знои. Подобное противопоставление изображаемых явлений объясняет наличие в памятнике слов-антонимов. Это «живые» и «мертвые»: «да въбой и живїи и мертвїи познають пошщенїе свое» (79) [Молдаван, 1984. С. 78-100]; «малый» и «великий»: «и малыи и велицїи вси людие» (93), «црь великъ по всей земли и по малѣ» (91); «раб» («работный») и «свободный», «юноша» и «старец», «уныи» и «старыи», «богатыи» и «убогии», «боярин» и «простой»: «и всѣмъ быти хрстїаномъ малымъ и великимъ рабомъ и свободнымъ @нымъ и старымъ бо»ромъ и простымъ бгатыимъ и оубогымъ» (93), «юношѣ и двы старци съ

юнотами да хвал#ть им# гне» (91); «небесный» и «земленный»: «ivähè бо в земныхъ весел#ах@s#, хрстїани же в сицихъ на нбсхъ» (82), «есть бѣ единъ творецъ невидимымъ и видимымъ нбснымъ и земнымъ»(95); «распинати» и «въздевати»: «не распинаемъ спаса нѣ р@кы к нем@ въздѣваемъ» (90); «таити» и «звати»: «і ако б@ зваах@ блгословенъ гр#дыи въ им# гне» (85), ««ко члка тѣщаах@s# іудеи оутаити» (85) и другие.

Являясь образцом церковнославянского языка, «Слово» почти не содержит элементов восточнославянской речи (кроме «Володимерь», «рожься», «тобѣ», «собѣ» и некоторых других). Отчетливые старославянские формы: «езеро», «раба», «препущаетъ», «мракомъ», «послежде», «прежде», «златомъ», «сребромъ» и т. п. В тексте памятника много слов сложного образования (в частности существительных с суффиксами -ение-, -ние-, -ство-, -ствие-, -ие-). Например: «предтеча»: «законъ бо прѣдѣтеч# бѣ и сл@га блгодѣти и истинѣ» (79); «многобожество»: «^ многобжества идольскааго оуклан#»с#» (79); «словоохотие»: «то дръзости вбразъ есть и славохотїю» (79); «правоверие»: «и да славитс# въ немъ правовѣрїе и да кленетс# вс#ко еретичьство»(99); «благословение»: «събыстьс# блсвенїе манасїино» (82); «благоверие»: «семоу же бывъш@ не доселѣ стави блговѣрїа подвига" (93); «богородица»: «в блаженїе стѣа цркви стѣа бца марїа», «равнохристолюбецъ», «равноочиститель»: «великааго коньстантина равнооумне равнохолоубче равночестителю слоужителемъ его» (96).

Для произведения Илариона характерно также употребление значительного числа церковной лексики, связанной с религиозными обрядами, вероучениями и представлениями. Это: «спасение»: «тѣ есть бѣ твор#н чюдеса съдѣла спсенїе посредѣ земл#» (86); «киотъ», «скрижаль»: «кивотъ и скрижали и вѣстїило в»то

бысть» (83); «спасъ»: ««ко же и къ самар#ныни глааше спсѣ» (84); ««ко ж спсѣ хс к оц@ глааше» (84); «евангелие», «крещение»: «сномъ своимъ вс# «зыкы спсе евагліемъ и крщеніемъ» (84); «господь», «бог», «христианский»: «благословень гь бѣ илевъ бѣ христіанескъ» (78); «ангель»: «сѣвок@пивъ въ едино агглы и члкъ» (81); «поп», «дьякон», «клиросъ»: «възнос#ще попове и діакони и весь клиросъ» (93); «монастырь»: «манастыреве на горах сташа» (93) и другие.

Часты у Илариона библейские изречения: «в своя приидя, и свои его не приящя...», «тогда отверзнутся очеса слепых и ушеса глухых услышат...»

Как известно, старославянская письменность пополнила словарный фонд языка многочисленными синонимами, близкими по значению словами, обозначающими сходные понятия. Не является исключением и «Слово». Спектр синонимов в нем достаточно широк.

Распря – котора.

Синоним «*распря*» употреблен рядом со словом «*котора*» для разнообразия и уточнения, и имеет значение «раскол, секта»: «насиловаах@ на хрстіаня рабичишти на сыны свободныа и бываах@ между ими многы *распрѣ* и *которы*» (81). «*Распря*» является по происхождению церковнославянским словом.

Племя – язык – людие.

Синонимичны в «Слове» Илариона в значении «народ, люди»: «И вѣра въ вс# «зыкы прострес# и до нашего «зыка роуского...» (78), «...не бо с# простирааше въ ины «зыкы нѣ токмо въ іудѣи... (82), «^крыеть гь мышѣц@ свою ст@ю прѣд всѣми «зыкы» (90), «и вс#ка плоть оузритъ спсеніе ба нашего и даніиле вси *людіе племена* и «зыци...» (90), «да исповѣдатс# тобѣ людіе бже... да възвесел#тс# и възрадуютс# «зыци и вси «зыци възплещѣте р@ками» (90) и т. д. Использование каждого из трех синонимов подчеркивается разное со-

держание: под словом «*ЛЮДИЕ*» подразумевается все свободное население, под словом «*ПЛЕМЕНА*» – соединение различных народностей, под словом «*ЯЗЫКИ*» – весь христианский мир, говорящий и пишущий на различных языках.

Слуга – рабъ – робичишьть.

В «Слове» Илариона интересный пример употребления дают синонимы «*слуга*», «*рабъ*» и «*робичишьть*» (церковнославянское). Приведем некоторые примеры: «законъ бо прѣдътеч# бѣ и сл@га блгдѣти и истинѣ. Истина же и блгдѣть слоуга боудищеми вѣкоу...» (79), «...имѣ жен@ си свободноую а не раби» (80), «роди же агарь раба ^ авраама раба робичишьть» (80), «насиловаах@ на хрстіаня рабичишти на сыны свободныа...» (81). «*Рабъ*» – это «слуга, невольник, не имеющий силы противиться». Словом же «*робичишьть*» называли детей (сыновей) рабов. А вот слово «*слуга*» входит в состав образных выражений, где, возможно, реализуется одно из множества его значений, а именно – «помощник».

Честь – слава.

Синонимы «*честь*» и «*слава*» встречаются в «Слове» Илариона: «...и «витс# слава гн# и вс#ка плоть оузритъ спсение ба нашего» (90), «единъ гь іс хс въ слави б@ оци аминь» (94), «его же оубо подобникъ сын съ тѣмъ же едино# славы и чести вбещьника сътвориль» (97). «*Слава*» в значении «величие, прославление», «честь» – «уважение, почитание». Синонимы являются по происхождению общеславянскими.

Животь – жизнь.

Оба слова имеют значение «*ЖИЗНЬ*», с тем лишь отличием, что слово «*ЖИЗНЬ*» всегда определяется каким-нибудь прилагательным и образуемое словосочетание приобретает образное понимание явления. Ср.: «въвод# а въ вбновленіе пакубытіа въ *ЖИЗНЬ* вѣчноую» (78), «истина же и блгдѣть слоуга боудищеми

вѣкоу жизни нетлѣннѣи» (79), «и п@ти вед@щааго въ живот не вѣд@щемъ къ сем@ же...» (89), «посла гъ и къ намъ заповѣди вед@щаа въ жизнь вѣчн@ю...» (89), «нъ др@гъ др@га и всь животъ нашъ том@ прѣдаемъ» (90), «Лѣпв оумрѣти вѣровавши въ хса живота_всеому миру» (98).

Обновление – пакыбытие.

При описании этих синонимов, представленных в «Слове о законе и благодати», отметим, что автором проводится идея преемственности от закона к благодати, от рабства к свободе. Такая преемственность названа Иларионом «*обновлением*». Употребляя это слово, он объясняет его через синоним «*пакыбытие*» и тем самым происходит отграничение от современного понимания слова: «евгліемъ и крщеніем въвод# а въ *обновленіе пакыбытіа* въ жизнь вѣчноую» (78).

Современное значение слова «*обновление*» – «переход к новому качеству, приобретение новых свойств». Но «*пакыбытие*» объясняет «*обновление*» как «переход в загробную (вторую) жизнь». А загробная жизнь была совершенно новым типом мировосприятия, потому что языческой Руси была непонятна. Старославянский по происхождению термин «*пакыбытие*» принимается Иларионом, но не в полной мере, потому что загробная жизнь должна быть не просто второй, а новой, и лучшей. Поэтому, объясняя данное понятие, Иларион приводит другие описательные выражения: «въ жизнь вѣчноую» (78), «слоуга боудищеми вѣкоу» (79).

Правда – истина – благодать.

Укажем контексты, где встречаются древнерусское «*правда*» и старославянские «*истина*» и «*благодать*» в «Слове» Илариона: «Но в законѣ мѣвсчемъ даннѣмъ и в *благодѣти* и истинѣ христосомъ бывшіи.» (79), «прѣжде законъ ти по томъ блгдтъ прѣжде стнѣ ти по томъ *истина*»(79), «землю свою нас@ши правдою м@жествомъ же и съмысломъ»(92), «ты ж не видѣвъ вѣрова по *истинѣ* быс на тебѣ блженство га їса» (94). Отметим частое употребление рядом слов «*истина*» и «*благо-*

дать», где под «*благодатью*» и подразумевается «*истина*». «*Истина*» – это «правда, справедливость», а «*правда*» – «справедливость, свод правил, истина, заповедь».

Расточити – прострети.

Глаголы употребляются в контекстах: «...по всей же земли вѣра *прострес#*» (83), «^жени іvdѣство и съ зако-номъ *рас-точи* по странамъ» (82). Оба синонима имеют значение «разостлать, распространить, направить».

Учитель – наставникъ.

Синонимы встречаются в тексте «Слова о законе и благодати» в близком контексте: «...похвалимъ же и мы по силѣ нашей... нашего *оучител#* и наставника великааго кагана нашеа земли володимера» (91). Причина употребления слова «*настав-НИКЪ*» в качестве уточняющего кроется в том, что оно означало не просто «учителя», но и «руководителя, основателя ч.-либо», кем и являлся для славян Владимир.

Важно отметить, что в роли экспрессивно-окрашенных характеристик памятника выступают перифрастические выражения: млеко благодати и крещения, слуга будущему веку, дождь благодатный – так характеризуется христианство; сладость книжная – учение. Например: «По всей же земли роса: по всей бо земли вера простресея, дождь благодатный оброси» [Кожин, 1981. С. 87].

В «Слове» есть ряд заимствований из древнегреческого и древнееврейского языков (в том числе и имена собственные – евангелие, апостоль, архангель, идоль, Синаи, Агарь, Измаиль, Исаакъ, Сарра).

Интересные данные представляет состав частей речи в памятнике. Так, наиболее употребительные прилагательные: *безвѣстьнъ*, *беспамятьнъ*, *божествнъ*, *благодатьнъ*, *земльнъ*, *небесьнъ*, *архан-гельскъ*, *бѣсовьскъ*, *божьскъ*, *драгыи*, *истинныи*, *единыи*, *вечныи*. Надо сказать, что иногда прилагательные имеют определенную закрепленность за именем, например: «камение драгое»: «*вс#кою* красотою оукраси златомъ и серебромъ и

каменіємъ драгимъ» (97); «источник евангельский»: «вънезап@ потече источникъ евагльскыи напаа# всю землю наш@» (89); «жизнь вечная»: «нъ хрстіаніи не еще безнадежници нъ оуповающе въ жизнь вѣчную»(88); «птицы небесные»: «завѣщаю имъ завѣтъ съ птицами нбсными ... «(89); «мрак идольский»: «тогда начать мракъ идольскыи ^ насъ ^ ходити и зорѣ блгговѣрїа «вишас# «(93); «тьма кромешная»: «а снове црѣствїа изгнани б@d@ть въ тм@ кромѣшную» (87).

Характеризуя предмет речи, прилагательные (наиболее часто те, которые относятся к религиозно-философской тематике) придают особую торжественную оценочность повествованию. Глагольная лексика в памятнике представлена следующими группами: глаголы чувственного восприятия (послушати, видѣти); глаголы речи и мысли (умыслити, речи, глаголати); глаголы движения (ити, поклонитися, посѣтити), а также множество других: сътворити, презрѣти, гибнути, положити, писати, послати, явитися, хотѣти, спасати, хвалити.

Повествовательная неспешность и размеренность вполне обусловлена темой произведения – это своеобразная хвалебная песнь христианству и возвеличивание князя Владимира. Вообще можно говорить о сознательном отборе языковых средств Иларионом, поскольку, будучи высокообразованным человеком, прекрасно владеющим старославянским языком, он заведомо соразмерял соответствие лексического состава жанру и стилю своего сочинения.

Конечно, сочинение Илариона, как было сказано, является образцом церковнославянского языка, образцом торжественного красноречия. Это высокохудожественное литературное произведение представляет собой сплав старославянских лексических средств, с широким использованием антонимических и синонимических моделей. Стройный архаичный язык «Слова» дает всеобъемлющее представление о церковно-книжном стиле литературного языка Киевской поры. Лексический материал памятника может служить полем для исследования литературного языка конца XI в. Однако подобное исследование несколько усложняется за счет наличия многочисленных списков «Слова» с определенными различиями. В этом отношении

существенно важным является сопоставление списков и их взаимоотношение [Мюллер, 1976; Молдаван, 1982].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожин А. Н. Литературный язык Киевской Руси. М., 1981.
2. Молдаван А. Н. «Слово о законе и благодати». (Сопоставление списков) // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. С. 227 – 261.
3. Молдаван А. Н. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. Первая редакция «Слова». (Список С-591). С. 78 – 100.
4. Мюллер Л. Взаимоотношения между опубликованными списками «Слова о законе и благодати» и «Похвалы Владимиру» митрополита Илариона // Культурное наследие Древней Руси. (Истоки. Становление. Традиции). Л., 1976. С. 372 – 379.
5. Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. (X-XI вв.). СПб., 1906. С. 75 – 90.
6. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

SUMMARY

«The word...» is the first Old Russian literary monument of solemn eloquence. This literary work has rich reserve of Church Slavonic words. In this literary monument we can see conscious choice of linguistics means by the author. The problem of choice of linguistics means, specially in the field of synonyms and stylistics, is very important for linguistic situation in the Old Russia.

Л.А. Рябина, О.В. Соколова *

КОММУНИКАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Обучение русскому языку не может быть сведено к обучению орфографии и пунктуации – сейчас это понимают все. Углубляется лингвистическая составляющая курса русского языка, развивается коммуникативный подход, идут поиски способов интеграции русского языка и литературы как учебных предметов, возникают дополнительные курсы риторики, стилистики и культуры речи.

В структуре курса русского языка ярко выделяются три достаточно самостоятельные линии: 1) знания о системе; 2) правописание; 3) развитие связной речи. Эти три направления находят своё отраже-

---

* © Л.А. Рябина, О.В. Соколова, 1999

ние и в формулировке задач обучения языку. Иногда даже ставится вопрос о правомерности сохранения курса русского языка как единого учебного предмета.

Особую сложность представляет необходимость соотнести предметный курс и реальный речевой опыт ребёнка, процесс приобретения знаний о языке и процесс овладения языком.

На наш взгляд, необходимо обратиться к идеям «антропоцентричной» лингвистики, где центральной фигурой оказывается личность, языковая личность, субъект деятельности.

Ребёнок как человек, владеющий языком на определённом уровне, как субъект обучения должен стать центральной фигурой и для методики.

Основной вопрос педагогики развития В.В. Давыдов сформулировал так: «Как связать основные ступени образования с психическим развитием современного человека?» [Давыдов, 1996. С. 6]. Мы позволим себе продолжить: «Как связать преподавание языка с основными этапами, закономерностями овладения языком?» Основная задача педагогики развития, по В.В. Давыдову, – разработка «теории и технологии организации различных типов воспроизводящей деятельности». Можно конкретизировать эту задачу для методики. Например, как организовать речевую деятельность в учебном процессе – именно *деятельность*, с тем чтобы каждый ребёнок стал активным деятелем. Не просто складывал буквы в слоги, слоги – в слова, слова – в предложения, а понимал прочитанное, причём не только на уровне языковых значений. Не просто писал сочинение на заданную учителем тему, используя чужие слова, а пытался бы найти средства для выражения собственной мысли, осуществлял бы собственный замысел. Конечно, каждый методист и каждый учитель хочет добиться такого результата и всё делает для этого.

Называя наш подход к обучению русскому языку **коммуникативно-деятельностным**, мы не делаем терминологических различий между *коммуникацией* и *общением*. В понимании процесса общения мы опираемся на точку зрения М.М. Бахтина, который считал, что речевое общение представляет собой непрерывную цепь высказываний, каждое из которых является ответом на предыдущее и предполагает последующее. Понимание чревато ответом, а ответ ориентирован на понимание. Высказывание может иметь разную протяжённость и структуру: от короткой реплики бытового диалога до большого научного, художественного или иного произведения. Каждое высказывание принадлежит определённому речевому субъекту [Бахтин, 1979]

Речевой опыт ребенка на первых этапах обучения практически не выходит за рамки бытовой сферы общения, поэтому мы видим за-

дачу обучения русскому языку в вовлечении ребёнка в непрерывную цепь речевого общения.

В обозначении нашего подхода есть слово *деятельностный*, и здесь мы придерживаемся принципов деятельностного подхода в обучении, сформулированных В.В. Давыдовым в работе «Теория развивающего обучения». Ключевым понятием деятельностного подхода является понятие *субъектности*. Механизмам формирования субъектности в учебном процессе посвящены исследования Г.А. Цукерман, В.И. Слободчикова, Б.Д. Эльконина и др.

Основным направлением поисков в области методики обучения русскому языку является поиск способов формирования трёх видов компетенции: языковой, лингвистической и коммуникативной.

Если понимать под компетенцией не сумму знаний и умений, а способность субъекта установить связи между знанием и ситуацией, а также способность на этой основе обнаружить и осуществить действие, позволяющее решить проблему, то формирование компетенции (то есть этой общей способности) невозможно вне деятельностного подхода.

Таким образом, в нашем представлении **лингвистическая компетенция** – это не только и не столько «знания о русском языке как общественном явлении и развивающейся системе...», но прежде всего способность к языковой рефлексии, которая, естественно, невозможна без знаний о языке; **языковая компетенция** это не только «знание самого языка (то есть словаря и грамматики), владение языковыми нормами», но и понимание границ этих норм; **коммуникативная компетенция** – способность к речевому общению, как это было описано выше, способность к осуществлению коммуникации в разных речевых сферах, способность к активному взаимодействию с другими речевыми субъектами (естественно, сюда включается владение различными видами речевой деятельности).

Все три компетенции тесно взаимосвязаны. Только о человеке, который обладает всеми тремя видами компетенций, мы можем сказать, что он «владеет языком». Поэтому важной задачей методики преподавания русского языка является реализация в преподавании этой взаимосвязи, преодоление обособленности трёх составляющих школьного курса русского языка (лингвистическое описание системы языка, правописание, развитие связной речи).

Основные положения нашего подхода таковы:

1. Преодоление объектоцентризма. Родной язык нельзя изучать так же, как физику, математику, ибо он (язык) – часть личности. Мы предлагаем выстраивать деятельность ребёнка как деятельность по

преобразованию собственного языка, деятельность, направленную на собственное языковое развитие.

2. Соотнесение материала учебного курса, задач и способов обучения с основными этапами, закономерностями психического и речевого развития ребёнка, учёт возрастных особенностей, ориентация на ведущую деятельность (в подростковом возрасте это, по мнению специалистов, проектирование, экспериментирование).

3. Опора на такие лингвистические концепции, которые рассматривают язык с точки зрения носителя языка [Караулов, 1993; Норман, 1994].

Как язык хранится в сознании человека? Ю.Н. Караулов утверждает, что слово связано с другими словами в сознании человека ассоциативными связями (на основе звукового сходства, семантической близости или противоположности, общности словообразовательной модели, частого совместного употребления и т.п.). Образуется сложно устроенная сеть, так называемая ассоциативно-вербальная сеть. Из этого следует, что, например, при введении новой лексики необходимо представлять слово во всём многообразии его связей, пытаясь найти опору в индивидуальном речевом опыте ребёнка. Это не значит, что нужно устанавливать связи со словами школьного сленга. Это значит, что задание должно быть организовано таким образом, чтобы, выполняя его, ребёнок использовал собственный языковой опыт или расширял его шаг за шагом.

4. Особое значение имеет всё сказанное при обучении орфографии. Отметим лишь, что при обучении правописанию, на наш взгляд, важно сочетание аналитической и интуитивной стратегий (нельзя обучение строить только на анализе сильных и слабых позиций, только на развитии орфографической зоркости): в центре внимания ребёнка – правильные написания и отношение «значение – форма». Ещё раз подчеркнём, что речь идёт не об отмене или замене анализа, а о сочетании двух стратегий [Окладникова, 1996].

5. Овладение языком возможно только в ситуации речевого общения, коммуникации. Выделим два основных подхода, лежащих в основе новых программ развития речи, коммуникативных курсов и методик. Первый подход представляет процесс коммуникации как ещё один объект изучения наряду с языковой нормой и языковой системой. Речевое развитие ребёнка мыслится в этом случае как следствие такого изучения. Второй подход предполагает непосредственное создание на уроке ситуаций общения, организованных вокруг определённых тем с использованием определённых речевых жанров. Возможны различные комбинации этих подходов.

Опыт показывает, что в первом случае не удаётся преодолеть отчуждение ребёнка от изучаемого материала, во втором случае обогащение речевого опыта происходит за счёт включения в речь ребёнка на уроке готовых конструкций и моделей, соответствующих определённым условиям коммуникации. Мы полагаем, что для обучения родному языку этого недостаточно.

Один из основных методов построения нашего курса – моделирование условий порождения и восприятия текста (высказывания).

Почему мы говорим о моделировании, а не просто об организации коммуникации на уроке?

Учебная задача поставлена таким образом, что при её решении ребёнок воспроизводит (обязательно!), активно «проживает» процесс понимания текста и переживает «муки творчества» (трудности с выбором языкового средства, попытки точно выразить смысл и т.п.).

Задача сформулирована не прямо, нет задания понять, интерпретировать текст, ответить на вопросы. Это происходит как бы «само собой». Например, задание «Восстановите текст» (текст каким-либо образом деформирован). Но сделать это невозможно, не пытаясь понять, вникнуть в содержание этого текста.

Примеры заданий:

- 1) Перепишите текст, вставив пропущенные слова:

Тот, кто рассказывал историю, сидел у самого края сцены. Новый ... был невысокого роста, с густой чёрной бородой и удивительно ясными глазами. Он смотрел на тоненького, маленького человечка, который танцевал под тихую музыку, доносившуюся из-за кулис. ... неожиданно остановился, потому что музыка оборвалась. Видимо, ...устал и уснул. Все насторожились.

- 2) Прочитайте текст и определите, где происходят события, описанные в тексте, кто эти люди? Почему вы так решили?

Человек с золотым ключом на шее показал на корабль и поднёс палец к аккуратному рту. Должно быть, человек в плаще понял этот знак. Он прокричал что-то тонким голосом, похожим на писк комара. Не прошло и четверти часа, как сотни сгорбленных носильщиков потащили к кораблю столы, корзины с едой и бочки с вином. В каждой корзине лежал хлеб, вяленый баран и жареный цыплёнок.

Что нужно изменить в тексте, если известно, что речь идёт о Лилипутии и описывает события Гулливер?

- 3) Какое значение имеют суффиксы *-ник* и *-тель* в словах *чайник, пыльник, угольник, умывальник, будильник, выключатель, отбеливатель*? Растолкуйте эти слова, если *-ник* и *-тель* в этих словах –

суффиксы лица. (Пофантазируйте!) Об одном из этих слов (вернее, лиц) напишите сочинение.

Учебная задача в самом общем виде может быть сформулирована как достраивание недостающих элементов ситуации общения.

6. Решая учебные задачи такого рода, ребёнок осваивает механизм превращения языковой единицы в *выразительный знак*. Языковой знак, по утверждению О.Г. Ревзиной, становится выразительным тогда, когда в нём «содержится дополнительная информация: первичное значение выступает как внутренняя форма по отношению к вторичному значению, что и создаёт двуплановость семантики. <...> Выразительные языковые знаки выступают теми элементарными молекулами смысла, которые кладут начало формированию образа автора в словесно-художественном произведении» [Ревзина, 1989. С. 138 – 139].

Создавая выразительные знаки, ребёнок осваивает не отдельные функции знаков, а сам механизм появления *выразительности* в его собственной речи. Это и есть точка развития, это и есть *речевая субъектность*, потому что именно в этот момент возникает языковая рефлексия, именно в этот момент ребёнок обнаруживает *своё* слово по отношению к *чужому* слову.

Текст – основная дидактическая единица. Один из основных принципов – текстовая насыщенность учебного пространства (детские тексты, художественные, научно-популярные, учебные). Требования к отбору текстов для заданий: яркие по языку, разнообразные в жанровом и стилистическом отношении; авторские тексты, по возможности неадаптированные.

Обучение русскому языку не ограничивается рамками урока. Обязательно дополнение урока специально организованной (вместе с детьми) языковой средой. Под образовательно-языковой средой понимается весь корпус текстов, возникающих и имеющих хождение в стенах школы (школьные законы, газеты, доклады, сценарии праздников и т.п.). Речь идёт о структуризации и организации этой среды с целью максимального воздействия на речевое развитие ребёнка. При реализации коммуникативного подхода специально организованная среда является необходимым условием и средством речевого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., 1994. – 544 с.
3. Давыдов В.В. В чем различие педагогического и психического развития // Педагогика развития: проблемы современного детства и

- задач школы: Мат. 3-й науч.-практич. конференции. Красноярск, 1996. С. 3 – 8.
4. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.
  5. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.
  6. Окладникова Т.В. Две стратегии грамотного письма // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике. Красноярск, 1996. С. 97 – 102.
  7. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. М., 1989. С. 135 – 151.
  8. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. М., 1994.

S U M M A R Y

This article is dedicated to the communicative-active approach to Russian Language teaching processes which is in moving in the center the pupil as a language personality.

А.И. Дьяков*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ВАРВАРИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ГОРОДА

Интеграция России в мировое сообщество и процесс глобализации стали причиной вхождения в русскую речь 1980-1990-х гг. многочисленных англицизмов и американизмов. Особенно большой «импорт» англицизмов наблюдается в сфере товаров и услуг, рекламе, шоу-бизнесе, в средствах массовой информации и в сети Интернет.

В данной статье мы коснемся проблемы англоязычных варваризмов, которые служат одним из важных источников постепенного утверждения иноязычного слова в нашем языке.

Каковы же условия, позволяющие относить одни англицизмы к разряду тех, которые могут быть заимствованы русским языком, а другие – к разряду «варваризмов», чуждых, механически перенесенных в русский язык английских слов.

Л.П. Крысин определяет заимствование как процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой [Крысин, 1968. С. 10]. Ю.С. Сорокин формулирует несколько конкретных предпосылок заимствования [Сорокин, 1980. С. 18], которые мы рассматриваем как условия существования заимствованных слов в отличие от варваризмов:

---

* © А.И. Дьяков, 1999

1. Формальная приспособленность слова к нормам языка, то есть к его звуковой и морфологической системе: дилер (-а, -у), дилерский (-ого, -ому, -их).
2. Широкое употребление слова в речи, в разных стилях, у разных авторов.
3. Появление у иноязычного слова производных и подчинение его словообразовательным законам усвоившего языка: спонсор – спонсорство, брокер – брокерша, парк – парковка – припарковаться.
4. Дифференциация значения английского заимствованного слова и его ближайших синонимов: презентация – представление, имидж – образ – подобие и т.п.

Все перечисленное не характерно для варваризма. Некоторые лингвисты считают варваризмами подлинно иностранные слова, вкрапленные в русский текст, иноязычные слова, **не до конца освоенные** заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения [Розенталь, Теленкова, 1976. С. 44] или слова из чужого языка, обороты речи, построенные по образцу чужого языка, нарушающие чистоту речи [Евгеньев, 1981. С. 137]. Варваризмов в русских словарях нет. Это иноязычные слова, независимо от того, передаются они в тексте средствами русского или другого алфавита [Розенталь, 1976. С. 25].

Вслед за Л.П. Крысиным, мы относим к варваризмам и иноязычные вкрапления: их объединяет явная чуждость для родного (в данном случае русского) языка, формальная и содержательная неосвоенность.

В последнее время у нас появляется большое количество английских слов, передаваемых средствами латинского алфавита, которые нередко реализуют декоративную функцию, являясь созидательным, красочным средством в рекламе, СМИ, в сфере товаров и услуг. Так, названия сети магазинов «Best» (= наилучший), «O'key!» (= прекрасно!), не столько информативны, сколько прагматичны. Они ассоциируются у русского покупателя с модной одеждой, с товарами высокого качества. Названия магазинов «Wornwood» (= полынь) пишется по-английски (в некоторых случаях внизу дается мелким шрифтом его русский эквивалент) с целью популяризации фирмы, специализирующейся на выпуске женской одежды. Внутренняя форма слова на вывеске для обычного покупателя остается скрытой.

Из 33 магазинов канцтоваров Новосибирска только 13 имеют привычные русские названия: «Родина», «Планета», «Школьник». Другие же предпочли английские номинации транслитерировать рус-

скими буквами: «Принтинг», «Атлас-пейпер», «Спейс», «Альфа-трек», «Фолькон», «Смистар» и пр. [Все для офиса, 1998. С. 16].

Некоторые компании, предпочитающие англоязычные номинации, постепенно переходят на их русские соответствия: «Шемрок паб» (пивная «Трехлистник»), которые А.А. Реформатский называет «практической транскрипцией», где переводится не буква в букву, не звук в звук, не фонема в фонему, а слово в слово во всей полноте его лингвистической характеристики (лексической, фонетической, графической). Транслитерация обычно принимает во внимание только соответствие букв двух алфавитов, звуки же, скрывающиеся за ними, учитываются только очень приблизительно [Маслов, 1987. С. 262]. Например, название новосибирской фирмы по перевозке пассажиров «Динамекс» передано буква в букву, полного звукового соответствия с источником нет. Дилерская компьютерная компания «Sibway» ('сибирский путь') давно известна под аббревиатурным знаком «Сибвей», больше характерным по строению для русского языка. Компания по поставке автомобилей «I C Trade» также затранскрибировала свое название по-русски – «Ай Си Трейд». Переход к русской графике в названиях позволил этим фирмам стать популярными среди русскоязычного населения. Один и тот же варваризм в номинации предприятий может стать частью не только одного сложного слова («Сибвей»), но и целого ряда: Лукойл, Сибойл, Тюменьойл, – где *ойл* (oil) по-английски «нефть». Возможно, привлекла звучность этого маленького слова (дифтонг+сонорный). Налицо и экономия печатного пространства, так необходимая в рекламной и развлекательном бизнесе, и еще желание быть узнаваемыми на международном рынке.

Частая нетранслитерированность англоязычного вкрапления объясняется притягательностью английской графики, стремлением показать причастность к цивилизованному миру. Так, в магазине «Reebok» несколько раз повторяется надпись «Soccer re-invented» (футбол изобретен вновь). Для обычного покупателя эта фраза ничего не говорит, а служит лишь декоративным средством.

Комично порою выглядит грамматическое приспособление варваризма в просторечной среде, причем без учета не только лексической, но и грамматической семантики английского слова: «Пойдем в «Анималзу», – говорят женщины, стоя перед магазином, где продают товары для животных, под вывеской «Animals». «Анималзу» содержит противоречащие друг другу русскую и английскую флексии – единственного числа -у и множественного числа -s.

Некоторые русские фирмы-производители также предпочитают иметь в названиях своих магазинов если не английские слова, то хотя бы звуковое подобие им. Челябинская фирма «Юничел» (челябинская

обувь для юных) использует в своем названии аббревиатуру, напоминающую по звучанию некоторые английские слова: *clinical*, *universal*. Ср. возможное в советские времена сложносокращенное слово типа «Челоблторг».

Анатолий Коимин называет собственную фирму своим именем на английский манер – «Tom Klaim» («Том Клайм»), намереваясь, видимо, привлечь покупателя подтекстом конкурентоспособности на мировом рынке. Этим же можно объяснить и выбор в качестве своего товарного знака слова «Carprice» вместо русского «Каприз» новосибирскими производителями туалетной бумаги. К названиям фирм и магазинов, которые обозначаются русскими буквами, можно добавить номинации сети магазинов компьютеров «Техно Сити», «Левел». Фирма, торгующая изоляционными материалами, имеет два варианта написания названий: английский *ISOVER* и транслитерированное «Изовер» [Ва-банкъ. 1999. № 5]. Транслитерацию метафоризованного композита «Honey well» (= 'колодец меда') использует фирма, торгующая радиаторами. В данном случае снова можно говорить о скрытости внутренней формы слова для обычного покупателя, что обедняет содержание вывески («Хонивелл – комфорт в Вашем доме») [Ва-Банкъ. 1999. № 4]. Название американской фирмы, ведущей торговлю шкафами-купе «Mr. Doors», в русской рекламе пишется русскими буквами «Мистер ДоорЗ из США» [Ва-Банкъ. 1998. № 42].

Популярная фирма, специализирующаяся на средствах связи «Beeline» (пчелиная линия), транскрибирует свое название русскими буквами «Билайн», при этом помещает изображение пчелы в форме русской буквы «эф» между двумя составляющими название корневыми морфемами, что выглядит как «Бифлайн» (= говяжья линия). Компонент *-лайн* встречается во многих названиях фирм, например, рекламного агентства «Артбизнеслайн».

Популярной транслитерированной частью, встречающейся в названиях магазинов, является английское слово *Motors* (моторы). С рекламных щитов к потребителю обращаются фирмы «Принити Моторс», «Дженерал Моторс», «МВІ Моторс», «Принц Моторс», «Юнион-моторс», «Трейд-моторс», «Риком-моторс», «Альфа Моторс», «Багира Моторс» и другие. В некоторых случаях атрибутивным компонентом в подобных названиях является чисто русское слово: «Нижегород-Моторс», «Очаково Моторс» [Автомобильная газета. 1999. № 17].

Английские вкрапления в текстах уличной рекламы, обозначающие марки русских автомобилей, передаются средствами английского алфавита: «Новый Land Cruiser – рывок в XXI век!». Мы можем встретить на рекламных постерах, в газетах и журналах нетранслите-

рированные марки автомобилей: «Sportage» (спортивный возраст), «Range Rover» (скиталец), «Swift» (быстрый), «Explorer» (зонд), «Navigator» и т.д.

Одной из существенных примет города является огромное количество книжных ларьков, стенды которых заполнены газетно-публицистическими изданиями. Многие из них названы по-английски: журналы «Men's health» (мужское здоровье), «Iron man» (железный мужчина), «Cool», «Cool Girl», «Playboy», «Vogue» (мода), журнал нового поколения «Yes!», журнал, дающий советы по уходу за кожей и волосами «Hairs», журнал для компьютерщиков «Hard'n Soft», «Russia Today», «On Board» и многие другие. Есть печатные издания, использующие смешанное русско-английское оформление своих названий: «Игрушки News», «Капитан-on-line», «Коммерсант weekly», «Коммерсант Daily» (дайджест). Интересно, что в таких названиях русское слово изменяется по правилам русской грамматики, а английское остается неизменяемым в речи. В «Капитане-on-line» появилась заметка «Халява, плиз» [Интернет, 1999. Поисковая система «Рамблер»].

Третья группа печатных изданий отмечена номинациями, выполненными русской графикой; они включают как английские, так и русские слова, комбинации которых часто очень комично выглядят «Нева-Ньюс», «Паровозов-Ньюс», «Нижний Новгород Таймс», «Лизинг-Ревю», «Крутой Мэн», «Мониторинг телерадиоэфира», «АиФ дайджест», «Обозреватель-обсервер», «Драйв» (журнал для автомобилистов) и др. Композиты «Паровозов-Ньюс», «Нева-Ньюс», имеющие конечный английский компонент, не изменяются в речи: «В «Нева-Ньюс» опубликован материал о бой-френде солистки «Стрелок» [Интернет, 1999. П/с «Рамблер»].

На улицах городов часто встречаются английские аббревиатуры. Реклама магазина включает хорошо известную среди молодежи номинацию CD (компакт диск):

В сети магазинов «Лиги»
Есть тетради, CDs, книги.

Этот варваризм активно используется в разговорной речи и в СМИ, участвуя и в словообразовательном процессе: CD-овые эффекты.

Характерно для рекламы города также наличие аббревиатуры «РС» (персональный компьютер). Иногда она оформлена графически, «ПиСи» (с сохранением названий английских букв) и активно используется в качестве корневой морфемы в словах типа «писиковый мас-

штаб», «писюк» (возникает ложная корневая омонимия, которая дает комический эффект): «Зачем ты юзил мой писюк».

В аэропорту нам встречается вывеска с аббревиатурой «VIP-зал» (VIP – очень важная персона). «С вашим отъездом все устроено, – извещает меня сопровождающий. – Машина доставит вас в зал VIP» [Комок. 1999. № 7]. Эта аббревиатура принимает участие в создании композита «VIP-персона»:

- VIP-персона XXI Московского кинофестиваля Ален Делон [Деловой вторник. 1999. № 3];
- Подошел к VIP-персоне, а она оказалась совсем не VIP [Птюч. 1998. № 3].

При этом мы наблюдаем дублирование английского слова «person», входящего в английскую аббревиатуру, давно освоенным в русском языке словом «персона». По-видимому, аббревиатура «VIP» требует расшифровки, а само слово VIP в печатном тексте не может принять флексий русского языка и требует компонента «персона» для выполнения этой семантической функции.

Популярна аббревиатура «Hi-fi» (высокая надежность). В русской уличной рекламе и на торговых стендах она выступает в качестве атрибута в сочетаниях типа «Hi-fi – оборудование», «Hi-fi – аппаратура». Это иноязычное вкрапление можно встретить на эстрадных афишах русской группы «Hi-fi», которая взяла его в качестве своего названия, см. также названия групп «Иванушки интернешинэл», «Балаган-лимитед», спонсором которой является компания «Метелица production». В этих названиях в качестве компонента взяты английские варваризмы, функционирующие в качестве контраста по отношению к исконно русским компонентам внутри номинации.

Кинотеатры со звуковыми эффектами называются на Западе «Cinema sound», поэтому устроители подобного кинотеатра в Новосибирске перенесли эту номинацию на новый объект.

Популярное словосочетание «Поколение Next» также является многозначным:

- «Поколение Next выбирает «Севен ап»» (реклама в витрине);
- «Клуб «Отдых» предлагает Дискотеку с данс-шоу».
- «Приглашаем Поколение Next, учеников 1-5 классов» (афиша).

Поколение Next расслабляется в барах «Net York Times», на дискотеках «Crazy night» (сумасшедшая ночь), обучается английскому языку в школе «Ленгвич линк» (языковой мостик), закусывает в Фаствудах (быстрая еда). Все эти номинации являются доказательством большой популярности английского языка и следствием общей тенденции к названию дискотек, ночных клубов, баров и ресторанов по-английски.

Большая часть уличной рекламы посвящена товарам первой необходимости. Многие варваризмы, встречающиеся в подобных рекламных текстах, сохраняют свой оригинальный облик, то есть написаны по-английски и заключены в кавычки. Нами было собрано, переведено и проанализировано более 200 англоязычных наименований товаров народного потребления – продуктов питания, парфюмерии, предметов и средств гигиены, сигарет и т.д. Интересно обратить внимание на внутреннюю форму этих названий. Мало кто задумывается над тем, что марка «Carefree» означает «беззаботный», «Tide» – морская волна, «Dove» – голубка, «Milky way» – Млечный путь, «Juicy Fruit» – сочный фрукт. Покупатель в магазине спрашивает две упаковки «Кэрэфри», три «Тайд-а», два «Дав-а», не задумываясь над внутренним содержанием этих наименований. В печати мы можем встретить графическое изображение этих наименований без кавычек. Не имея русских флексий, не участвуя в синтаксических связях, характерных для русского предложения, они как бы «поручают» русским компонентам высказывания маркировать их род, падеж, число: «Сияние Carefree и нежное Jonsons заполнили экраны телевизоров» [АиФ. 1999. № 5]. Некоторые же наименования переняли русскую систему флексий и часто пишутся без кавычек. Так, слово «чоко-пай» (= шоколадный пирог) не только в разговорной речи («Дайте мне два чоко-пая»), но и в рекламе активно проявляет русские флексии: «Поставка чоко-паев по доступным ценам» (Реклама). Слово имеет два графических варианта: «шоко-пай» и «чоко-пай». Первый вариант соответствует русскому произношению слова «шоколад», второй – ближе к источнику (слово пришло из индейских языков).

В один день благодаря словотворчеству создателей рекламы, страна узнала новый глагол в русской форме повелительного наклонения «сникерсни» (сникерс – сникерснуть – сникерсни). Есть вероятность появления глаголов типа спрайтни, анклбенсни и т.п.

Сигареты «АСЕ» (= ас) адаптированы продавцом на ценнике под «Асю». Здесь мы имеем дело с актуализацией ложной морфемы, которая более понятна русскоязычному потребителю, а чуждое английское слово принимает в разговорной речи русскую парадигму склонения.

Товарные марки «Marlboro», «Coca-cola», «Sprite», «Levi's» и прочие наводнили улицы нашего города, выполняя не столько информативную, сколько декоративную функцию. Эти варваризмы хорошо знакомы адресату и в известной мере утратили оригинальность. Звуковое сходство английского слова с русской словоформой позволяет достичь юмористического эффекта: Кто стянул?.. Вдруг появля-

ется совершенно голден леди, он сразу сникерсы и чипсы отбросил [Смехопанорама, 1989.10.04].

В конечном счете здесь можно видеть явление паронимии. Слово «стинол» напоминает русское «стянул». В соотносимых словах совпадет только набор одинаково расположенных согласных, они, как известно, более информативны. Актуализации ложной омоформы способствует вопросительная конструкция, ориентированная на частотное «кто стянул?» В сочетании «совершенно голден леди» при помощи наречия меры и степени актуализируется ложный корень гол(ые), слово «сникерсы» ориентированы на внешнее совпадение со словоформой «сник» (= стушевался, поник), «чипсы отбросил» косвенно напоминает фразеологизм «копыта отбросил».

Итак, англоязычные онимы, частое явление в наших городах, нередко адаптируются населением в соответствии с правилами русского произношения и графики. Некоторые из них являются потенциальными источниками полноценных заимствованных слов, так как постепенно включаются в процессы русского словообразования и грамматики. Притягательности подобных имен – следствие вхождения России в мировое сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1968.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987.
3. Реформатский А.А. Перевод или транскрипция // Восточнославянская ономастика. М., 1972.
4. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М., 1976.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Русский язык. 1976.
6. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. М., 1976.
7. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985.

SUMMARY

This article is dedicated to the problem of English barbarisms in the Russian language. The special attention is paid to the language of the city, we've made analysis of the names of shops, firms, street posters, advertisements etc. We examined the ways of penetration of these barbarisms into Russian and found out the common trends of their adaptation in it.

